

Ведический центр om-aditya

Татьяна
Земская
om-adit.ya.ru

АСТРОЛОГ:
консультации
обучение
МИСТИК
АВТОР

Астрология

Аюрведа

Вебинары

Консультации

Веды

Присоединяйтесь к нам в социальных сетях

Мы желаем Вам процветания, и радости!
Улучшайте качество жизни и сознания,
вместе с Ведическим Центром Ом-Адитья.

**ДВЕ ЖИЗНИ
НАЧАЛО**

Э. Кришнамачарья

*Эль Мория
Джусал Кхул
Майтрея*

ДВЕ ЖИЗНИ

НАЧАЛО

Москва

Амрита-Русь
2009

УДК 133

ББК 86.42

К82

Кришнамачарья Э.

К82 Эль Мория. Джуал Кхул. Майтрея. ДВЕ ЖИЗНИ. НАЧАЛО / Э. Кришнамачарья; пер. с англ. К.А. Зайцева. — М. : Амрита-Русь, 2009. — 192 с.

ISBN 978-5-9787-0367-2

Астрология бывает двух типов — эзотерическая и экзотерическая. Именно с эзотерической ветвью астрологии связана истинная духовная мудрость человека, и эту ветвь мы называем духовной астрологией. Эта наука провозглашает, что в своем явлении существовании индивидуальность троична — это материя, ум и дух. Эти начала образуют ее тело, ум и дух, из которых излучается ее сознание.

«Инструкции, дающиеся в этой книге, исходят “из высших кругов. Они от тех, кому я следую, для тех, кто следует за мной”. Цель, которой они могут послужить, и определяет их место».

С организацией, распространяющей учение и книги Э. Кришнамачары, можно связаться по адресу: Master EK Spiritual and service mission, Svetadweepam, Chinamushidivada, Visakhapatnam 531173, India.

УДК 133

ББК 86.42

ISBN 978-5-9787-0367-2

© Master EK Book Trust, 1966

© Зайцев К.А., перевод на русский язык, 2004

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «ИД «Амрита-Русь», 2009

Предисловие

У каждого из нас есть следующие слои сознания, которые можно легко распознать. 1. Точка сознания, называемая нами индивидуальностью. Вокруг неё концентрируются все прочие вещи. 2. Ум, распознающий своё собственное существование. 3. Ум, исходящий через чувства и сходящие в соприкосновение с «другими». 4. Ум, который познаёт и решает. 5. Ум, устанавливающий взаимоотношения с другими. 6. Свет, распознающий своё существование в других. 7. Тот, кто живёт во всём в форме Любви.

Есть люди, живущие в каждом из этих семи уровней сознания. Живое существо просыпается, подобно центральной точке шара своего собственного существования, как индивидуальность. Она предпринимает своё путешествие и просыпается во втором, затем третьем слоях своего существования. Этот процесс везде древние называли эволюцией. Он продолжается, пока не достигается седьмой, самый внешний уровень сознания, и она не переживает Единое Бытие — освобождение от шести других слоёв. Седьмой слой, хотя он абсолютен и вне времени, и вне пространства, существует как Единая Личность, изливающая свою любовь на существ всех других слоёв. Её можно назвать Вечным Существованием. Время от времени на Землю нисходят люди, живущие в физическом теле с таким осознанием. Они пробуждают то же сознание в других и показывают нам образ жизни, который ведут, чтобы переживать Вечное Существование. Называя это Законом, устанавливают его и возвращаются на свои уровни или планы существования. Все они — формы Единого Бытия, Единого Гуру, Мирового Учителя.

У каждого из них есть свой метод пробуждения живых существ к вечной жизни. Господь Кришна, обладая своим собственным способом, назвал его «Музыкой». Исполняя эту музыку на флейте, был способен пробуждать души к своему Существованию или сделать так, чтобы некоторые из них вокруг него могли его пережить. Внезапно заставлял пережить это всех окружающих, сделав данный этот процесс формулой освобождения и великим решением всех проблем человечества. Как описывают Пураны и Махабхарата. Внутренние свидетельства позволяют произвести обратные вычисления, основанные на астрономических явлениях. Махабхарата, Бхагавата Пурана, Харивамша и Вишну Пурана дают нам следующие внутренние свидетельства.

1. Господь Кришна родился в 3228 году до н.э. в полночь между 19 и 20 июля.

2. Своё физическое тело он оставил 18 февраля 3102 г. до н.э.

3. Вместе со своим народом жил в Двараке, городе, построенном им на берегах нынешнего Гуджарата. Сегодня этого города больше нет, поскольку он погрузился в море на седьмой день после смерти Кришны.

Главные персонажи данной книги взяты из Пуран. В ее основе — древняя традиция, ставшая фундаментом теософической мудрости. Майтрея, Мару и Дэвапи взяты из Пуран, при этом показано, как, проходя через многие рождения и перерождения, они живут с непрерывностью сознания, позволяющей им продолжать свою работу по связному плану. Этот план называется «Планом Учителей», и у него нет иной цели, кроме исполнения намерения Мирового Учителя, когда бы и где бы он ни пожелал коснуться человечества своей новой вибрацией. В нашу эпоху Майтрея известен также и под именем Христа, Мару Пуран — как Морья, Дэвапи — как Кут Хуми, Джувал Кхул, светоч нынешних дней, — как Учитель Д. К., или Тибетец,

готовившийся к ученичеству у Мору и Дэвапи на протяжении столетий. В данной книге описываются факты, произошедшие несколько тысяч лет назад, и ход событий, сделавший Джуала Кхула учителем.

Всё содержание этой книги пришло мне на ум, подобно вспышке, в течение секунд, и я начал диктовать её в 10.30 27.I.1973 года, а завершил в 17.30 10.II. того же года.

Книга пришла ко мне без всякой просьбы с моей стороны. Тогда я думал, что это будет один том. Впоследствии же написал следующий том — «Человек-жертва», а затем книгу «Мировой Учитель». Согласно последовательности развития событий, они образуют часть биографии Господа Кришны в следующем порядке: т. 1. «Мировой Учитель»; т. 6. «Музыка души»; т. 7. «Человек-жертва», а тома 2, 3, 4 и 5 ещё ожидаются. Том 2 почти завершён и готов к публикации. Названия других книг, как я понимаю, должны быть следующими: т. 2. «Игра ребёнка», т. 3. «Олицетворение закона», т. 4. «Знамя орла» и т. 5. «Раковина»¹.

Каждый из них публикуется на телугу — языке оригинала, с которого они переводятся на английский тем же автором.

*Вишакхапатнам, 26 июля 1983 г.
Э. Криинамачарья*

¹ Приняты учителем Э.К. и напечатаны были лишь тома 1, 2, 6 и 7.

ГЛАВА 1

Шар солнца скользил к линии, разделяющей море и небо. Полупотухшие искры отражения тщетно боролись со слоями сгущающейся темноты. Это было похоже на кровь, которая проливалась на поверхность океанских волн, отражавших сумерки. Океан будто не мог выдержать этой трагической сцены, и его отчаяние выражалось движением глубоких вод. Зимние бризы проносились над водой, вызывая дальнейшее смятение и срывая пену с волн, которые приветствовали их, баюкая и лаская. Ветры пересекли границу моря и вторглись во владения земли, разнося песчаные холмы и заставляя песчинки носиться по кругу. Их прикосновение к деревьям и нежным лианам изобильных садов Двараки было мертвенным. Всё выглядело так, будто издавало свой последний вздох.

Среди зарослей деревьев, на плите белого мрамора, подложив под голову левую руку, а правую ногу поставив на левое колено, лежал богатырь невиданной красоты. Он глядел в небо, что-то созерцая. Между его бровями стекал мускусный знак, растворённый каплей пота и напоминая комету на сумеречном горизонте. Пот во время зимнего бриза! Но кому дано постичь лаву, скрытую в складках его лба? На нём была золотисто-жёлтая нижняя рубашка, подпоясанная голубой шёлковой лентой. Она свисала, подобно шее спящего павлина. Ожерелье из жемчужин и алмазов отброшено немного в сторону, открывая чёрную родинку на груди. Пряди его волос отражались в мраморе, подобно куче сапфиров, а корона, украшенная драгоценными камнями и павлиньим пером, лежала рядом на мраморной плите. Казалось, что его полузакрытые лотосовые глаза предоставляли закату любезное позволение.

В смутном сумеречном свете к нему приблизилась могучая фигура с пепельными волосами, одетая в чёрное. Быстрым выдохом издав звук, напоминавший шипение кобры, пришелец ожидал ответа. Ничего не последовало. Наверное, обладатель покоившейся фигуры был поглощён собственными мыслями. Глаза его были полузакрыты. Возможно, он исследовал возмущения миров скрытых причин?

— Кришна, Кришна! — обратился к нему пришелец. Кришна открыл глаза и с улыбкой сел.

— Что созерцаешь?

— Будущее ядовов.

— Которой их части? Наши несчастные товарищи разделены теперь на две постоянно борющиеся между собой группы.

— Все они, родившись и развившись из меня, являются моей частью.

— Когда часть твоей плоти поражает рак, можешь ли ты всё ещё назвать её частью себя? Нынче ядовы поглощены опасным занятием — пожирают друг друга, подобно бациллам. Что заставляет тебя переживать за свой народ, полное уничтожение которого неизбежно?

— Ты считаешь, брат мой, что я на самом деле считаю ядовов своими? — спросил с улыбкой Кришна.

— Я не знаю, что ты чувствуешь. Насколько это касается меня, я потерял к ним всякую симпатию. Их поведение отвратительно.

— Извини, дорогой брат, но я ни к кому не испытываю отвращения. В этом и вся разница.

— Мой невинный брат! Ты всё ещё надеешься восстановить Закон? Для кого ты принёс его на землю, когда здесь полный упадок и разорение?

— Собранный урожай несёт в себе семя для будущего. Можно вспахать землю и снова его посеять. Владыка времён года никогда не устаёт из года в год

приносить плоды. Мёртвые рождаются вновь новыми расами будущего.

— Но как насчёт настоящего?

— Настоящее всегда ускользает в тайну времени.

Баларама сел рядом с Кришной и, положив руку ему на плечо, мягко сказал:

— Брат мой! Разве это не разочарование — видеть, как за все твои лучшие намерения отплачиваются злыми делами? Какова же, по-твоему, причина этого неожиданного поворота?

— Облачённые в тела из материи, живые существа действуют как смертные. Твоя осознанность, похоже, на время затуманилась. Помни, что приход Кали — это часть великой драмы. С водарением Юдхиштиры установился мой закон, но тогда же было посеяно и семя эпохи Кали — кали-юги.

— Что же теперь случится в этой почитаемой стране божественной кармы? Какие чары твоей йоги сейчас действуют? Как смог Кали явиться среди ядов, находящихся под твоей защитой?

— Ядовы не получают моей защиты, поскольку не знают самоотречения. Они просто мои современники. Их индивидуализм и своеволие вызвали Кали и привели к расколам. Началом упадка нравственности стало вторжение Чёрного Яваны.

Братья встали и пошли по тропе, которая вела среди рядов деревьев. Звуки шагов Кришны играли музыку на струнах тёмного безмолвия. Баларама внезапно остановился и сказал:

— Ведь ты здорово подстроил смерть Чёрного Яваны. И несмотря на это, говоришь, что Кали должен проникнуть в наши владения. Как же это так?

Кришна улыбнулся, и его красные от бетеля зубы, подобно рубинам, сверкнули в темноте.

— Кали для прихода не нужен Чёрный Явана. Смерть Яваны стала только причиной для вспышки Кали, ведь

вместе с Чёрным Яваной в нашу страну вторглись бесчисленные враги.

— Ты знаешь силу и доблесть нашего народа. Ты мог предупредить нас заранее.

Тёмное звёздное небо выглядело, как испещрённая дырочками завеса. Искорки звёзд на тёмном фоне двигались туда и сюда. Это был просто океан темноты. Кришна сказал:

— С одной храбростью не нападёшь на армии Кали. Одна из трёх его сил уже перемешалась с жителями нашей страны. Их нельзя устраниТЬ, поскольку они стали частью нашего общества, потихоньку настраивая против своей страны собственный народ. Если мы начнём с ними бороться, то придётся изничтожить и местных жителей. Подбрасывая мысли о революции, они подстрекают наших людей убивать друг друга во имя различных групп. Вторая сила — это сила секса. Чёрный Явана внедрил в нацию тысячи беспринципных молодых женщин. Культура молодёжи приобрела сексуальный характер, что привело ко всеобщей нервозности и полной потере распознавания, ненависти и гневу, который оказался самоубийственным. Третья же сила — пьянство. Оно тоже уже постучалось в нашу дверь.

Баларама смущился и отвернулся в сторону. Кришна продолжал:

— Чёрный Явана натравил эти три силы на наш народ, а потом удалился.

Братья уже выходили из ворот сада, когда к ним приблизился святой подвижник и поклонился в почтении. Он был высок и хорошо сложен. Цвет его лица был золотистым, а между красивых лотосовых глаз можно было заметить две линии, загибающиеся к бровям, которые соединялись, напоминая бутон лотоса. Между бровей его светилось золотое сияние, которое, казалось, рассеивало темноту. Кришна встретил его с улыбкой и сказал:

— Рад тебя видеть, дорогой Майтрея!

— Нет ничего, что не было бы известно Господу.

— Да, всё познано, но должно познаваться вновь и вновь.

— Мой Господь! Ты — воплощение божественной магии и стоишь за великой драмой. Но я здесь не для того, чтобы демонстрировать своё красноречие.

— Так какова же цель твоего прихода?

— Ты и есть конечная цель всего. И ты ещё спрашиваешь, почему я пришёл!

— Зачем же ты здесь? Возглавить мир?

— Твоя воля будет исполнена, раз так. Лишь она привела меня сюда.

— Да. По моей воле ты здесь, чтобы быть режиссёром Великой Драмы. Ты пришёл из Бадарикашрама? Если так, то знаешь ли ты что-нибудь о благополучии наших людей там?

— Мой Господь! Скажи мне, кто не твои люди? Покуда изливается твоя милость, что возможно, кроме благодеяния и благополучия?

— Так что, ты понял направление моей милости? — спросил Кришна с улыбкой.

Поражённый, Майтрея стоял, сложив руки. Повинувшись, он произнёс: «Шри Хари».

— Обитатели Белого Острова всегда распевают имя Шри Хари и, будучи в его присутствии, находятся в безопасности. Даже при растворении миров! — произнёс Кришна.

Баларама вмешался:

— Дорогой Майтрея, друг мой! Учение твоего великого учителя Кришны, похоже, аккуратно пройдя сквозь уши ядов, достигло жителей Белого Острова. А они-то сохранили его в своих сердцах.

Кришна взглянул в глаза Майтреи и сказал:

— И где же ты окажешься теперь? Ведь ты из тех мудрецов, что даже на краткое время не задерживают-

ся в одном месте. За это время и корову не успеешь подоить.

— Заставляя нас говорить, ты только развлекаешься игрой. Ведь мы всегда говорим что-то, что ты уже знаешь. Раньше я приходил сюда, только чтобы скорее уйти. Теперь я пришёл, чтобы оставаться здесь и наслаждаться блаженством твоего присутствия.

— Физического? Наконец-то, ты пришёл получить наш приём, потому что тебя манит Божественное!

Баларама шутливо сказал:

— Будь внимателен к словам своего гуру, мой дорогой невинный Майтрея. Манит или обманывает? Правильно понимай своего Учителя!

Майтрея ответил:

— Даже Нарада не смог избежать чар его божественной игры. Его игра — для нас только благословение.

— Оставь Нараду в покое, — продолжал Баларама. — Теперь ядавы переживают горькую кульминацию своей драмы. Они разделены на политические группы, старающиеся уничтожить друг друга. Наш царь Юдхиштхира из столицы Хастины пытался объединить их, но всё без толку. Царица Драупади тоже обращалась с посланием, призывающим две группы к прекращению насилия и сближению. Группа, выступающая под знаменем Палицы, требует отдельного государства. День и ночь на улицах Двараки слышатся революционные лозунги. Видишь, как ядавы разрушают свой собственный мир? Ложные взгляды на личную свободу и независимость распространяются, как пожар, заражая уже и соседние города.

— Спирали времени развёртываются в непредсказуемые события. Но всё это лишь детские игры Господа, — сказал Майтрея.

— Так что довольствуйся таким ответом, — продолжал Баларама. — Ядавы, вставшие под знамя Палицы, требуют независимого государства и сражаются на-

смерть. Улицы полны телами убитых. Одна группа уничтожает скот другой. Люди жгут собственные дома, чтобы уничтожить дома своих соседей, выливают молоко на улицы, убивают детей и мучают женщин во имя мести, пьяные от насилия и жажды разрушения, приходят в невообразимое бешенство.

В безмолвии ночи они шли по пустынным улицам Двараки, и перед ними открывалось ужасное зрелище. Во тьме виднелись сожжённые здания и разрушенные украшения. Поскольку фонари везде были сломаны, улицы патрулировали стражники с факелами в руках. Они безжалостно преследовали граждан и избивали их, если находили подозрительными.

— Разве сейчас безопасно гулять по улицам? — спросил Майтрея.

— Не бойся, — ответил Кришна. — Кали не сможет тронуть тех, кто следует за мной.

Они прошли в главные ворота в городской стене, бдительно охраняемые неусыпными стражниками. Стражники с каждой стороны почтительно поклонились входящим во дворец.

ГЛАВА 2

Город Дварака, построенный на насыпи, выдававшейся в западный океан, был хорошо укреплён и окружён семью стенами. В первой было девять ворот. Над очень прочными главными воротами возвышались до небес две башни с золотыми шатрами. Лучи утреннего солнца отражались от них, с увеличенной силой слепя глаза. Птицы пели гимны во славу Господа. В башнях имелись просторные мраморные залы. Оттуда лилась вниз мелодичная утренняя музыка.

Музыканты с трубами и барабанами исполняли сладостную музыку в стиле бхупала. По воздуху многими мыслеформами плыла музыка, проникая повсюду и достигая ушей занятых горожан, но, увы, похоже, никто не обращал на неё внимания. На лице каждого жителя лежала печать дисгармонии. Тысячи людей проходили в городские ворота, однако каждый думал только о себе, и ему не было никакого дела до других. Обе половины ворот невообразимой величины были широко открыты. Из башен послышался и разнёсся по дороге барабанный бой. Казалось, он иёт чувство безопасности, но на каждом лице виднелась печать страха. На разных лицах этот страх отражался по-разному — от сомнения до подозрительности, от робости до гнева, от ужаса до полной потери сознания реальности. Некоторые шли неверными шагами и выглядели беспомощно и жалко. Одни уходили, не сдерживая гнева, другие находились в таком отчаянном настроении, будто собирались на кого-то напасть. А кто-то был свиреп, как тигр, из когтей которого только что ускользнула жертва.

От главного входа дорога вела прямо. Красивую ямскую станцию, отделанную мрамором и мозаикой, смутьяны разнесли на кусочки. Растения и лианы с яркими цветами, высаженные по сторонам дороги, были вырваны и поломаны. Толпы людей бродили туда и сюда. Улицы никем не убирались. Две женщины, состоявшие на городской службе, попытались было начать, но около десятка человек грубо набросились на них и вновь загромоздили дорогу, разбросав обломки руин. Эти люди, одетые как ядавы, с причёсками и знаками на лбу, как у жителей Двараки, имитировали говор местных жителей. На них были серебряные запястья и ожерелья из крупных бусин. Собравшись вместе, они стали угрожать окружающим на ломаном диалекте гхурджари. Их предводитель поднял вверх палку и закричал:

— Ну, выйдите кто-нибудь против нас! Не можете — кишка тонка! Мы пришли уничтожить рабство и объявить независимость. Наш лозунг — свобода и победа под знаменем Палицы! Долой аристократов, живущих со множеством жён! Долой фальшивых богов в человеческом обличье! Долой тиранию белых ядов! Пусть над головами у всех вознесётся знамя Палицы! Мы пришли, чтобы защитить права угнетённых ядов!

Они заводились всё сильнее и набросились с кулаками на невинных прохожих и женщин, пытавшихся хоть как-то исправить положение. На несколько минут воцарилась всеобщая паника. Тысячи ядов столпились вокруг и наблюдали эту сцену. Хотя смутьянов было немного, а зевак — тысячи, ни у кого не хватило храбрости им противостоять. «Да, Кали может выстроить стены, отделяющие человека от человека, — думали люди. — По отдельности каждый добр, но беззащитен. Каждый хочет мирной жизни и защиты, однако невидимые стены вырастают между гражданами, держа их порознь. И кто в таком случае может нас защитить?». Их охватило глубокое раскаяние: «Кто же защитит нас? А кто защищал нас до сих пор? Кто защищает жизнь лягушки на камне и дерева на вершине холма? Всё тот же, кто повелел нам посеять семя и прорастить его, кто повелел растению принести плод. Он дал нам съесть этот плод и радоваться его присутствию в Двараке. Разве мы не можем понять хотя бы это? О, Господь наших сердец, ты пребываешь в наших сердцах и спасаешь нас только для того, чтобы со временем мы тебя забыли. Ты — наш путь и наше предназначение. Если мы считаем своим какой-нибудь другой путь, то таков наш рок, такова судьба. Это всего лишь наша слабость». Так думали горожане, и по их щекам катились слёзы.

Вдруг в толпу ворвались десять хорошо вооружённых полицейских — сильные и статные, все одетые

в шёлковую форму с государственной символикой — колесом и раковиной, а в их причёсках блестели алмазы. На лбу у них были вертикальные черты, у каждого за поясом длинного плаща — по кинжалу. Пики, которые они несли, были выше их самих, а доспехи на груди украшала эмблема орла. В крепких ботинках и чулках из змеиной кожи они выглядели, как настоящие символы бесстрашия. Люди заметили их, и в трепете толпа расступилась, давая им дорогу. Некоторые сразу же направились домой, даже не оборачиваясь. Пострадавшие женщины, всхлипывая и плача, последовали за полицейскими.

Через несколько секунд стражи порядка уже подошли к бандитам, которые стояли молча. Один из смутивших закричал диким голосом:

— Да здравствует знамя Палицы! За победу Палицы! Вперёд, к независимости!

— Молчать, вы арестованы! Разве вам нечего есть? Подчиняйтесь и следуйте за нами, — сказал один из полицейских. Внезапно революционеры выхватили острые мечи, которые были спрятаны у них в тростях, и закричали: «Руки прочь от нас! Не стойте на пути нашей независимости! Мы — главные борцы за свободу! Если в ваших сердцах остались хоть следы патриотизма, вы тоже должны следовать за нами и примкнуть к нам!».

Полицейским удалось обезоружить бунтовщиков, быстро вывернув им руки. Те пытались сопротивляться и дальше, но стражи порядка привязали их за руки к древкам пик и начали колотить. Тогда бунтовщики закричали: «Убейте нас, героев борьбы за независимость! Солнце независимости взойдёт, аloe от нашей крови!»

Затем между офицером полиции и революционером состоялся следующий разговор:

- Чего вы хотите?
- Независимости.
- Кто ей препятствует?

— Вы. Сами связываете нас и ещё говорите о независимости!

— Это ваше зло связывает вас. Как же так выходит, что мы не связываем всех этих людей на улицах?

— Они бедные, беспомощные создания. Они не знают, чего хотят. А мы пришли обеспечить их права. Их свобода — наша свобода! Их безопасность — наша безопасность!

— Вот для их-то безопасности мы вас и связали! Если бы вы действительно хотели защитить их интересы, вы бы не учиняли над ними насилия. Вы — изменники. Мы призовём к народному правосудию — проведём суд, а присутствующие пусть будут судьями. Они решат вашу судьбу. Так повелел владыка всех наших народов.

Из толпы послышались крики:

— Это вопиющая несправедливость! Это против воли народа! Мы этого не одобляем! Вы арестовываете невиновных! Мы требуем, чтобы их отпустили! Вот наш вердикт. Если вы не примете его и не подчинитесь, мы в знак протesta убьём себя! Суду народа надо подчиняться!

Началась неразбериха. Вдруг один из полицейских принял решение:

— Те, кто желает освобождения этих погромщиков, могут выйти из толпы и показаться.

Тут же от толпы отделились около тридцати человек. Все они, одетые, как местные жители, отличались от них по телосложению и цвету кожи: темнокожие, с телами грубого крепкого атлетического сложения, низкорослые, что было нетипично для местных жителей. В несколько секунд полицейские окружили их. Саганика, один из полицейских офицеров, обратился к большей части толпы, составлявшей основную часть публики:

— Я надеюсь, вы настоящие жители этого города. Может ли кто-нибудь из вас опознать этих чёрных коротышек? Кто может удостоверить их личность?

Никто не ответил. Тогда Сатаника обратился к группе из тридцати человек, стоявшей поодаль:

— Ну-с, господа, теперь вам придётся открыться — кто вы и какое отношение имеете к нашим гражданам?

— Мы не жители этого города, а прибыли из десяти деревень в ста милях отсюда, — ответил один из них.

— А как вы связаны с этими смутьянами?

— Нас связывает с ними народное правосудие. Мы не допустим несправедливости! Это наш долг — защищать наши права и наши принципы!

— Народ не должен нести ответственности за ваши принципы! Пусть теперь горожане будут судьями, которые вынесут вам вердикт! Я обращаюсь к гражданам Двараки. Если никто из вас в течение трёх минут не подтвердит их личность, мы будем считать это вашим согласием заключить их в тюрьму, как предписывает повеление нашего Владыки. Если у кого-то есть возражения, вы можете высказать их.

Наступила трёхминутная пауза. Никто не выступил, и в мгновение ока тридцать карликов одним прыжком скрылись в толпе. В следующее мгновение какие-то люди в толпе схватили их, связали им руки и ноги и вывели на возвышение. Это были полицейские в штатском.

ГЛАВА 3

В большой красивый мраморный зал с окнами, в которые вставили прозрачные кристаллы хрусталя, заглядывали звёзды. Пол был так отполирован, что в нём отражалось всё. Дорогой ковёр, покрывавший возвышение, был мягок, как спина кошки, за исключением, естественно, тех мест, которые украсили алмазами. Семь сидений с подушками и олеными шкурами были расставлены полукругом. В центре находилось гладкое

кубическое возвышение из чёрного дерева, застеленное полупрозрачным куском небесно-голубого шёлка. Два его конца наклонно спускались на ковёр. На них были вышиты красивые картины из жизни Господа, рассказывающие о событиях его детства. С одной стороны вышивка показывала, как он убивает змею, а с другой — демоницу Путану. Блестящие поверхности четырёх стен также были украшены картинами с эпизодами из жизни Кришны. На одной четырёхликий Браhma уводил коров. Другая изображала Кришну во дворце слепого царя, куда он прибыл с целью сохранить мир. На третьей Господь поднимал своим мизинцем гору. Четвёртая — сцена посвящения Арджуны в тайны Бхагавад-гиты. Глубоко в отверстиях стен были установлены лампы в изысканных плафонах.

— Парантапа, видишь, как глупо полагать, что влияние Кали кончилось со смертью сыновей слепого царя? — нарушил молчание Сатаника, наклоняясь вперёд со своего сиденья. — Я хорошо это помню. После войны Махабхараты наш Учитель вернулся в Двараку прямо с коронации Юдхиштиры. Тогда он предупредил нас насчёт внутренней безопасности. Наш друг Сатагопа дивился этой речи — правда ли это или наш Владыка просто решил напомнить нам об осторожности.

— С детства мы обучались под личным руководством нашего Владыки, — ответил Сатагопа. — И лишь после долгой подготовки в криминалистике он взял нас на административную службу. Всё же я нахожу вещи загадочными, а ситуации — запутанными под магическими чарами Кали.

— Среди вторгшихся в наш город и нарушающих закон я увидел две разные группы, — заметил Сатаника. — Одна из них состоит из глупых, как овцы, жителей нашего города. Их исподтишка науськивает другая группа — чёрные коротышки, которые не из нашей провинции. Около сорока дней назад наш Владыка предупредил нас

об этих двух группах. Это было на собрании по случаю полнолуния. Тогда он собрал сорок человек за стенами гаремного сада.

— Теперь я вспоминаю, — сказал Парантапа. — Вас парами пригласили в сад. Слуги думали, что вы собирались, чтобы поужинать при лунном свете. Встреча считалась частной, и ворота были заперты.

— Теперь я расскажу остальное, — продолжил Сатаника. — Внезапно объявили, что Владыка собирается играть на флейте возле пруда с источником. Все женщины бросились туда и собрались вокруг водоёма. С полузакрытыми глазами они уселись в медитации. Тем временем наш Владыка улучил время, чтобы закончить свою речь. Он сказал о глупом отношении горожан, тайном плане чёрных карликов и их программе «самопожертвования». Сейчас также дал инструкции, как противодействовать этому плану.

— Может ли мы что-либо узнать о данной программе? Это что-то новое. Как же это Владыка не сказал нам о ней? — спросил Парантапа.

— Теперь для этого настало время, — ответил Сатаника. — Он поручил мне всё вам объяснить. Эти чёрные коротышки прибыли из страны Яваны. Они — последователи Чина, брата Чёрного Яваны. Прошли хорошую подготовку в боевых искусствах, владении оружием, взрывном деле, могут сражаться с людьми, львами и тиграми. Также они научились самоистязанию, хождению по огню, плаванию под водой и умению долго оставаться там неподвижно. За большие деньги их обучали мастера боевых искусств из Гандхары. Вы знаете менталитет народа Гандхары. Явана подготовил вторжение восьми различных групп в нашу страну. Семь из них работают тихо и подпольно, а эти чёрные карлики принадлежат к восьмой. Особая их задача — разрушить общественный порядок путём постоянного распространения подрывных идей. Они возбуждают в народе страх, раздувая

национальный вопрос и внося в него путаницу. Когда их задерживают, выкрикивают лозунги и преувеличивают картину своего наказания. Завоёзывают симпатию среди дураков из местного населения, добиваясь своей цели даже ценой жизни. Если же их не схватят, то они могут работать очень долго. Есть один бхаратский политический лидер, который работает у правителя яван советником. Это он организовал их подготовку.

— Мы можем узнать его имя? — спросил Сатагопа.

— Да. Его имя — Ракта Шарма.

— Ракта Шарма?! Похоже, я уже слышал в связи с чем-то это имя. Если я правильно помню, это имя не настоящее. Некоторое время назад я видел его в списке людей, за которыми надо было вести наблюдение, данное мне Мадхурватой.

— Меня обнадёживает твоя бдительность. Я вручу тебе этот список по приказу нашего Владыки, и это имя в нём было, — сказал Мадхурвата. — Сейчас я расскажу тебе кое-какие подробности о Ракте Шарме. Он учился вместе с Сандипани — учителем нашего Владыки, но теперь уже стар. Устроив в лесах на северо-западной границе секретный учебный центр, каждый сезон привлекает туда студентов из различных университетов нашей страны. Он подразделяет их на четыре группы. Все из них владеют восемнадцатью местными языками, но каждая группа хорошо обучена своей особой технике. Цель Ракта Шармы — подорвать силу Юдхиштиры. Он поклялся свергнуть его и положить ему конец. Инструкторы тренировочного центра являются экспертами по подготовке операций и соблюдении секретности. Он называет этот центр «школой древних знаний», где якобы изучаются астрология и астрономия. Некоторые из его студентов уже эксперты в учениях Яваны. Ракта Шарма смог найти яванского гипнотизёра, обладающего некоторыми психическими силами, и с его помощью повлиять на часть молодёжи Бхараты. Он учит студентов таким ло-

зунгам: «Герои независимости, объединяйтесь! Страна Яваны поддерживает независимость. Она даст защиту коренным жителям любого государства, если они хотят свободы. Она поможет деньгами и людьми борцам за независимость каждой нации, окажет военную помощь правому делу всякой страны». Он распространил памфлеты с этими лозунгами в школах, колледжах и университетах.

Зимний бриз задувал в окна, и Парантапе инстинктивно захотелось выглянуть в одно из них. Далеко внизу огромной массой темноты виднелся океан. Сверху рас простёрлось тёмное небо с мерцающими звёздами. Зал был расположен на пятом этаже. Всё здание представляло собой большую круглую башню, напоминавшую колонну, на вершине которой располагался вращающийся маяк. Башня находилась в море в шести милях от берега Двараки. Между берегом и башней находился небольшой необитаемый остров, называвшийся Прабхаса. Следующий этаж над головами собравшихся был уже огромным куполом вращающегося маяка. От мощного маяка на тёмную поверхность моря ложилось кольцо кроваво-красного света. Снаружи его шёл широкий пояс молочно-белого освещения, в котором всё было видно. Волны океана в этом свете выглядели, как разлитая ртуть. Орлиный глаз Парантапы узрел в море какую-то точку, медленно приближавшуюся к зданию. — Саманака, — позвал он, не отрывая от неё глаз. Стражник с латунным жезлом и в шлеме подошёл и поклонился.

— Ты видишь приближающуюся лодку? — спросил Парантапа, указав пальцем в окно.

— Да, господин. Мы получили сообщение о ней с острова Прабхаса, как только она отошла от берега. Наши разведчики с третьего этажа наблюдают за ней, держа оружие наготове. Одна лодка уже спущена на воду. Мы ждём ваших приказаний.

— Это мы ждём указаний нашего Владыки. А ночная стража может сама принять решение насчёт лодки. Им не нужно ждать наших приказаний..

— Да, господин, — сказал слуга и вышел.

Парантапа вернулся на своё сиденье. Мадхуврата продолжил:

— Гипнотизёр из страны Яваны уже набрал первую группу учеников. Среди них — многие из сыновей ортодоксальных брахманов нашей страны. Он же может сделать из них верных сынов страны Яваны. Как мёд, изливает он на них своё расположение, и ученики попадают в его ловушку. Молодые люди в его руках — что кобры перед заклинателем змей. Этот гипнотизёр известен под именем Чарвака.

— А знаешь ли ты настоящее имя Ракта Шармы? — спросил Сатаника.

— Да. Его настоящее имя — Брихаспати.

— Да уж, он опозорил хорошее имя, — заметил Сатагопа.

— Используя хорошие чувства, которые связывают люди с этим именем, он смог привлечь много молодёжи, — продолжил Мадхуврата. — Учредил свой собственный культ — Путь Брихаспати, и воспитывает в его духе антиобщественные элементы. Молодые брахмачары из ортодоксальных семей сначала приходят к нему из-за имени, а как только к нему приближаются, то попадают на путь чувственности, откуда уже нет возврата.

— Вот так-то! Уж я-то знаю этот путь во всех подробностях, — сказал Сатаника. — Ведь я сам посвящён в его тайны.

— Ну и падение! — воскликнул Парантапа. — Да как такое могло случиться?

— Последнее время его литература тайно циркулирует в Двараке, — объяснил Сатаника. — Тридцать таких рукописей были конфискованы. Некоторые брахмачары, сыновья брахманов, владели ими и тайно изучали.

ли. Интересно заметить, что их отцы занимают видное положение среди жрецов нашего Владыки. Странно, не так ли? Думаю, мне стоит изложить вам основные принципы этого нового культа. Он имеет прямое отношение к тайному плану чёрных карликов. Доктрина Брихаспата заключается в следующем: «Цель каждого человеческого существа — личная свобода. Независимость в мыслях и действиях — необходимость. Удовлетворение пяти чувств и есть истинное освобождение. Никто не имеет права вставать на его пути. Подавлять чувственное удовольствие во имя нравственности — серьёзное оскорбление природы, и, если кто-либо попытается убеждать кого-то другого в этой противоестественной доктрине нравственности, его можно убить, будь он отец, брат, сын или друг». Вот первоосновы учения Брихаспата.

Послышался громкий взрыв хохота.

— Можно я докажу, что я столь же компетентен в новом учении, как и ты, если не больше? — спросил Мадхуврата. — Суди сам. Второй урок Брихаспата заключается вот в чём: «Патриотизм и традиции — враги независимости. Эти примитивные животные черты — признаки узколобости, поскольку они против блага человечества в целом. Отцовские, материнские, супружеские и братские отношения — психологические узы, созданные человеком. В природе же есть лишь одна истинная связь — это отношения между мужчиной и женщиной. Все прочие созданы человеком и ведут к рабству и аду. То, что препятствует счастью, и есть ад. Живых существ создаёт природа, она же и воспитывает их. Она дала нам ум и пять чувств. Природа — единственная истинная сила, которая привязывает женщину к мужчине. Развивающееся сознание — мужской элемент мироздания. Сознание — мужское, а сила — женская. Союз мужского и женского даёт удовольствие. Когда же ум поглощён удовольствием, это и есть истинное освобождение. Никакое же человеческое правило не должно вста-

вать на пути к освобождению. Брак создан человеком, и потому это ограничение. Как институт, он неестествен и непрогрессивен. Тот, у кого хватит смелости разорвать узы брака и семьи, — избранный герой, достойный блаженства и освобождения». Вот второе учение культа Брихаспати.

— Просто невероятно, что этот кодекс поведения, устав «левой руки», смог проникнуть в священный город нашего Владыки! — воскликнул Парантапа.

— Нас как раз спасло только то, что он проник сюда, — пояснил Сатаника. — Если бы он не привлек внимания Владыки, им было бы заражено всё человечество. Во время великолепного ритуала урожая, проводившегося нашим Владыкой, я узнал, что он уже в курсе. Тогда он чествовал всех брахманов, хранителей мудрости, семь из этих жрецов — особо, лично посетив их дома вместе со своей царицей Сатьей. Они обследовали алтарные комнаты и беседовали с сыновьями данных брахманов, приверженцами литературы Брахаспати. Владыка изъял у них рукописи и передал их заведующему образованием, а тот по его указанию — для исследования мне.

Стражник, охранявший дверь, вернулся и встал, отсалютовав. На вопрос Сатагопы он отрапортовал:

— Господин! На лодке к маяку приближались пятью вооружённых чёрных коротышек. Наши люди со второго этажа схватили их. При них обнаружены кувшины с вином, золотые слитки и кое-какие картинки. Мы ждём ваших приказаний.

— Вы заключили их в маяке?

— Нет, господин, наши люди не хотели, чтобы они узнали ход в башню. Так что мы отправили их на другой лодке обратно в Двараку.

— Пусть картинки принесут сюда.

— По всей вероятности, там должны быть голые женщины, — предположил Сатаника. — Это имеет отношение к четвёртому уроку Брихаспати. У них считается, что

для новоприбывших молодых людей, соблюдавших обет безбрачия, необходима подготовка, пробуждающая животные страсти. Так называемая эротическая литература стимулирует спящие инстинкты человека до максимальной степени, и они начинают работать на раскрепощение. Сила секса считается семенем счастья. Её местонахождение называется мудадхарой. В спящем состоянии её именуют кундалини. И если возможности пяти чувств пестуются при помощи этих эротических картинок, встреча силы и сознания может быть великолепной. Вот четвёртый из упаднических уроков Брихаспати.

Тут вошёл стражник с картинками, положил их на деревянный куб и вышел. Все офицеры полиции внимательно исследовали картинки.

— Сатаника прав в своей оценке, — заметил Мадхуврата. — Должно быть, они нарисованы учениками школы Яваны. Один из четырёх центров подготовки, созданных профессором Чарвакой, называется «школой изящных искусств». Там на регулярной основе обучают музыке, танцам, архитектуре, администрации, красноречию, гипнотизму и контролю над умом. Многие брахмачары, привлечённые этими искусствами, теперь готовы, подобно кобрам, прыгнуть и поразить своими ядовитыми жалами сознание нации. Это то, что предсказывали чёрные карлики. Они работали над этим десять лет. В результате распространились антиобщественные настроения, а антнациональное сознание буйствует во всех частях земного шара. Те же элементы устроили раскол и в государстве Яду. Они собрали группу под знаменем Палицы и отправляют атмосферу лозунгами личной независимости. Чёрные карлики подталкивают к вредным действиям и местных жителей, вовлекая их в данную волну. Они делают это сознательно, чтобы сбить молодёжь с верного пути. Чарвака был прав, когда многократно замечал, что ядовы — как овцы. Он также отметил, что их очень легко заставить убивать друг друга.

га. А бесстыдный Ракта Шарма одобрил план Чарваки и предоставил ему своё сотрудничество.

— Ты говорил, что этот Ракта Шарма был одноклассником Сандипани, учителя нашего Владыки, — сказал Парантапа.

— Не только. Оба они работали и учились вместе с Ведавьясой.

— Так почему же этот Ракта Шарма вступил на такой путь?

— Возможно, тому были какие-то тайные причины.

— Сегодня все должны рано отправиться спать, кроме тех, у кого есть особые задания, — сказал Сатаника. — Потому я попрошу теперь разойтись.

ГЛАВА 4

Было около полпятого вечера. Резкий зимний солнечный свет постепенно скрывался под тонким слоем прохлады. Поднимался холодный ветерок, который шевелил густую листву джунглей, проникая сквозь ветви. Звуки восточной долины отдавались в западной, создавая приятные иллюзии. Эти леса и долины возле холмистых северо-западных границ располагались неподалёку от провинции Гандхара. Горы были пёстрыми от деревьев, покрытых цветами и плодами. С высоты птичьего полёта открывался прекрасный вид — множество цветовых сочетаний белого, жёлтого, красного и зелёного. Долины были бездонны, и в них петляли каменистые тропы, напоминая внутренности какого-то дракона. Великолепие вечернего солнечного света достигало цветистых пространств долин, создавая впечатление шкуры гепарда, который лениво разлегся между небом и землёй. Голые ветви некоторых деревьев напоминали корни, будто растения были вверх ногами. По склону между двумя

холмами сверху вниз вилась узкая тропинка, чем-то напоминавшая свисающего питона. Разноцветные камни служили ступенями, они-то и давали впечатление пёстрого брюха питона. Немногочисленные люди шли по ней и вверх, и вниз. С большого расстояния они казались муравьями, ползущими по питону. Тропинка заканчивалась в долине, и последний её поворот был похож на его хвост. В этой стороне зеленела густая роща толстых деревьев. Никто и представить себе не мог, что же находилось в её глубине. Даже племена, населявшие окрестные холмы, не имели об этом никакого представления, а у некоторых остались ужасные воспоминания о рыщущих там диких зверях и змеях.

Девушка и юноша спустились по тропе и скрылись за поворотом. На девушке, хорошо и крепко сложенной, с кожей цвета спелой гуавы была юбка из овечьей шкуры, спускавшаяся ниже колен. Вязаная облегающая одежда подчёркивала красивые очертания тела. Её тёмные шёлковистые волосы были заплетены в четыре изящные косички, две из которых спадали на грудь, а две — на спину. На лбу не было никакого знака, и лишь уголки глаз, подведённые анджаном, из-за чего напоминали глаза молодой кобры.

У молодого человека, мускулистого, с развитым торсом, но изящной талией, и золотистой кожей, на плечах была лишь шафранового цвета накидка. Они шли рука об руку через тенистые заросли деревьев, где даже днём слышались трели сверчков.

— Читрабхану, давай отдохнём немножко на этом плоском камне. Пришло время тебе сыграть на своей флейте, — сказала девушка.

— Пратичи! Похоже, погода этому не очень благоприятствует. Сегодня намного холоднее и расползается туман. Мы уже почти пришли к моему домику, и я лучше сыграю тебе там.

— Если я приду туда, то не смогу уже уйти, и мне придётся провести там всю ночь.

— Этим ты только сделаешь мне одолжение. Если бы не ты, я бы не оставался так долго здесь, среди странных звуков кузнечиков и множества ползучих змей и скорпионов.

— Всё это лишь милостью нашего гуру. Его расположение просто огромно. Своей формулой независимости он дал нам глубочайшее счастье, да и среди несчастных людей вашей страны начался большой подъём: ведь он научил ваш народ, находившийся в социальной кабале и ограничениях, бывший тупым и пассивным, подобно змеям в грязной воде, счастью цивилизованной жизни. Сейчас ваш народ просто кожей и нутром ощущает счастье.

— Теперь я не использую слова Брахмаварта и Дхармакшетра, это постыдно, — сказал Читрабхану. — Они лишь демонстрируют нашу узколобость и будут оскорблением нашего гуру. Применять их попросту отвратительно. В учении Чарваки, доктрине человеческого благосостояния, просто нет места таким ограниченным терминам. Во славу этой глобальной доктрины я забыл свою родину, Двараку. Люди там живут в своих собственных ограничениях, будто лягушки в колодце. Повторяют Веды и другие писания, тратят время на то, чтобы жечь гхи и топливо, и называют это ритуалами. Мусолят между пальцами свой священный шнур, считая, сколько раз они прочитали мантры. Мой отец как раз из них, а ведь я верил в него, как в своего бога. А сейчас мне его жалко — теперь-то я понимаю, как глупо мог потратить свою жизнь, оставшись послушным сыном суеверного отца и не приди сюда.

— В вашей стране многие ведут себя так же, как твой отец?

— Да, наверно, каждые девять из десяти или даже больше. В последние десятилетия их количество толь-

ко растёт. Думаю, что это в силу мистического влияния Кришны. Мне он, конечно, не нравится, но я признаю, что он — существо особое, маг. Под его гипнотическими чарами ведическая доктрина снова возрождается в умах многих, распространяясь, как наводнение. Эта волна стала уже приметой времени, создав много ритуалистических школ.

— А как сам Кришна? Он-то знает хоть что-то по части Вед?

— Для его последователей такого вопроса просто не существует. Все они верят, что он сам и есть воплощение Вед.

— О, понимаю. Ему даже не нужно читать Веды, раз он для всех вас — божественное воплощение. Если не так, то как же ему удаётся всеми вами управлять? Ведь от вас, учеников, ожидается, что вы будете жить воздержанной жизнью. Он делает из вас просто каких-то убийц удовольствия, в то время как сам устроил себе рай и наслаждается. Уж он-то знает, как получать удовольствие от жизни, и может жить почти такой же полной жизнью, как ученики Чарваки. У него нет времени читать ваши Веды. Когда я узнала истории об этом трюкаче, то поняла, как легко обманывать ваш народ. Вот поэтому-то яваны о вашем народе такого низкого мнения. Похоже, люди вашей страны равны по интеллекту овцам нашей.

Читрабхану только кивнул.

— Вот уже девять месяцев, как ты в этом ашраме. Ты не тоскуешь по дому? — спросила Пратичи.

— А ты как?

— Мы же свободны от привязанности. Мы предложили себя целиком, в том числе и наши тела, ради блага человечества. Другой мысли и быть не может. Наша цель — идти по стопам нашего гуру. Мы не цепляемся за родителей, дома и собственность. И уж тем более у нас нет привычки вывешивать национальные символы, как это любят делать у вас. И всё это милостью Чарваки.

— А наши называют ваш народ неприкасаемым. Но, если я понимаю правильно, ваша философия — философия жизни, и в ней есть и отречение, и бескорыстие. Странно, что наши люди это не понимают. Примитивная раса, что тут скажешь? Будь моя воля, сжёг бы все пальмовые листья со старой литературой, которой им запудрили мозги, и воспитывал новые поколения на учениях Чарваки.

Они подошли к домику. Читрабхану открыл дверь и вошёл. На возвышении из соснового дерева горела лампа. Он зажёг ещё четыре лампы и пригласил Пратики войти. Возле возвышения стояли два деревянных стула. Платформа с каждой стороны имела возвышения. Деревянную кровать с мягкими подушками покрывало прекрасное одеяло, на которым были воспроизведены обнажённые женщины, а стены домика — их цветные изображения в соблазнительных позах. Пратики откинулась на стул и легонько потрясла фляжку, стоявшую на столе, чтобы проверить, есть ли там вино.

— Ты хотела, чтобы я сыграл на флейте. Я могу начать? — спросил Читрабхану.

— Люди рассказывают целые истории о музыке флейты вашего Кришны. Говорят, даже коровы, птицы, змеи и рыбы радуются его музыке. Ты в это веришь?

— Почему? Тебя это привлекает? Ты тоже хочешь получить от неё удовольствие?

— Повторяю, ты веришь или нет?

— Так говорят его бхакты, преданные, а сам я не знаю.

— Так ты не знаешь или не желаешь знать?

— Мне никогда не нравилось об этом слушать. Кришна мне с самого начала инстинктивно не понравился, даже само его имя. Я вполне верю, что он обманщик. У него есть все развлечения. Он пользуется всеми женщинами в своё удовольствие, а потом их бросает. А все другие должны ему повиноваться, но никто не должен

ему подражать. В то время, как сам Кришна развлекается со многими жёнами, остальным предписывает моногамию. Более того, он предаётся удовольствиям и с чужими девушками. Ему не хватает моральной смелости признать это и учить тому же и других, как делает наш гуру Чарвака. Мой отец, поклоняясь Кришне и веря, что он бог, много раз пытался и меня представить ему.

— А как зовут твоего отца?

— Дамашарма. Первоначально он жил в брахманской деревне Дэвадатта в окрестностях Двараки. Наша деревня выдаётся в море, а в центре её имеется озеро в виде раковины. Говорят, что великая раковина Дэвадатта, в которую трубил Арджуна в своих битвах, взялась из этого озера. Так говорят старые брахманы-тантрики из нашей деревни. В нашей семье ведическая мудрость передаётся из поколения в поколение. Пурнамишра, который заведует в Двараке образованием, наградил моего отца тысячей золотых монет и пригласил в собрание учёных Двараки. Это случилось сорок лет назад. Так моя семья переехала в Двараку. Будучи под покровительством Кришны, мой отец стал богат. Но потребовался ещё год, пока он смог лично видеть Кришну, хотя и с почтительного расстояния. Три раза было так, что мой отец ожидал встретить его на утренней службе. Ему пришлось ждать внизу вместе со множеством великих пандитов и удавалось лишь издалека увидеть, как Кришна с террасы их благословляет. Все три раза вместе с другими пандитами он получил изобильные дары — прекрасные шёлковые одеяния, посохи, украшенные золотом и алмазами, золотые кольца, подставки для книг и новые манускрипты на пальмовых листьях, написанные лично мудрецом Вайсампаньей. Он получил также тысячу золотых монет, куркуму, кумкум, пару дорогих наборов бетеля и пузырьки с духами, содержащие камфару, шафран, мускус и лотосовую воду. Каждый раз все эти вещи были освящены прикосновением Кришны, что являлось

знаком особого расположения. В детстве я часто пользовался этой парфюмерией и свободно раздавал её своим друзьям. Через некоторое время засомневался, а нет ли в ней магии Кришны, которая способна подчинять людей? С тех пор прекратил прикасаться к чему-либо, принесённому от Кришны. В четвёртый же раз моего отца пригласили на встречу с Кришной, и это было уже через год. И когда его допущен до этой личной встречи, Кришна прошёл с ним всего семь шагов, сказав несколько слов, и ускользнул. Но тогдашняя улыбка Кришны на всю жизнь очаровала моего отца. Даже сегодня он сходит с ума при встрече с Кришной. Отец признаёт, что тогда его внутренняя природа претерпела преображение, и когда ему улыбнулся Кришна, почувствовал, что в сердце своём он женщина. С тех пор интонация, с которой он распевает Сама-веду, приобрела мелодию женской музыки. Один близкий друг предупреждал меня, что кто бы ни вошёл в ауру Кришны, останется его слугой на всю жизнь. Конечно, я в такие вещи не верю, однако всё же считаю, что лучше держаться на безопасном расстоянии. Нравится он нам или нет, но мы должны признать, что он странный таинственный маг.

— В нашем ашраме не разрешается рассматривать никаких портретов, кроме как Чарваки. Все мы должны медитировать на образе нашего гуру, и ни на чём ином. И всё же мне любопытно было бы увидеть изображение Кришны. Я считаю, что лучше лично увидеть такие вещи, а потом отбросить их, чем бояться. Чарваке же это не нравится, и никому из его последователей тоже.

— Я считаю, что избегать таких вещей — слабость, — сказал Читрабхану.

— Тогда почему же ты избегаешь присутствия Кришны? Разве не лучше самому вынести суждение? — спросила Пратики.

— Я говорю об изображениях. Я ничего не боюсь. На самом деле у меня с собой много картинок, они в ящи-

ке. Помнится мне, там было и изображение Кришны.

Видишь, он не оказывает на меня никакого влияния.

— Так оно у тебя в ящике?

— Да, оно должно быть где-то в моём плетёном ящике. Я покажу его тебе когда-нибудь, мне надо его поискать.

— Мне хочется увидеть его сейчас.

— Невелико дело.

Сказав это, Читрабхану встал, открыл свой плетёный ящик и разыскал изображение. Он извлёк его и дал Пратичи. Это была маленькая цветная картинка, выгравированная на металлической пластинке. Кришна был изображён стоящим и играющим на флейте со своей обычной улыбкой и взглядом в сторону. Пратичи, не моргая, долго на неё смотрела. Свет и тень коснулись её умственного ока. За тысячную долю секунды, подобно электрическому удару, её пронзила догадка, подобная намёку. Что-то сдвинулось в самых внутренних слоях её сердца, вызвав долгий вздох, и её глаза увлажнились. Она мягко поставила изображение на деревянное возышение и медленно прошептала: «Где же твоя игра на флейте? Ты медлишь с исполнением моего желания». Её голос дрогнул на жалобной ноте, чего раньше с ней никогда не было. Читрабхану глянул ей в глаза с любопытством, сомнением, смешинкой и симпатией одновременно. Затем начал медленно играть на своей флейте. Его музыка начиналась низко и подымалась вверх, к единению сознания. Первая же нота, только коснувшись внутреннего слуха Пратичи, проскользнула ей в сердце. Его биение становилось всё более мягким и равномерным, и наступило полное молчание ума. Кто знает, сколько это длилось? Читрабхану был поражён, будто очнулся от глубокого сна, и обнаружил, что флейта только что выскользнула из его рук и лежит на коленях. Как долго играл он на флейте? Когда остановился? Он не знал. Когда чувства вернулись к нему, стал смутно при-

поминать, что, должно быть, он играл музыку. Пратики же ещё не пришла в сознание. Как же она не заметила окончания музыки? Читрабхану сам не знал, когда она прекратилась.

Пратики, расслабившись, лежала в кресле с полузакрытыми глазами. По её щекам текли слёзы, голова упала на плечо, губы дрожали, а руки повисли на коленях, как нежные стебли лотоса. Лишь длинные вдохи и выдохи заставляли её грудь подыматься.

Читрабхану подумал, не разбудить ли её. Он долго ждал — ему не хотелось её беспокоить, — затем снова начал играть. От этого музыкального импульса Пратики проснулась. Читрабхану остановился и спросил:

— Ты спишь?

— Нет.

— С тобой что-то не так?

— Это не сон, не тревога, не пробуждение, не мечта, всё это — просто продолжительность опыта. Я не могу дать ему названия.

Произнеся это, она медленно протянула руку и взяла изображение Кришны. Глядя на него, сказала:

— Теперь я медленно начинаю припомнить. Всё это время существо, изображённое здесь, играло на своей флейте и танцевало на моей груди. Сейчас мне кажется, что это длилось целую вечность.

В дверях появился молодой человек и сказал:

— Читрабхану! Разве тебе неизвестно, что игра на флейте в пределах нашего ашрама категорически запрещена? Таковы инструкции Чарваки. Я заведую данным отделом, и мой долг — проинформировать тебя об этом. Последнее время по вечерам из твоего домика слышна эта музыка, что могут засвидетельствовать и другие ученики. Некоторых тутовых девушек это очаровывает и привлекает. Если это станет известно нашим учителям, тебе очень не поздоровится — ты сильно рискуешь.

Сказав это, он вышел.

— Что ещё такое? — сказал Читрабхану. — Никто не проинформировал меня об этом. По-моему, это расходится с логикой. Наш гуру не запрещает ничего без веской на то причины. Должно быть, за этим кроется какая-то опасность?

— Мне это известно, — ответила Пратики. — Конечно, нехорошо перемывать другим косточки, но уж ничего не поделаешь. Это психологическая слабость нашего гуру. Логика здесь в том, что игра на флейте напоминает нашим молодым людям о Кришне. Я знала это и некоторое время даже поддерживала. Но теперь, после того, как ты сюда прибыл, твоя игра на флейте всё больше и больше меня привлекает. День за днём она меня уносит куда-то, её прикосновение увлекает меня в неизмеримые глубины всеосвобождающего блаженства. Я много размышляла над этим и не нашла ничего плохого. Потому я и прошу тебя играть на своей флейте. Мы в данном ашраме для того, чтобы узнать, что такое независимость и что такое наслаждение. Каким же образом мы нарушаем эти установки, когда получаем удовольствие от музыки флейты? К тому же я испытываю истинное освобождение от пут человеческого сознания. День за днём, выходя из своего эгоцентрического ограничения, я не считаю, что неправа. Но среди методов нашего гуру данного освобождения от последнего ограничения не нахожу. Истинная концепция свободы — свобода от концепций. Она не оставит места осуждению других, выявиванию расовых недостатков, возникновению розни в группе людей и не создаст препятствия естественному течению какой-либо национальной культуры. А вот когда в сознании кроется разрушительный мотив, он сгущается в эгоцентрическую деятельность и никогда не приведёт к освобождению сознания и абсолютной независимости, которыми так хвалятся наши профессора. Похоже, сама природа истинной независимости совершенно отлична от того, что они пытаются

изобрести. Открытие данной идеи свободы должно быть завершающим священнодействием человеческой души. К такой концепции независимости я пришла на сегодня. Сейчас она для меня истинна. Ничего, если завтра она изменится. Многие концепции со временем претерпели значительные изменения. Но даже тогда я не предвижу никаких перемен в моих нынешних представлениях, потому что с момента переживания этой музыки ничего не осталось, что было бы во имя меня. Возможно, окажется, что, собственно, и нечего больше менять. Ум пластичен и может принять вид множества мыслеформ той самой идеи, которую мы зовём независимостью. Они существуют, чтобы потом снова и снова быть скатаны в первоначальный шар пластилина. Когда сам ум растворяется и возносится в несуществование, где же остаётся возможность изменений? Я не могу найти потребность или возможность двигаться за пределы этого. Знаю только одну вещь — что я существую, однако теперь я другая, не та, кем была. И поскольку буду тем, кто я есть, то зову это вечностью.

ГЛАВА 5

Восемь высоченных гор, смыкаясь, образовывали большую круглую долину. Подобно лепесткам лотоса, они окружали эту долину в десять квадратных миль. Она была так глубока, что казалась чревом подземного царства. Вековые кедры укрывали её своей густой зеленью. Огромные клочья тьмы праздно лежали на зарослях, будто сторожили время и пасли его в стадах десятилитий. Со скал стекали потоки воды, перекликаясь друг с другом через темноту своим урчащим бормотанием. Пробирающийся под кожу холодок множеством змеек крался сквозь стрекотание кузнецов. Заросли скрыва-

ли много тропинок, по сторонам которых были колючие кусты — ведь кедр и тик всегда растут вместе, как братья. Эхо умножало щебет бесчисленных птиц. Вся долина была поделена основными тропами на четыре сектора, в каждом из которых имелось по великолепному деревянному зданию. По сторонам от этих зданий и за ними рядами располагались небольшие домики, а между двумя такими рядами была проложена маленькая дорожка. Спереди каждого здания имелись большие стадионы, а в центре каждого из них, в свою очередь, возвышалась площадка для игр — большой квадрат мелкого красного песка. Это было место для ежедневных гимнастических упражнений. Вся сцена во всех подробностях и цветах открывалась лучам восходящего солнца, будто только что вышла из-под кисти художника. Зазвонили огромные колокола, и появились юноши и девушки в облегающих кожаных костюмах, готовые прыгнуть на песок. Но пока они стояли ровными рядами. Из больших зданий в облегающей форме из тигровых шкур и плотного льняного полотна вышли наставники хатха-йоги, сошли по ступеням и заняли свои места перед рядами молодых людей. В руках у каждого было по медитационному жезлу и по камандале. Ученики в почтении поклонились, трижды хлопнули в ладоши и в один голос произнесли прославление гуру — свою утреннюю молитву:

Приветствуем тебя, Яvana, великий учитель,
Мастер почтенный, твой авторитет неоспорим!
Приветствуем тебя, Чарвака-пророк,
Отец нового мышления, великого и совершенного,
Возвышенный, облачённый в шафрановые одежды,
Владеющий скрипетром и могучий,
Ты дал нам сладостную свободу!
Узрите — старая тирания отступает,
Ты — избавитель от старого ведического рабства,

Идолоборец, сражающийся с традициями и обще-
принятыми слабостями,

Ты — как ветер, развеиваешь столетия и даёшь закон
новый,

Хотя и играешь с любыми желаниями.

Приветствуем тебя, вечное прибежище радости!

По окончании молитвы юноши и девушки разбились на небольшие группы и приступили к физкультурным упражнениям. На площадках из красного песка они занимались многими разделами хатха-йоги — со всей энергией упражнялись в прыжках в высоту, беге, борьбе, боксе, ловкости и прочем. Они демонстрировали свою силу и стойкость, избивая друг друга и себя самих. Борьба проводилась в смешанных парах — за правило было принято, что бороться должны юноша и девушка. Эта программа продолжалась целый час, после чего все направлялись в плавательный бассейн, расположенный на северо-востоке. У входа в него были установлены две обнажённые фигуры — мужская и женская — идолы, служившие столпами ворот, а за ними, прямо в бассейне, — много маленьких, вырезанных из камня обнажённых фигур в различных позах. Они были там поставлены, чтобы стимулировать самые внутренние животные инстинкты человеческого существа. Лица статуй, очень красивые и живые вполне могли взволновать умы молодых людей. Прошло уже три часа после восхода, когда из классных комнат послышались звуки колоколов. Прекрасные девушки из народностей явана, гандхара, барбара, апарантика и панчала, в облегающих цветистых платьях направились туда. Рука об руку с ними шли статные юноши из страны Брахмы. Цвет их кожи был золотистым, а одежда — цвета шафранового шёлка. С милыми улыбками и весёлым смехом, болтая между собой, они шли по тропинкам, разделенные на четыре группы, и смешанными парами проследовали в четыре больших здания. В залах

стояли кедровые скамьи и столы, на которых уже был подан завтрак на пальмовых листьях. Он состоял из фруктов, кореньев, сладостей, фруктового сока, алкогольных напитков и мяса, хорошо приправленного специями. Пары учеников расположились рядами и принялись за завтрак, болтая за едой. Шутки перемежались с плюшками, и веселье переливалось от улыбок до взрывов хохота.

— Шрутаманью! Ты изучал самые передовые науки в университетах Такшишилы, Удджаяни и Хастини и, возможно, в тutoшней нашей атмосфере чувствуешь себя странно и неловко, — с улыбкой прощебетала, обратившись к молодому человеку, панчальская девушка, надувая ноздри, напоминавшие нежные бутоны цветка чампака.

— Хема! Тебе всегда доставляет удовольствие насмеяться надо мной. Ты всегда сетуешь, что я когда-то практиковался в чтении Вед.

— Не говори «Веды»! Говори «метрические стихи»! Ты просто тупой зубрилка данных стихов!

— Это всё в прошлом. Веды не удовлетворили мою жажду к свободомыслию, я оставил их и пришёл сюда. Я больше не зубрилка и стремлюсь быть современным.

— Ты надеешься утолить свою жажду с нами?

Ударом руки Хема вдруг выбила плод, который Шрутаманью держал в руке. Плод взлетел высоко вверх, и она поймала его зубами. Шрутаманью отдернул свою руку, опустил голову и покраснел.

— Бедный мальчик, ты всё ещё дичишься! Конечно, ведь прошёл лишь месяц, как ты среди нас. Ты так переживаешь из-за яблока? Я отдаю тебе своё.

Шрутаманью осторожно протянул дрожащую руку.

— Нет, так не пойдёт, — сказала Хема. — Открой рот.

Шрутаманью присел и открыл рот. Хема протянула ему полунадкусенный плод. Внезапно он отвернулся в сторону, уши его горели.

— Ага! Боги этой священной страны не принимают полунадшеннюю пищу, а женщины в вашей философии так вообще символизируют путы.

— Очень давно их бог Рама принял полунадкущенный плод изо рта старой женщины из горного племени. Они сами записали это в своей священной книге о богочеловеке. Так что в этом нет ничего неправильного, — заметила паарсикская девушка, шаловливо сжимая губки и двигая бровями, как скорпион своим хвостом.

— Теперь они поменяли бога, — ответила Хема. — Это уже не Рама, поскольку их нынешний бог — Кришна, который живёт в Двараке. Знаешь, Рута, согласно своим потребностям, они делают из людей богов, такая у них традиция.

— Это язычество, — сказала Рута, — а поскольку количество их богов всё растёт, у них уже нет времени поклоняться всем по отдельности.

— Зачем ты пинаешь уже мёртвую змею? Я признаю, что в данных традициях нет ничего стоящего, вот я и пришёл к вам учиться.

— Чёрт возьми, ты пришёл ко мне? Я не могу быть гуру такого лаптя! — воскликнула Хема.

— Поскольку ты более цивилизована, чем я, в этом не будет ничего плохого.

— Я повторяю, я не могу позволить себе быть гуру начётчика и зубрилки.

— А у вашего бога Кришны что, вообще нет никакой философии? — сменила тему Рута. — Если есть, то, должно быть, она не препятствует ему быть многоожёнцем?

— Я всего этого не знаю. Вот моя мать и дядя по матери — большие поклонники Кришны, и у нас в доме полно его изображений.

— Так твой бог — Кришна или его изображение? — спросила Хема.

— Я-то не его последователь, так что вопрос не ко мне.

— Как же это так народ вашей страны помешался на поклонении образам и идолам? — продолжала Рута.

Тут подошла Пратичи и эмоционально вмешалась:

— А разве мы не поклоняемся изображениям нашего гуру? Вот так же и у них. Разница, правда, в том, что мы поклоняемся ещё и голым фигурам, в то время как они — нет.

Рута и Хема остро посмотрели на Пратичи. У Руты стало возникать какое-то подозрение, и она стала задумчивой. Пратичи же продолжала:

— Эти методы дешёвого высмеивания косвенно оскорбляют и нашего гуру. Каково первое наставление, которое мы получили? Самоконтроль и осмысленность речи. Наш долг — следить, чтобы не оскорбить Чарваку.

— Стоп, стоп! Разве ты не помнишь, что употребление таких слов, как «долг» и «самоконтроль», в нашем ашраме запрещено? Ты же знаешь это и продолжаешь их использовать. Разве это не оскорбление нашего гуру? — спросила Хема.

— Мы собрались здесь ради единства, свободы и счастья, которых, кроме как здесь, нигде не найти. А вы всё ссоритесь между собой и выказываете злость. Я очень из-за этого переживаю, — сказал Шрутаманью.

— Ладно, мы лучше подшутим над Читрабхану, жителем Двараки, — произнесла Хема. — Читрабхану! Не подойдёшь ли ты к нам? У нас тут есть сомнения, возможно, ты их прояснишь.

Читрабхану со стаканом вина в руке подошёл к ним.

Мы хотели бы знать: ваш Кришна ест мясо? — спросила Рута.

— Данезнаю я о нём ничего, — ответил Читрабхану. — И всё же не думаю, чтобы он давал какие-то обеты не есть мяса.

— А употребляет ли он спиртные напитки? — спросила Хема.

— Если вам так интересно это знать, то лучше отправиться к Кришне и спросить его самого, — отрезала Пратичи.

Прозвучал звон колоколов, призываю на учёбу. Все окончили завтрак и устремились в большой зал. Сев рядами на скамьи, они сохраняли полное молчание. Рута, Хема, Пратичи, Читрабхану и Шрутаманью расположились в одном ряду.

— Читрабхану, какая сегодня тема? — спросил Шрутаманью.

— Тише, сейчас войдёт профессор Локаята и начнёт свою лекцию! Она будет посвящена методам критики теорий ведического закона.

Когда величавой походкой в класс вошёл Локаята, все встали и склонили головы в почтении. Он был учителем колдовства, контроля над умом, гипноза и вызывания нужных снов, умел вызывать таких духов, как Тара, Багала — демона снов — элементов холода, а также прочих подобных — в этом он был адептом. Кроме того, мог с совершенной лёгкостью и без опасности для себя в самую тёмную ночь босым пройти через самые густые леса. Его заклинаниям повиновались все змеи, скорпионы, львы, тигры и слоны. Если того требовала месть, был способен попрать ногами голову любого существа. Когда тёмными страшными ночами он проходил через джунгли, горы и долины, двое женщин-духов шли по сторонам, бросая на его путь приятные голубые лучи. Он был приглашён Чарвакой из своей родной страны — Непала — чтобы служить ему своими адскими силами. Досконально изучил Веды, Веданту и Пураны для нападений на традиционных учёных, поэтому у него в руках были все ключи к критике и опровержению древних писаний. Своим чарующим тоном традиционного чтения Вед он привлекал молодёжь из ортодоксальных семей,

а задавая вопросы по Упанишадам, был способен задать неразрешимую загадку любому пандиту. Ему не требовались книги — он сразу мог процитировать любое место из Пуран, чтобы доказать противоречия. Являясь adeptом алхимии, знал, как, используя ртуть, победить старость. Ему было около ста пятидесяти лет, и всё же он выглядел свежим, как молодой лист бетеля. Зная омолаживающие средства и эликсир жизни, равно как и философский камень, применял их сообразно требованиям времени года. Его тело было крепко, как алмаз. В этом возрасте он заводил фривольные разговоры с девушками и мог развлекаться с ними сколько угодно. Загнутый кончик его носа придавал лицу обманчивое впечатление улыбки.

Локаята вошёл в зал и уселся на свой стул, знаком левой руки позволив ученикам сесть, мелодичным голосом начал свои наставления. Они были весьма научны и психологичны:

«Страна Брахмы столь огромна, что является целым миром внутри мира. Она включает различные провинции, языки, расы и традиции, и их разнообразие воистину богато. С точки зрения физической все они разнятся — и в традициях, и даже в логике, однако за ними стоит поток живого сознания, соединяющего их в единое целое. Этот единящий дух они именуют Ведой. Все различные элементы входят туда как части целого. Кришна из Двараки вновь пробудил ведический дух и назвал это йогой.

Откуда же унаследовали это единство сыны Браhma-варты? Это великая тайна и очень тонкая истина, чтобы её понять. Она погребена под слоем невежества и суеверий. Зерно же истины в том, что они унаследовали данный единящий дух от яван древности. Ясно как день, что нет культуры более великой, чем ведическая. Никто не может этого отрицать. Но вопрос в происхождении — что же это была за сила, прежде чем жители этой страны

унаследовали её ли назвали Ведой? Им было удобнее это забыть, что очень плохо. Жители данного государства стали настолько узкодушны, что пытаются доказать, будто сама эта культура принадлежит их государству. Они оправдываются многими аргументами и постепенно выявляют многие истины. Данная теория дала им искру прогресса, но в то же время в глобальном масштабе нанесла серьёзный удар благосостоянию человечества. Наши традиции — традиции яван — являются высоконаучными и аналитическими и не оставляют места ни эгоизму, ни фаворитизму. Суеверия, эмоции и воцарившиеся заблуждения никогда не получат у нас признания. Их же теория губительна для альтруизма и мира во всём мире. Поэтому наш долг состоит в том, чтобы опровергнуть их теорию и установить истину. Ложный патриотизм — вот что оказывает нам плохую услугу и несёт ущерб. Согласно нашей теории, патриотизм — психологическая слабость, доказывающая, что человек — всё ещё примитивное животное. А ведь все семьи, придерживающиеся традиций ведической учёности, произошли от древних родов яван, пришедших в эту страну как колонизаторы. Народ, живший здесь до прихода ведической культуры, был весьма нецивилизованным и некультурным. Люди обитали в пещерах, а теперь называют такое существование подвижничеством. Постепенно, соприкасаясь с культурой яван, они приобретали цивилизацию, и теперь нам предстоит написать новую историю. Мы нанесём старым теориям удар. Сначала выдвинем тезис, что первоначальные жители этой страны были более цивилизованы, чем пришедшие сюда потом яваны. Он будет приемлем, и его примут без особых трудностей. Затем нам понадобится создать другую теорию — о том, что яваны со временем оттеснили местных жителей далеко на юг, в область Виндхья. Таким образом, мы расщепим государство политически — на северный и южный сектора. Вся раса будет разделена на две, постоянно воюющих

между собой. Это метод баланса сил, который позволит защитить интересы общечеловеческой справедливости.

Таким образом, следующим шагом станет подъем народов Юга против жителей Севера. Нам нужно будет показать, что в ведических теориях есть серьёзные недостатки, а затем популяризировать идею, что эти теории чужды для данной страны. В качестве первого шага мы выступим с критикой имеющегося общественного устройства и покажем недостатки той системы разделения, которую они называют четырьмя классами. Классовое деление древней Индии не следует путать с теперешним делением на касты. Со временем обязанности четырёх классов смешались. Их собственные учёные сами плохо это понимают. Обязанности сословий выродились в наследственные права, противоречащие ведической теории, а потому нежелательны и непрогрессивны. Затем мы покажем, что такое положение дел следует из Вед, поскольку установки были там с самого начала. Таким образом, мы убедим окружающих, что ведическая культура в своей основе нежелательна, и тогда будет очень легко доказать людям, что ведические теории непрактичны, непрогрессивны и не соответствуют общечеловеческим интересам в целом.

Даже сейчас среди них есть те, кто помнят истинную теорию. Им известно, что деление на четыре сословия соответствует собственным склонностям человека и его годности для исполнения тех или иных обязанностей. Кришна и Ведавьяса знают это очень хорошо и много борются за то, чтобы данная идея вновь привлекла внимание публики. Разделение общества на четыре класса зиждется в основном на природе обязанностей индивидуума перед государством. И пока это деление действует, никто не сможет произвести беспорядка в ведическом обществе и его культуре. Поэтому следующим шагом станет наведение беспорядка в государственных должностях и понимании долга перед государством. Нужно,

чтобы долг понимался как профессия, и потому следует ввести такую систему образования, которая уничтожит чувство долга, заменив его отношениями найма, а зная метод, это очень легко сделать. Необходимо сделать ставку на нескольких имеющихся среди них интеллектуалов, не понимающих разницы между просвещением нации и обычной грамотностью. Отдельных пандитов, которые на самом деле лишь грамотны, следует подкупить почестями, оказываемыми учёным, тогда они оставят свои государственные обязанности и станут работать на нас. Эти люди будут просто куплены, а значит, всегда зависимы, являясь, по сути, слугами. Они станут нашими лакеями на всю жизнь, дай им лишь немного власти над своими товарищами, ведь жители данной страны подобны овцам. Этих учёных брахманов будут поражать деньги, власть и почести, и таким образом идея найма покажется им привлекательной. Один за другим они будут оставлять свои семейные профессии и своё образование, желая наняться к нам, по своей воле перестанут быть господами и станут слугами. Это верный психологический прогресс. Если нам удастся превратить сословный долг в профессии каст, мы сможем легко оставить класс учителей без земледелия, скотоводства, торговли и обороны — никто не будет ничего выполнять.

Кришна знает данный секрет и потому повысил социальный статус земледелия и скотоводства, назвав их благородными занятиями. Он возобновил древние лозунги Ману — «где есть земледелие, там нет бедности» и «будет наказан тот, кто не возделывает землю». Мы должны перелицевать и распространять вместо них ложный — «земля принадлежит тем, кто её обрабатывает». Это вызовет смятение и раскол среди интеллектуалов и заставит рабочий класс захватывать земли землевладельцев. Всё общество распадётся на меленькие группки. Мы натравим одну группу на другую, и люди станут получать за это плату злобой и ненавистью. В то

же время мы будем раздувать и местные беспорядки, которые уже имеются. Вот вкратце весь план. Вам следует усвоить его и доказать свою эффективность, сочинив пространные теории в его защиту. Для оценки ваших успехов проведут экзамены, где вы будете состязаться в популяризации этих идей, а победителям выплатят вознаграждение в золотых монетах. Конечно, от вас ожидается, что вы используете данное золото не для себя, ведь наши фундаментальные принципы — любовь и сострадание. Поэтому вам следует сохранить его во имя нашего гуру, чтобы в тяжёлые времена помочь своим друзьям и родственникам. Они будут чувствовать себя обязанными вам, и так вы сможете постепенно привести их на наш путь. Наш девиз — благосостояние человечества. А теперь можете расходиться по домам».

ГЛАВА 6

Прошло несколько минут после захода солнца. Это была пятая ночь после новолуния. Месяц туманно пропадывал меж двух холмов, но чтобы наполнить долину, света не хватало: он светил не ярче, чем бутоны жасмина, отражаясь в дрожащей поверхности плавательного бассейна. Стоящие там обнажённые женские фигуры будто пытались, спрятавшись в тени, сохранить приличие. К берегу медленно приближался голый старик, который только что принял ванну. Поднявшись по ступенькам бассейна, он оделся в красное облачение, обернув концы вокруг плеч и завязав сзади за шеей. Затем взял кусочек древесного угля и, проведя им сначала по грубой каменной поверхности ступени, нанёс себе надбровный знак из трёх горизонтальных линий, изогнутых полумесяцем. Старик простёр левую руку, и вдруг прямо из пространства в ней появился большой человеческий

череп, на который он тоже нанёс знак — вертикальную угольную полосу на лбу. Углубившись в кусты и встав перед широкой змеиной норой, видневшейся среди муравьиных куч, старик воззвал: «Пинджара! Твой друг вызывает тебя!». Что-то пошевелилось во тьме норы, будто потекли густые, грязные воды. Это была тусклая, толстая змея с коричневыми крацинками на чёрной коже около трёх метров длиной. Описав круг вокруг старика и коснувшись его ног, она заползла в куст и вернулась оттуда с деревянной камандалой и катушкой на хвосте. Подняв хвост, она вручила камандалу старику. В воздухе были слышны неясные звуки змеиной музыки, потом пресмыкающееся исчезла в своей норе. В этот момент луна скрылась на западе. Старик же, неся камандалу в левой руке, а череп — в правой, приблизился к дереву и сказал: «Выходи, выходи, мой маленький скорпион! Приветствую тебя, дружок обезьянка!» Из-под дерева появился чёрный скорпион величиной в полметра, неся корень какой-то травы, прижав его хвостом-жалом, и отдал его старику. Как только он уполз и исчез, с ветки спустилась обезьяна с серым лицом и чёрным ртом, скаля зубы. Она вручила старику жезл для медитации и вернулась на дерево. Взял всё это, тот повернулся назад, направившись по тропинке, и скрылся в густой листве. Прошествовав в глубокой тьме, старики вошёл в пещеру. Извилистым ходом он шёл через недра горы и после седьмого поворота достиг большого зала. На стенах горели факелы с фитилями, смоченными касторовым маслом. В конце зала возвышалась платформа в виде двойного треугольника, а вокруг горели глиняные лампы с фитилями, сделанными из кошачьих жил. Старик наполнил лампы топлёным жиром питона. Встав перед платформой и обратившись лицом к югу, улыбнулся и сказал: «Сулабха, приди; Сарала, приди!»

Две каменные статуи красивых девушек вдруг медленно пошевелились и приблизились к нему. Когда они

подошли к двойному треугольнику и на них упал свет, стало видно, что они красивы и круглолицы. Их улыбка излучала голубую ауру. Облачены девушки были в яркие голубые сари и гирлянды голубых цветов, а на лбу у них находились мускусные метки. Бросив на старика сверкающие взгляды, они встали в почтении. Перед платформой располагалось деревянное сиденье для медитации в виде лотоса. Стариk сел на него в падмасане и, полузакрыв глаза, погрузился в медитацию. Сулабха и Сарала осветили зал дополнительными лампами. Лицо старика сияло, и от него распространялась красная аура, как от тлеющих углей. Он пригласил Саралу на платформу. Она подошла и села в центре двойного треугольника, держа в каждой руке по голубому лотосу и сохраняя полную неподвижность. Сулабха вручила старику большое блюдо голубых лотосов. Кроме того, девушка принесла золотой сосуд, наполненный коровьим молоком, а на другом блюде — мускус, камфару, шафран, гвоздику, листья бетеля, куркуму и кумкум. Стариk взял пустую камандalu, и пока он пел заклинания, она наполнялась водой с тонким запахом. Трижды наполнив свою левую ладонь, стариk выпил эту воду, затем издал мистические звуки и произнёс: «Путь Кришна из Двараки будет побеждён! Да будет это трижды верно!» Сказав так, он простёр левую руку и достал из пространства маленькую металлическую пластинку с выполненным в цвете изображением Кришны. Поместив её у ног Саралы, проговорил: «Пусть Кришна будет подчинён и его ум окажется под моим контролем». Затем он поклонился Сарале, поднеся к её ногам голубые лотосы и другие вещи, принесённые Сулабхой, и обратился к ней мистическими мантрами. В конце поклонения он вручил Сарале золотой сосуд с молоком. Она грациозно протянула руки, взяла его и, заглянув внутрь, поднесла к губам. Прежде чём сосуд коснулся её губ, половина молока исчезла. Она смотрела в сосуд и улыбалась, глаза светились одновременно

скромностью и экстазом, а лицо выражало чувство невесты при первом прикосновении её любимого. Трепет пробрал всё тело девушки, и с грациозной улыбкой, при которой в свете ламп её зубы сверкнули, подобно жемчужному ожерелью, она вернула сосуд старику. Он не заметил, что Сарала вернула сосуд, не испив из него, благоговейно принял его и выпил оставшееся молоко. Девушка встала, и они вместе с Сулабхой вернулись на свои места, недвижимо встав, как каменные статуи. Старик, а это был Локаята, поднялся и направился к выходу из пещеры. Там его ожидали Хема и двое молодых людей. Локаята вернулся с ними в зал, и они сели возле двойного треугольника.

— Хема, что тебе рассказала Рута? — спросил старик.

— Она говорила о странном поведении Пратичи. В ней происходят какие-то нежелательные изменения — это видно по её взгляду, ответам и разговорам. И данные изменения не психические, они более глубокой природы, это трансформация до самой сердцевины. Уже неделю мы замечаем какое-то изменение в чертах её лица, в его выражении. Вы же учили меня, что перемены в чертах человеческого лица показывают изменения в его уме. А сегодня нам с Рутой удалось незаметно посмотреть линии на руках Пратичи, и под мизинцем левой руки мы заметили новый набор тонких линий, напоминающих завитки раковины.

— И каковы же ваши выводы?

— Новые линии на левой руке женщины свидетельствуют об изменениях её глубинной природы, причём долговременных. Вы учили нас этому на занятиях по хиромантии. Область под мизинцем на супружеские отношения или какие-либо сладостные переживания, завиток в виде раковины — на погруженность в мысли. На сгибе первой фаланги большого пальца её правой руки мы обнаружили, что линии образуют остров, на-

поминающий пшеничное зерно. Так что, я думаю, она теряет ум от употребления алкоголя.

Один из двух юношей, сидевших и слушавших разговор, прервал её:

— Поверхность ладони нежная, цвета лотоса и не потная. На всей руке лишь немного линий. Поэтому мы не можем заключить, что она пристрастилась к выпивке. Эти психологические изменения должны быть какого-то совершенно иного рода.

— Заключения Санкхачуды верны, — ответил Локаята. — Санкхачуда, ученикам из твоего государства всегда присуща тонкость в понимании. Особенно из представителей страны Нага своим пониманием хиромантии и искусства гравировки был знаменит Такшашила. Тамралипти, каково твоё мнение?

— Я заметил, что на третьей горизонтальной линии, идущей через горло Пратичи, появился знак Дамару. Он указывает на безвременную насильственную смерть.

— Наблюдения хироманта и френолога Такшашилы относительно этой метки говорят, что смерть может произойти от падения с высоты, — добавил Санкхачуда.

— С самого начала я предупреждал всех вас, что за теми, кто прибыл из окрестностей Двараки, нужен глаз да глаз, — произнёс Локаята. — Изменения в Пратичи произошли, должно быть — из-за того, что она связалась с Читрабхану. Его игра на флейте может оказаться губительной для мирной жизни нашего ашрама.

— Прошлым вечером мне пришлось даже заглянуть в домик Читрабхану и предупредить его. Тогда у него сидела и Пратичи. Похоже, к ней только возвращались чувства после странного переживания. Должно быть, она наслаждалась йогой, но я не обнаружил никаких следов того, что она имела с ним прямой контакт, — сказал Санкхачуда.

— До сих пор она вводила Читрабхану в возбуждение лишь на расстоянии. Из наших разговоров с ней

я поняла, что она не имела ни с кем опыта йоги. Пратики говорит, что находит такие вещи неприличными и даже отвратительными, — пояснила Хема.

— Да, я знаю, что она — лотос, ещё не тронутый жуком, — подтвердил Локаята.

— Если вы возьмёте за дело серьёзно, то побудить её испачкаться вовсе не невозможно. Внушив ей мысль или сон, вы можете заставить её изменить мнение, — предложила Хема.

— Невелико дело, — ответил Локаята. — Я бы мог добиться этого уже давно, но связываться с ней — дело серьёзное и опасное. Помните, что она — внучка Чарваки. Доктрина человеческого благосостояния, которую расхваливают яваны, — всего лишь пустые лозунги. Сами-то они очень щепетильны по отношению к своим девушкам. И сколько бы мы ни демонстрировали дух равенства, яваны будут пользоваться этим для собственного преимущества. Когда я впервые присоединился к данному ашраму и стал здесь учителем, то оказался достаточно глуп, чтобы обучить данных профессоров контролю над умом и чтению мыслей, и теперь они используют это против меня. Они всегда присматривают за моим умом, следят за моими мыслями и всегда готовы найти во мне слабое место и донести Чарваке. Однако пока я нахожусь в этой пещере, они не могут помыгать моим умом — тут он независим. Здесь я могу делать свои собственные приготовления, для которых приходится использовать многое из моей тантрической мудрости. Если я попытаюсь повлиять на Пратики, это сразу же станет известно Чарваке, а он никогда не допустит и тёмного пятнышка на её характере. Я информирую вас об этом, потому что вы все — жители данной страны и на вас я могу положиться. Я очень переживаю из-за того, что вас в этом ашраме обманывают, поэтому открываю вам всё это, чтобы вы были очень осторожны в мыслях. Даже вспоминать все

данные вещи, сказанные здесь вне этой пещеры, опасно, потому что об этом могут узнать.

— Всё время вы пользовались нашим доверием, почтением и преданностью. Уважаемый господин, было ли полезно нам то, чему нас тут учили? Если вы сами не верите в собственные доктрины, стоило ли вам держать нас под каблуком веры? — спросил Тамралипти.

— Прости меня, мой мальчик, — ответил Локаята. — Мне и самому неясно это даже сейчас.

— Вы — мастер во многих науках и обладаете неисчислимыми силами. Как же так получилось, что со всем вашим опытом и мудростью вы работаете в данном ашраме? — спросил Санкхачуда.

— За какую-то долю секунды я освободилась от иллюзий, и будто пробудилась от длинного кошмарного сна, — сказала Хема. По её щекам текли слёзы. Она продолжила: — Мой господин! Вы пристали ко мне и с помощью своей магии и трав испортили меня на всю жизнь. Когда я покинула пределы Панчалы и попала под ваше влияние, я была чистой, как дева. Ну ладно, я не буду жалеть о прошлом. До глубины души я принимаю вас в качестве своего мужа.

— Почтенный господин! — обратился Тамралипти. — Пожалуйста, давайте оставим этот ад. Как-нибудь доберёмся до Непала и откроем ваш собственный ашрам. Мы принимаем вас как своего гуру, а Хему — как нашу духовную мать. Мы последуем за вами и станем вашими учениками на всю жизнь. Можете рассчитывать на нашу полную поддержку.

— Если бы можно было решить всё так просто, я бы уже давно покинул данное место. Всё, что вы можете сделать сейчас, — это присматривать за Пратичи. Я же доложу о происходящих с ней изменениях Чарваке, чтобы тем самым на ближайшее время обезопасить своё положение. Сейчас мы не можем ничего исправить, фактически я беспомощен. Будьте верны гуру и оберегайте

себя, тщательно выполняя своим обязанности. По каким-то странным причинам никто не может убежать из этого ашрама. Как только кто-либо начинал подумывать о побеге, его постигала таинственная смерть.

— Тогда проинструктируйте нас, что мы должны делать, — поинтересовалась Хема.

— Завтра утром в наш ашрам прибудут двое коротышек. Один из них, его зовут Читанг, привезёт на ослах пачки манускриптов на пальмовых листьях. Вы должны доставить их к месту сожжения и проследить, чтобы они были полностью уничтожены. Вам поможет Санкхчуда.

— Думаю, это копии текстов Вед, — заметил Санкхчуда.

— Да, и Пуран тоже, — ответил Локаята. — Они были недавно выполнены последователями Ведавьясы. Ведавьяса уже окончил шестнадцатую книгу Махабхараты под названием «Маусала парва». Кришна удалось узнать о нашем плане сбора и уничтожения манускриптов на пальмовых листьях. Он послал на остров Ведавьясы Майтрею, занятого сейчас доставкой рукописи в Двараку абсолютно незаметно для всех нас. Кришна собрал множество пандитов, изготавливающих многочисленные копии, которые сразу же после этого распространяются по всей стране. Я до сих пор не могу понять, кто именно этим занимается. Во время предыдущего ритуала сбора урожая Кришна устроил большое собрание пандитов, где и поручил им изготавливать копии Махабхараты, хорошо за это заплатив. Более того, он пообещал им долголетие и процветание их семей. Кришна указал на то, что среди брахманов есть и плохие, попавшие под влияние Чарваки, которые могут быть подкуплены. Собрав их отдельно, он оказал им особую честь: Отправил в своеобразное почётное заключение в своём дворце, заняв копированием. Потом Кришна лично посетил их дома и позаботился об их семьях. Также он выявил среди сыновей этих брахманов тех, кто по-

пал под влияние коротышек из нашей команды, и изъял у них копии литературы Чарваки. В то же время Майтрея поручил двум своим ученикам, Мару и Дэвапи, распространять копии Махабхараты по некоторым центрам страны. А Уддхава, ещё один ученик Кришны, разъезжает с новым чертежом зала для публичных ритуалов, который называет «храмом», чтобы храмы по всей стране строились в соответствии с этой новой моделью. Он также разработал новый ритуал установки образов Кришны и назвал его «наукой агамы». Собирая местных пандитов в каждом храме, Уддхава учит их устраивать ежевечерние публичные чтения Махабхараты. Для этого им платят, а их семьям обеспечивается поддержка. Вы знаете, что в Махабхарату входит Бхагавад-гита. Её повсюду преподают в храмах и детям, и взрослым. Хороший администратор всегда помнит, что учёные, которые являются просто интеллектуалами, — рабы денег, и их легко купить. Чтением Пуран Кришна добивается популяризации ведических доктрин, и они перестают быть только предметом бесполезных дискуссий пандитов. Некоторые учёные брахманы, подкупленные Чарвакой, запустили новый лозунг — «Женщинам и шудрам Веды читать нельзя», из-за которого по всей стране пошли серьёзные споры. Данные события помогли нам поднять шурп против ведических доктрин. В некоторых центрах это сильно подорвало авторитет ведической мудрости. Однако движение, связанное с Пуранами, начатое Кришной и Ведавьясой, похоронило данный проект, что стало для последователей Чарваки большим разочарованием. Сейчас Чарвака охотится за ведическими манускриптами по всей стране. Идёт борьба между двумя схемами распространения — пуранической Кришны и антиведической Чарваки, и мы не можем предсказать, какая из них победит.

— Пожалуйста, объясните, что же я должен делать? — попросил Тамралипти.

— Второй коротышка, Патханг, завтра утром придёт прямо к тебе. Ты должен собрать рукописи чарвакской литературы из домика Руты и передать ему. Проводив его и его осла до Солового Утёса, встретишь своего учителя алхимии, который скажет, что делать. Ночь ты переждёшь здесь и к закату сюда вернёшься.

ГЛАВА 7

— Наш ашрам похож на долину смерти. Всякое отличие в умонастроении ведёт к необъяснимой смерти и бесследному исчезновению. Нельзя предугадать даже риск. Со вчерашнего дня меня сильно беспокоит твоё поведение. Поначалу я злилась на тебя, но поскольку с прошлой ночи стала тебя понимать, теперь моё сердце тревожится из-за опасности, которая тебя подстерегает, — сказала Рута Пратичи, бдительно озираясь. Пратичи сидела на мраморном сиденье под маленьким кустом, причудливо усыпанном цветами. Рута стояла рядом, поставив одну ногу на мраморное сиденье, правой рукой касаясь цветов, свисавших сзади на её правое плечо.

— В моём отношении нет никакой перемены. Для меня это невозможно. Но с самого начала я замечаю, что ты ревнуешь ко мне и пытаешься отыскать во мне недостатки.

— Я признаю, что до вчерашнего дня это было недалеко от правды. Поверь мне, я очень за тебя переживаю. И тут нет никого, кроме меня, кто желает тебе добра. Ты — единственное невинное создание в нашем ашраме. Умоляю, не пойми меня неправильно, здесь нет места сочувствию. Любовь и все тонкие и возвышенные чувства считаются сентиментальными слабостями. Нас учат так верить и расти с данными верованиями. Я сознаю, что иду против принципов философии Чарваки, начиная

симпатизировать тебе. И всё же моя совесть заставляет меня ради тебя преступить правила. Почему — не знаю. Я никогда не замечала в тебе столько колебаний и неуравновешенности, как со вчерашнего дня. Твой взгляд приобрёл несчастное выражение, будто просит пожалеть. Эта нежность естественна для женщины вообще, но не свойственна женщинам именно нашего ашрама. Робость в ней допускается лишь искусственная, согласно эротической науке Чарваки, на ней упражняются для привлечения молодых людей. Нас учат не позволять себе быть женщинами в мыслях, однако тело как женщине разрешено развивать.

— Да, даже в практике медитации нас учат сосредотачиваться на развитии лишь почтения к нашим гуру безо всякого налёта благоговения. Ведь сказано, что благоговение развивает зависимость и бессилие. И всё же ты права — мой ум ускользает от моего контроля. Вчера после полудня Читрабхану говорил со мной со своим обычным дружелюбием, но вдруг непонятно из-за чего разозлился и, прервав разговор, внезапно ушёл с выражением неудовольствия. Вечером я зашла к нему и попросила сыграть, но даже после повторных просьб не получила никакого ответа. Похоже, он не был склонен со мной говорить. Его глаза были красными и выглядели опухшими, их выражение было беспокойным. В волнении я растянулась в кресле и протянула правую руку к возвышению, чтобы...

Прагчи остановилась на полуслове.

— Ты остановилась на середине. Зачем ты протянула правую руку? — спросила Рута.

— Я шарила там, будто что-то искала. Не понимая, что же ищу, остановилась, а через десять минут встала и сказала, что иду к себе. Сдвинув брови, Читрабхану кивнул головой и ничего не сказал. Я почувствовала головокружение и с тяжестью на сердце направилась к выходу. Когда я была уже в дверях, он отвернулся к стене

и сказал, что его флейта и изображение Кришны пропали. Одна, в темноте я побрела в свой домик. Я лежала, растянувшись на своей кровати, и чувствовала, как из солнечного сплетения вверх понимается жар, будто оно пылает. Всю ночь не могла заснуть, и только перед самым рассветом сон покрыл поверхность моего ума, как ночная темнота скрывает поверхность бушующего океана. Во время этого сна меня мучал кошмар — он набросился на меня, как вихрь пламени. Мне снилось, что флейта Читрабхану со змеиной головой летает по воздуху и вытягивает свой язык. Я слышала какие-то звуки, которые были в дисгармонии и напоминали шипение змеи. Я всё бежала и бежала, а змея преследовала меня. Я пыталась бежать всё быстрее, но оставалась на том же месте, где и была. Какой-то сильный человек с головой осла нёс большой лист берёзовой коры. Он раскрыл передо мной страницу и начал издавать какие-то заклинания. На странице я увидела заголовок, написанный большими буквами: «Твоё будущее», а под ним — человеческий череп, произведённый пикой. Под черепом я увидела тело без головы, сидящее в падмасане. Это было тело женщины, и в каждой руке у неё — по лотосу. Она сидела на двойном треугольнике, вокруг которого горели лампы. У её ног находилась маленькая картинка, это было изображение...

— Изображение чего? — спросила Рута. — Мне представляется, что это ключ ко всему сну. Насколько я могу понять, твоё будущее зависит от того, что было на этой картинке.

— Это было изображение... Нет, я не могу вспомнить, — ответила Пратичи.

— Точно не можешь?

— Да, да... Мне надо срочно вернуться в свой домик.

— Можешь идти не спеша. Если ты действительно не можешь вспомнить содержания картинки, тогда у те-

бя нет будущего. По всей вероятности, тебя может ожидать неестественная, безвременная смерть.

— Последователи Чарваки не боятся смерти.

— Ты дура. От нас ожидают, что мы пожертвуем тело только ради достижения какой-то благой цели. Надо достигать даже ценой жизни, а не умирать, не достигнув желаемого. Вот одно из учений нашего гуру.

Пратики внезапно встала. Рута взяла её за руку.

— Я хочу уйти в свой домик и побывать одна, — сказала Пратики.

— Ты можешь пойти к себе, но позволь мне быть с тобой.

— Я очень устала и вне себя. Похоже, я не перенесу ничьего присутствия. Мне очень нужно одиночество и надо выспаться.

— Я не буду мешать тебе спать. Поверь мне, сейчас тебе вредно проводить время в одиночестве.

Из большого зала послышалась мягкая музыка. Все девушки, гулявшие по поляне, устремились в зал и расселись по скамьям. Рута провела Пратики за руку в зал, и они сели. Из мужчин никого не было — каждую пятницу по утрам здесь, в здании, посвящённом изящным искусствам, проводились занятия для девушек. Все сидели молча. На возвышении четыре девушки исполняли грубые и непристойные эротические песни, аккомпанируя себе на струнных инструментах. Вдруг все встали — вошла преподавательница Вришанандини и представила себя классу. Она была довольно здоровой дамой крепкого телосложения и с грубой кожей. Девушки освободили сцену, и Вришанандини, улыбаясь, поднялась на неё. Левой рукой она подала знак садиться и начала свою лекцию:

«Природа — женская, а сознание — мужское. Их союз и даёт творение. Собственно, это всё, что было известно философам данной страны, прежде чем они познакомились с мудростью яван. В древности у них не

было возможности узнать больше, потому что жители этого государства не могли путешествовать. Ученики из Китая, Тривистапы, Непала и Брахмаварти пешком добирались до страны Явана, чтобы изучать различные науки. Пробелы же в их образовании со временем заполнились невежественными предрассудками. Естественно, что в их философии оказалось много ошибок и неверных концепций, но мы не должны их осуждать — ведь они были невежественны.

Соединяться же Природу и Сознание заставляет половое притяжение, и истинная философия — не что иное, как секрет этого союза. Ученики же Брахмаварти отделили философию от секса, и в результате этого весь род, населяющий данную страну, стал слабым и недееспособным. Переживание блаженства — кульминация сексуального притяжения. Те же, кто слаб по причине убеждений и верований, не годны для переживания блаженства; для тех, кто умножает ограничения под именем «самоконтроля», оно очень далеко. Первое из этих ограничений — идея брака, принятая более слабыми расами, и она неестественна, поскольку создана человеком. Человеческим существам нужно распознавать пути природы и соответственно им строить и свой жизненный путь. И если сам брак неестествен, то что же говорить о безбрачии или моногамии? Вот горькие плоды нездрового мышления. Природа учит своих детей получать удовольствие, а для того, чтобы пережить блаженство, требуется смелость. Этого можно достичь лишь личной независимостью. Истории жизней Ситы, Савитри и Дамаянти, взятые из ваших эпосов для преподавания в классах, — это символы некультурных и запуганных народов. Такие истории являются врагами человеческого прогресса, а книги, рекомендованные для школ, просто полны таких историй.

Посмотрите на пары цветов, тянувшихся к утреннему солнцу с нежных веточек кустов и лиан и трепещущ-

ших на ветерке. Вот великолепие природы! Молодые пары должны отправиться наблюдать за тайнами природы, прежде чем смогут развить смелость и свободно получать удовольствие от жизни. Только такой йогой, в бесстрашной свободе может быть рождено новое поколение — крепкое, практичное, героическое. И хотя деторождение — это явление природы, оно не должно стоять на пути йогического удовольствия, которое от рождения представляет собой биологическое право всякого живого существа. Способность по желанию регулировать рождаемость — плод научных знаний, который требует основательного изучения и точного знания различных трав, позволяющих уверенно контролировать зачатие и рождение. Свет великого мудреца нашей эпохи, Чарваки, озаряет наши умы тайнами науки и делает их плодотворными. Это означает великую возможность, которая до сих пор отвергалась веками. Даже сегодня среди масс многие падают жертвами отсутствия возможностей. Первым шагом к вашему наслаждению будет практическое учение сексобиологии и доступность требуемых трав.

Сегодняшняя лекция закончена, и теперь, получив травы на всю неделю, вы можете отправиться со своими парнями на просторы природы. Как обычно, травы вам раздаст ваша наставница в зале для медитации. В следующую пятницу мы встретимся снова».

ГЛАВА 8

Хорошо спланированный и красивый город Дварака с востока оканчивался великолепным большим публичным садом, имевшим две мили в длину и одну в ширину. Это место посещалось всеми его жителями после занятого делами дня, который был для них детской игрой. Цветники и фруктовые деревья чередовались в беско-

нечном разнообразии и были подобраны так, чтобы сад зеленел и цвёл круглый год. Люди отдыхали и развлекались в этом просторном саду вне зависимости от своего возраста и положения в обществе — он давал достаточно места всему городу, чтобы в праздники жить одной семьёй.

К востоку от данного места находились дома, расположенные вдоль прямых, открытых и приятных улиц. Эта часть города называлась «Кусастхали» — «обитель священных трав». Так же называлась и Аграхара — обитель брахманов. Каждый дом был красиво построен и хорошо вентилировался. Для поддержания санитарии, а также для медитативной чистоты позволялось строить только один этаж. Вокруг каждого дома располагался просторный двор, окружённый многоцветной стеной и украшенный зелёными рядами священных растений туласи, в который можно было пройти от входных ворот. За туласи шли вьющиеся растения, кусты и фруктовые деревья. Маленькие нежные растения с острым ароматом росли круглыми клумбами, окружёнными сладко пахнущими ползучими растениями сугандхи. Сзади с одной стороны имелся навес для скота, а с другой — большое количество корма для него. Ещё дальше находился небольшой пруд с чистой водой; его влага позволяла расти вокруг многим душистым растениям, подобным брахми. За прудом виднелись густые пучки травы куса, они касались стены и возвышались над ней. Это и дало району название Кусастхали. Стоя в главных воротах прямо перед домом, можно было видеть небольшое святилище, сделанное из туласи и находившееся возле задней двери. Оно украшалось красными и жёлтыми пятнами, нарисованными кум-кумом и куркумой, а в центре его имелось треугольное окно, в котором горела лампада, наполненная гхи. В дни каждого апрельского, июльского, октября- ского и январского полнолуния городские власти мыли

и красили дома за счёт общественных средств. Улицы были прямыми, широкими и чистыми. Красивые повозки, запряжённые волами, конные экипажи и большие колесницы двигались с перезвоном маленьких колокольчиков. Тучные круглолицые быки молочно-белого цвета, бегущие перед возками, представляли собой приятное зрелище.

Сильные и статные лошади были запряжены в колесницы. Невысокий человек среднего возраста и приятной наружности ехал в небольшой таратайке, сидя спиной к направлению движения. Спереди его голова была гладко выбрита, сзади же виднелся свисающий пучок чёрных волос, перетянутый узлом. В его серьгах сверкали алмазы. Аккуратно нарисованные вертикальные межбровные знаки, лунно-белые и шафрановые, только прибавляли ему грации. Плечи и спину покрывал молочно-белый плащ, полы которого внизу напоминали нежные лепестки цветка пандана, а священный шнур спускался к поясу от правой руки. Он был не очень красив, но располагал к себе. Его лицо излучало приятную ауру. У него был короткий от прямой нос с загнутым кончиком, а вертикальные дуги морщин между бровями придавали лицу острое и подмигивающее выражение. Этот приятный человек трезвых взглядов сидел на шёлковой подушке, и, хотя ему пришлось согнуться в своей повозке, было видно, что он низкого роста. В правой руке он сжал тростниковый посох с золотым набалдашником, держа его наклонно, а перед ним стоял ящик из тростника. Повозка остановилась перед воротами дома, человека медленно, с достоинством сошёл с неё и оглянулся вокруг. К нему подошёл рослый слуга с большими чёрными усами, загибающимися как вопросительные знаки, и широко расходящейся вертикальной меткой на лбу. Он отнёс ящик в дом. Хозяин постоял несколько секунд и осмотрелся. Перед домом находились восемь колесниц и две повозки, запряжённые волами. Их возницы подошли к нему и по-

чтительно приветствовали. На их плечи спадали длинные расчёсанные кудри, а тонкие вертикальные знаки на лбу придавали лицам приятное выражение. Длинные оранжевые полупрозрачные плащи скрывали хорошо развитые мускулы, а на шее у каждого, как талисманы, висели квадратные металлические эмблемы, изображавшие орла. Брахман с улыбкой приветствовал их и знаком пригласил в дом.

Он прошёл два зала, а войдя в третий, центральный, свернулся налево и вошёл в комнату. Это была их алтарная комната. Её центр украшала молочно-белая мраморная статуя Кришны в полный рост. Там же находилась и другая статуя Кришны, где он сидел, облокотившись на левую руку и подпирав ею голову, а в правой держал матерчатый мешок с рисовыми хлопьями. В этом доме обитал Судама — соученик Кришны. Как-то ещё в молодости его прозвали «Кучела» — «брахманом в лохмотьях». Его жена стояла перед статуей с закрытыми глазами, держа в руках пригорожни цветов жасмина. Через несколько секунд она открыла глаза, которые были полны слёз благоговения, и сделала приношение цветов статуе. Некоторые упали на землю, некоторые остались на статуе, а некоторые, отскочив, вернулись к ней. Один цветок увенчал статую, как корона.

— Ватсала! Снаружи ждут десять человек. Это возниче, они пришли по делу. Приготовь для них и ещё для десятерых завтрак, а я пока закончу с ними дела, — сказал Судама.

Ватсала кивнула головой и вышла. Судама вернулся в первый зал, где, сидя на златотканом ковре, его ожидали возницы. Один из них встал и пересыпал принесённые им золотые монеты в большой мешок.

— Надеюсь, всё это золото — подарок от одного из ваших дядюшек? Всё ли у них в порядке? Готов ли у них уже новый бакшиш? — спросил Судама.

Другой возница в недоумении посмотрел своего соседа, а тот ответил:

— Да это просто шутка: «дядя» — это кличка, которой мы пользуемся для обозначения чёрных коротышек.

Возница, принёсший монеты, снова усился и сказал:

— Вчера я доставил в дом Хари Шармы один ящик, за что тот заплатил мне десять монет. Я увидел, как в ночной тьме, прячась в тени, этот «дядя» медленно брёл по прибрежной дороге. Когда я заметил его, то остановил свою карету и спросил: «Господин, далеко собрались?». Он сразу же вскочил в мою карету и закрыл за собой дверь. Я взял его, как мне и было указано. Мы останавливались в двух местах. Одно — это узкий переулок, идущий на юг от площади Десяти Ламп.

— Да, переулок, где делают лампы, — уточнил Судама.

— Мы остановились на расстоянии. Коротышка, сперва внимательно осмотревшись, медленно вышел и юркнул в переулок. Через двадцать минут он вернулся с ещё одним парнем, голова и лицо которого были совершенно скрыты под чёрной материей. Они оба сели в карету и закрыли дверь.

— Думаю, этого парня, который прячет своё лицо, зовут Арунагири — ты выяснил?

— Именно так, — ответил возница.

— Я также полагаю, что второе место, где они остановились, — это треугольник Бхарани, где сходятся три дороги?

— Точно. Мы остановились у задней двери четвёртого дома. Арунагири сошёл там и вошёл во двор небольшого дома через заднюю калитку. Через несколько минут он вернулся с парнем под вуалью. Я смог бы узнать его, но имени не знаю. Некоторое время он делал массаж лошадям Шамбы, сына Кришны. А в прошлом, я помню, он работал наёмным рабочим в кузнице Танкадасы — раздувал огонь.

— Да, его зовут Шригала́даса — он и вправду чёрный хромой шакал².

— Я оставил этих троих, согласно их указанию, в тени зарослей кэшью за слоновыми стойлами у прибрежной дороги. Затем я обнаружил Хари Шарму, сына пандита Вишну Шармы. Его сопровождал тот самый чёрный коротышка. Я скромно предложил им прокатиться, и они сели, двое других скрылись в тени деревьев. Не представляю, откуда взялся этот Хари Шарма? Я доставил их обоих к его дому, и коротышка заплатил мне десять золотых монет. Я принял их со скромностью, удивлением и благодарностью. Было уже около двух ночи. Хари Шарма подозвал меня и шепнул: «Завтра в то же время будь здесь. Оставить нас сможешь на прибрежной дороге». Так что, господин, согласно вашим инструкциям, я доставлю их в целости и сохранности. Остальные монеты — заработка других возниц. Пусть они тоже отчитываются, а затем мы будем ждать ваших указаний.

— Все мы ждём указаний от Владыки вращающегося колеса, — ответил Судама. — Нет больше необходимости слушать. Вы также освобождаетесь от необходимости возить сегодня ночью Хари Шарму и коротышку. Оставьте их мне. Я заплачу вам вдвое больше.

Все расхохотались.

— Я полагал, что каждый из вас постараётся захватить как минимум по одному коротышке, — продолжал Судама. — Но вам вдесятером удалось захватить только шесть этих идиотов. За каждым из них проследил более чем один из вас, так что улицы для них теперь вовсе не безопасны. Это говорит об эффективности наших разведывательных патрулей. После десяти вечера они наводят на этих коротышек панику. Смерти иногда предпочитают самую худшую болезнь, и коротышки, думая скрываться от патрулей, ищут убежища в ваших каретах. Если бы

² Это имя можно перевести как «Шакалов». — Прим. пер.

вы вели себя иначе, они стали бы в вас сомневаться. Все шестеро прибыли в город в поисках золота. Арунагири и Шригалаадаса договорились с ними, что помогут им грабить город: их условием было делиться награбленным пополам. Так коротышки порешили три дня назад и отважились сунуться в дома ради грабежей. Глупцы, они не понимают, что идут на верную смерть. Конечно, в том, что они занялись воровством, ничего неестественного нет, но то, что коротышки решили делиться добытым золотом с чужаками, пришельцами из другой страны, было большой глупостью. Они не понимают, что не извлекут ничего из своих шашней с чужаками, направленных против местных. Это всё равно что держать один ус, чтобы прикрывать губы, а другой сбрить и пытаться связать из него накидку. Теперь данные коротышки наняли вашего Хари Шарму в качестве ночного соглядатая. Они поручили ему вынести золото из своего дома и домов родственников, а за это обещали безопасное путешествие в ашрам Чарваки. Трое из «дядюшек» уже были удостоены должной чести, теперь их не найти. Вам известны девять инспекторов полиции, работающих под руководством семи помощников Парантапы. Один из них — Вьягхра Варма, просто тигр. Двух коротышек он взял живыми и отправил в тюрьму, а третий ухитился себя задушить, когда был пойман, так что отправился прямо к Господу. И никто и не догадывается, как это произошло, так что потом коротышек оставалось трое. Один из них пытался ночью подплыть к острову, однако наши разведчики ожидали его в темноте и оказали ему сердечный приём. Сейчас он на острове в полной безопасности и может спокойно обедать в компании полицейских. Теперь их осталось двое. Поскольку у него много удалённых друг от друга пунктов, где он должен получить товар, то наши разведчики ждут, пока он не соберёт весь: удобнее всего будет схватить его в конце программы. Ведь наши люди очень заняты, и у них нет врем

мени посещать все его явки. Теперь о Хари Шарме. За ним следует Гири Шарма. Он сын моей дочери и хорошо разбирается в криминологии, а сейчас проходит практическую подготовку под руководством моего брата, Дама Шармы. Подготовка проходит по ночам, в башне. Наш учёный полицейский офицер Мадхуврата сделал его эрудитом в тайной литературе Чарваки и Брихаспати. Один из возничих улыбнулся и переглянулся с другим.

Теперь, по милости Мадхувраты, — продолжал Судама, — мой внук втянулся в дурную компанию Хари Шармы. Сейчас он верный ученик Хари Шармы и каждую ночь ходит к нему с богатыми дарами из благовоний, духов и ирисок. Все эти духи из моего дома. Десять дней назад один коротышка назначил дату и время побега двух Шарм в ашрам Чарваки — завтра. Я чувствую гордость, думая о том, что мой внук отправляется в великое путешествие в большой мир в поисках знаний и опыта, однако ничего не поделаешь, не могу устроить пышные проводы. Сплошная секретность! Моему внуку суждено приобрести славу и популярность в узких кругах. Это значит, что вы должны держать рты на замке. Что поделаешь? Зато наши рты ожидает хороший завтрак, и он уже подан в доме. Мы сейчас хорошо подкрепимся, так что будьте добры, вставайте, мойте руки и ноги и милости прошу в столовую.

Сказав это, Судама подбодрил их улыбкой своих тонких губ, покрытых складками, подобно лепесткам цветка сезама.

ГЛАВА 9

С южной улицы, неподалёку от площади десяти ламп, слышались отвратительные крики, визг, шум и гвалт. Две девушки в цветочном магазине кричали,

плакали и били себя в грудь. Их одежды были порваны, надбровные знаки из кум-кума размазались и стали похожи на две кометы, краснеющие в сумерках. Их носы и щёки оказались перемазаны перемешанной со слезами тушью, которой были подведены их глаза. Одна из них была ранена в голову, и кровь стекала, пропитав её одежду. Красивые гирлянды разноцветных цветов превратились в разорванные куски, разбросанные по улице. Весь магазин производил впечатление поваленного на землю цветущего дерева. Четыре молодых человека плясали на прилавке магазина, будто обезьяны. Один из них открыл ящик с деньгами и забрал их себе. Другой яростно выбрасывал большие корзины с цветами на улицу. Вокруг магазина собралась толпа прохожих. Дорога была перегорожена людьми. Экипажи с обеих сторон остановились, и из них образовалась длинная пробка. Хозяева соседних магазинов, спешно закрыв и заперев их, с ошарашенным видом стояли, каждый перед своим, крепко сжимая в руках связки ключей, да и свои жизни тоже. Каждый испытывал такой страх, будто в чём-то очень сильно провинился. Все они громко, в поту и задыхаясь, спорили о том, что этично, а что нет, и никто не мог понять, что говорит другой. Получался гвалт, простая смесь многих звуков.

Внезапно посреди толпы появилась группа полицейских. Их было двадцать, каждый — словно маленький слон. В руках они держали острые пики. Люди в сумятице поначалу их даже не заметили. Тупыми концами пик стражи порядка стали прокладывать себе путь в толпе, пробираясь к магазину. Жертвы их ударов падали, вставали и разбегались. Троє полицейских схватили четырех молодых людей, буйнивших в магазине. Когда их поймали, они тяжело дышали, будто шипящие кобры, и, сжав кулаки, закричали: «Независимость партии Палицы! Мы требуем отделения своего государства! Свободу нашему народу!».

Поскольку молодые люди так и продолжали вразнобой выкрикивать свои лозунги, стражи порядка потребовали замолчать. Они продолжали крик, пока один из полицейских не стукнул хорошенко одного из них по голове тупым концом пики. Все четверо сразу же прекратили орать, однако через несколько секунд один из них снова завопил: «Положить конец насилию и бесчинствам полиции! Долой власть, гордость и жестокость!». Полицейский показал ему острый конец пики, и тот замолчал. Другой страж порядка попросил девушек сесть, успокоиться, и приступил к их допросу. Одна из них сказала:

— Господин, умоляю, выслушайте меня. Сначала этот парень с бородавкой на лице вошёл в магазин и сказал, что хочет купить цветов. Тем временем второй, с обезьяней мордой и торчащим зубом, подошёл и стал с ним спорить, а потом они изобразили драку. Они вскочили на прилавок и разорвали гирлянды. Затем к ним присоединился третий, а потом и четвёртый, с обожжённым лицом. Когда мы попытались вмешаться, четвёртый разбил мне голову вот этой ножкой, отломанной от стула.

Сказав это, она опять расплакалась и сидела, всхлипывая.

— Ну-с, молодые люди, вы граждане этого города? — спросил полицейский.

— Да, — ответил один из них. — Мы лидеры молодёжного движения ядов знамени Палицы. Не думайте, что мы трусы.

— Это слишком! Отвечай на вопрос: чего вы хотите?

— Мы хотим независимого государства для ядов, объединившихся под знаком Палицы.

— А зачем вы избиваете продавщиц?

— Для подъёма национального духа!

— Ты понимаешь, что у тебя с мозгами не всё в порядке? Тем, кто требует независимого государства, незачем избивать простых людей. Вы не имеете никакого отношения к политике, вы просто уголовники, потому что

избиваете женщин, стариков и детей. Вас даже мужчины назвать нельзя! Евнухи — вот вы кто! Вы сами придумали эту чепуху или кто-то закапал её вам в мозги?

— Идеал для нас — наши лидеры борьбы за независимость. Мы — бойцы их армии.

— Ваших лидеров ожидает та же судьба, что и вас, — отрезал полицейский.

Четверо стражей порядка крепко скрутили молодых людей, а пятый обратился к толпе:

— Уважаемые! Может ли кто-либо из вас опознать задержанных?

Все хранили молчание.

Они — жители этого города, — продолжал полицейский, — вы знаете их, но отказываетесь говорить. Остались ли у вас хоть какие-нибудь ответственность и желание помогать нам защищать вашу же безопасность? Вам очень нравится пользоваться гражданскими правами, но если будете уклоняться от гражданских обязанностей, все вы станете жертвами беззакония. Вот вам урок от «ангелов» закона и порядка! Осознайте его и сотрудничайте с нами!

Из толпы вышел молодой человек и смело сказал:

— Правильно вы говорите! Люди боятся жестокости этих супостатов и ведут себя недостойно, однако кто-то должен взяться за дело. Я расскажу вам, что знаю. Этот человек с большой бородавкой — сын Пинарджаки, каретного мастера. Я видел его вчерашним вечером за подобным же наглым поведением на прачечной улице. Он зашёл в дом и взял стопку выстиранной одежды. Люди схватили его и надавали тумаков. Тогда он сказал, что пришёл собирать одежду для помощи инвалидам — героям войны. Они добавили ему ещё и прогнали вон.

— Вы ответственные люди, и потому мы оставляем вам право решать, что с ними делать, — сказал полицейский. Из толпы вышли ещё четыре молодых человека

и стали советоваться. Потом один из них сказал: «Они заслуживают палочных ударов. Вот наш приговор».

Четверо полицейских начали лупить преступников по коленям, спинам и рукам, а те, завывая и делая жалкие рожи, выбивали сжатыми руками барабанную дробь. Внезапно рядом остановился большой экипаж с закрытыми дверями, запряжённый парой крепких лошадей. Из него выскочили двое юношей, сильных и проворных, как львы. Не успели полицейские на них посмотреть, как задержанные преступники ускользнули, как олени, и вместе с двумя юношами впрыгнули в экипаж. Сзади его охраняли ещё два всадника с острыми пиками. Двери захлопнулись, и экипаж быстро унёсся прочь, сопровождаемый всадниками по обеим сторонам, оставив всех стоять в ошеломлении. Сделав много обходных зигзагов по улицам, он остановился в переулке плотников. Двое юношей, освободившие преступников, вышли, захлопнули двери, и повозка уехала прочь.

— Гири Шарма, надеюсь, ты помнишь нашу программу? — спросил один из них. — Сегодня ночью мы выезжаем. Теперь, после этого инцидента, ты, наверно, понял, сколь искусен наш кучер. Он — тот самый опытный возничий, о котором я тебе говорил. Днём он управляет этим большим парным экипажем, а по ночам — другим, небольшим закрытым. Именно он прошлой ночью привёз нас ко мне домой. Ему удалось доставить Арунагири и Шригальадасу в убежище в зарослях кэшью, а оттуда забрать меня и нашего предводителя коротышек ко мне домой. Теперь он отвезёт этих четырех героев прямо в заросли кэшью за стойлами слонов, там высадит их и исчезнет. Ночью он опять будет у моего дома с маленьким экипажем. Оттуда я подберу нашего руководителя коротышек, и мы отправимся прямо к дороге на Матхуру. Через час после полуночи ты должен ждать меня там в полной готовности. Наше путешествие из Матхуры к северо-западным границам уже поэтапно распланировано. Пятеро короты-

шек останутся пока в городе, чтобы организовать перевозку золота на ослах.

— Боюсь, что у нас нет хорошего оружия для самозащиты, кроме коротких палок. Нам лучше быть более осмотрительными, ведь вся дорога может патрулироваться особым отрядом полиции.

— Никто наш экипаж не остановит. Возница очень опытен, и я хорошо его знаю. Я поручил ему погрузить в экипаж хорошую взрывчатку, — сказал Хари Шарма.

— Я лишь повторяю, что мы очень рискуем, если нас узнают. За себя я не боюсь, а беспокоюсь только о тебе. Впрочем, никто не тронет тебя, пока в моей груди есть дыхание.

— Ты ещё новичок на нашем пути и недостаточно опытен; а потому волнуешься. Если нас вообще будут обыскивать, то не найдут ничего, кроме кокосов и бананов. Те кокосы, которые сухие, — на самом деле мощные гранаты. Там их целые сотни. Каждая из них, будучи брошена, разнесёт на куски десяток человек.

— Ух ты! — воскликнул Гири Шарма. — Яванские мозги и вправду достойны высокой оценки. Жаль, что наш народ не может понять, насколько продвинулись яваны в цивилизации. Полный порядок! А теперь я нанесу свой последний визит в дом своего дедушки и вернусь, конечно, с ароматными ирисками и благовониями для тебя.

И двое парней растворились в улицах.

ГЛАВА 10

Лучи восходящего солнца ласкали свежую зелень на вершинах гор. Они касались листьев деревьев так нежно, словно пальцы новорождённого ребёнка. Пробуждённые жизнью этих первых лучей, листья в их свете выглядели

свежими красными лепестками. Под деревом была куча сухих листьев, и на ней спал молодой человек. Он спал на левом боку, подложив под голову мускулы левой руки, напитые, как плод манго. Пожилой человек, одетый в чистую шафрановую одежду, с любовью посмотрел на спящего и улыбнулся. Его губы были скрыты под густыми чёрными шелковистыми усами и бородой. Когда он улыбнулся, его зубы блеснули в лучах солнца, как слоновая кость. Чёрная гладкая борода пожилого человека спускалась завитками и растворялась в нежном утреннем ветерке. Подняв свою правую руку в знак благословения, он простёр её к спящему юноше и мелодичным, но мужественным тоном пропел гимн пробуждения: «Проснись, верный сын Святой Матери! Просыпайся с разгорающейся зарёй! Поднимись над горизонтом, вечное дитя среди людей! Встань и исполни свой долг богам дня!».

Молодой человек проснулся от глубокого сна, открыл глаза и встал, почтительно сложив руки. Спустившись по каменным ступеням, он подошёл к небольшому озерцу с кристально чистой водой, совершил утреннее омовение и утреннее приношение горсти воды богу Солнца. Затем вернулся к своему гуру, который сказал:

— Самосущее сияние утреннего солнца да примет твоё приношение и укрепит твою волю, побудив её к вкладу в мировое дело. Время сейчас благоприятствует. Момент настал, и медлить не следует. Ты видишь перед собой пещеру. Это одна из священных пещер мира, и через неё тебе нужно отправиться в эфирное селение Шравости. Поклонись со сложенными руками пространству перед собой и сделай простижение. Медитируй на присутствие Майтреи. Вторые врата откроются, ты войдёшь и приступишь к делу. Там тебя встретит мальчик и проводит в мистическое невидимое селение Калапа. Ты сможешь увидеть сладко благоухающие золотые языки пламени, горящие по часовой стрелке вокруг алтаря,

и тысячи рукописей на пальмовых листьях, сгорающих в данном пламени и превращающихся в пепел. Это литература Чарваки, привезённая коротышкой на спине осла профессору алхимии, живущему на Совиной скале. К этому времени они, должно быть, уже пробуждаются ото сна, чтобы обнаружить лишь осла с пустой спиной. Когда сожжение будет окончено, тебя проводят к третьей пещере, ведущей прямо в священное селение Шамбала. Мы поручаем тебе особую миссию, поэтому пока у тебя не будет времени для посещения Шамбалы. Если же спросят, можешь ответить, что ты послан Дэвапи. Молодой риши покажет тебе дорогу. Он — житель Праяги и по указанию Господа Кришны проходит обучение у Вайшампаяны, ученика Ведавьясы. Молодой риши хорошо обучен двум тайным искусствам — невидимости и путешествию через пространство. Он вручит тебе пачки рукописей на пальмовых листьях, которые будут находиться в большом ящике. Это копии шестой книги Махабхараты, выполненные тысячами пандитов Праяги под личным надзором Джаймини, ученика Ведавьясы. Мне не нужно объяснять тебе важность данного шестого тома, ведь он содержит прямое послание Господа Кришны, озаглавленное «Бхагавад-гита». Теперь Локаята разработал новый план по всей той же старой программе Ракта Шармы. Он признал, что мы выполняем работу нашего владыки, Мирового Учителя, а именно — о нашей команде, занимающейся доставкой, размножением и распространением текстов Ведавьясы по разным школам, находящимся в разных местах. Также Локаята смог понять, что ведическое послание доносится до всех слоёв народа в храмах, сооружаемых Уддхавой. Он попытался уничтожить рукопись Махабхараты при помощи чёрной магии, когда она была ещё в одном экземпляре, однако прежде чем ему удалось это сделать, Вайшампаяна успел изготовить с неё пять копий. Одна была незамедлительно отправлена в Двараку, другая — в Калапу, а третья —

к Агастье, в Пещеры Дурги в Голубых Горах. Эти три копии дали рождение уже трём сотням копий, поэтому теперь действует другой план Локаяты. Он завладел умами некоторых ортодоксальных брахманов и подкупил их, чтобы испортить текст Махабхараты, вставив дополнительные стихи и главы, в которые вкраплены семена теорий Чарваки. В некоторых храмах они читаются вместе с первоначальным текстом. Кроме того, началась большая дискуссия относительно того, что весь текст Махабхараты не может принадлежать одному автору и что это просто смесь, в которой нет никакого единства и связности мысли. Рукописи в большом ящике, отданые тебе на попечение, являются подлинными текстами Махабхараты, составленными Ведавьясой. Автор назвал это собрание «Джая». Твой проводник в пещерах вручит тебе магическое кольцо. Если станешь носить его на третьем пальце правой руки, то сможешь путешествовать в пространстве путём чтения мантры Гаятри. Ты будешь способен брать с собой и ящик с рукописями. Двигаясь через пространство, обойдёшь всю страну Бхарата, доставляя нужное количество копий в Аванти, Варанаси, Шринагар, Канчи и ашрам Агастьи. Теперь ты отправишься в пещеру и погрузишься там в глубокий сон, а проснуться можешь только после заката. Тому есть своя тайная причина, которая не может быть тебе сразу открыта. После заката ты проснёшься и совершишь своё путешествие. Тебе необходимо вернуться спать в пещеру за час до восхода. И пока не закончишь свою работу, днём ты будешь спать в пещере, а ночью с ящиком совершать свои путешествия в пространстве. Ты не должен надевать магическое кольцо на время сна. Будь внимателен и не забывай снимать его! Ты будешь хранить его в том ящике, который тебе дадут. Ночью же, прежде чем отправиться в путь, тебе надо будет снова надеть его. Йог должен бодрствовать, когда другие спят, — так говорит наш Господь Кришна. Это применимо и к тебе, хотя

в твоём случае оно осуществилось несколько странным образом.

— Под каким именем меня будут знать в данной работе? — спросил юноша.

— Джвала Кхула.

— Наконец-то после долгого времени я свободен от необходимости говорить неправду! Ведь это имя дали мне вы, Учитель, и я могу им пользоваться как своим!

— Ты можешь так думать, но это не имеет большого значения. Неправда не коснётся тебя, когда сам ты не ответствен за неё. Всё это — свершение Бога. Он ответствен за то, как мы называемся. Когда наш Господь, Мировой Учитель, воплотился как аватара в виде молодого Рамы, то прояснил немало и освободил нас от множества подобных сомнений. Когда его гуру захотел, чтобы Рама убил женщину-демоницу, Татаку, Рама спросил его, не будет ли это против закона — убивать женщину. Тогда гуру объяснил, что это не его работа, а действие богов. И сейчас, если ты скажешь неправду, будет так же, как и в случае с Рамой: тебя это не затронет. Теперь же я спущусь в долину Кулу и отправлюсь к месту своей работы. Ты сможешь встретиться со мной только через несколько дней поскольку всё это время я буду занят и не буду доступен.

— Думаю, что по ночам вы заняты тем, что водите колесницы и кареты по улицам Двараки, — заметил Джвала Кхула.

— Да, все семеро из нас должны возить в своих повозках чёрных коротышек и доставлять их в нужные места. Господь Кришна сам начал эту работу, чтобы показать всем нам пример. Он начал её, управляя колесницей Арджуны в восемнадцатидневной войне. Теперь же наш долг — водить его колесницы в Двараке. Не знаю, как долго это будет нужно. Мы уже привыкли получать от коротышек бакшиш. Все получаемые от них золотые монеты доставляются в дом Судамы в Двараке. Теперь Судама назначен управляющим транспортом и главным

инспектором тюрем. Он уже здорово разбогател на этом золоте коротышек и послал своего внука, Гири Шарму, на северо-западную границу, чтобы тот получил там современное образование. Внук станет специалистом в материалистической философии Чарваки и его концепции свободы.

— Уважаемый господин! Ваше чувство юмора и сарказм иногда опасны для неподготовленных умов и могут сбить их с толку. Они способны принять всё это за правду. Впрочем, то же касается и языка всех Учителей Мудрости, работающих в вашей группе.

— Пусть так и будет! А Гири Шарма теперь станет учиться распутывать сложные узлы.

— Развязывать узлы! Это, наверно, будут узлы на мешках путешественников и на одежде красивых девушек? Ведь именно это необходимо для согласия с философией Чарваки!

— Теперь он сможет развязывать всё без колебаний, поскольку всё это будет в соответствии с наставлениями его гуру.

— Да. Всё — деяние богов.

— Да, а также демонов, — добавил Дэвапи.

— Сегодня вы упомянули имя Гири Шармы. Сдаётся мне, я где-то его слышал.

— Да. Тебе сдаётся, что ты слышал обо всём. Нам часто так кажется, когда мы молоды. Мы чувствуем воодушевление, когда воображаем, что всё слышали, знаем всех людей и читали все книги. Ты не знаешь Гири Шарму. Он крепкий орешек. Сначала Гири был хорошим мальчиком, основательно изучившим науку преступления и наказания, составленную мудрецом Камандаки. Однако потом он завёл дружбу с этим испорченным ребёнком Хари Шармой, большим специалистом в учении Чарваки. Я — твой гуру, тогда как его гуру — Хари Шарма. Ты тоже под моим руководством изучал философию Чарваки, но ты этого не помнишь. А теперь остал-

ся лишь час до рассвета, так что поторопливайся! Пусть путь Бога окажется для тебе плодотворным и ты исполнишь свою миссию!

И Дэвали спустился в северную долину, тогда как Джала Кхула углубился в южные заросли, ведущие к пещерному храму.

ГЛАВА 11

Хари Шарма и Гири Шарма благополучно добрались до ашrama Чарваки, де их тепло приняли персонал и студенты. Они были по всем правилам записаны в школу, и им выделили отдельные домики. Хари Шарма проснулся поздно утром. Его разбудили тёплые солнечные лучи, падавшие на него через окно. Он потянулся, зевнул, издав музикальный звук, и встал. Затем, посмотрев в зеркало, приветствовал себя, будто незнакомца. Прямоугольное зеркало было сделано из какого-то сплава и приделано к стене. Веки Хари Шармы несколько набухли, а глаза были красными: в них просматривались тонкие красные жилки. Он лёг спать лишь поздно ночью.

Когда ученики обнаружили прибытие двух новичков из Двараки, к тому же детей ортодоксальных брахманских семей, они сразу же стали для них объектом особого любопытства. Некоторые студентки, весьма опытные в искусстве обольщения, предыдущим вечером нанесли Хари Шарме тёплый визит — им было очень интересно на него посмотреть. Они объявили войну романтическому лексику, который обычно в ходу у целомудренных девушек, а если и держали дистанцию при разговоре с Хари Шармой, то только чтобы возбудить его любопытство. Во время мягкого разговора они отпускали улыбки и слова одобрения экономно. В своих ответах Гири Шарма показал лучшее искусство и сразу

же завоевал у них репутацию. Из рук каждой девушки по отдельности он получал всё новые и новые дозы горячительных напитков. Была уже глубокая ночь, когда они оставили его, договорившись снова встретиться днём. Хари Шарма думал, что Гири Шарма, должно быть, тоже крепко спит в своём домике, ведь прошлым вечером тот рано удалился. Он направился туда, чтобы пожелать ему доброго утра. Прошло уже полтора часа после восхода. Он обнаружил, что Гири Шарма уже закончил все обычные утренние приготовления — совершил омовение, помолился и сидел на плетёном стуле, глядя в окно.

— Какое приятное утро! — приветствовал Хари Шарма. — Надеюсь, ты рано лёг спать, ведь ты, как продукт брахманского воспитания, очень регулярен и щепетилен в своих привычках?

— Ничего подобного! Пожалуйста, садись. Когда я заснул, было уже больше двух ночи.

— Это должно означать, что некоторые старшие ученики нанесли визит и к тебе.

— Да, и, похоже, у них весьма странные представления о жителях Двараки. Они думают, что все горожане — мрачные типы, стиснув зубы, бледущие безбранье. Похоже, эти ученики ожидали увидеть черырёхруких богов с раковинами и колёсами, в жёлтых жёлковых одеяниях. Они также думали, что мы будем робкими, необщительными и вообще станем шарахаться от незнакомцев.

— Посмотри-ка, посмотри! Какое произведение искусства! — воскликнул Хари. — Посмотри на эти голые статуи в бассейне! Реализм! Воспроизведена каждая складка кожи! В этих статуях природа отражена как есть.

Гири Шарма и Хари Шарма шли через поляну по тропинке, ведущей прямо к плавательному бассейну. Гири Шарма несколько секунд смотрел на воду, а потом

сказал: «Похоже, она грязная. Давай-ка лучше искупаемся в горном источнике!».

За тем, как они ушли к горному источнику и как вернулись обратно, внимательно наблюдали Рута и Пратичи. Эти две девушки блистали, подобно двум нарядным бабочкам на фоне чистой зелени в лучах утреннего солнца. Густые и вьющиеся волосы каждой из них, висевшие свободно, были украшены цветком лотоса, расположенным чуть слева. Их нежные ножки ступали по зелёному ковру свежей густой травы, усыпанной каплями росы, сияющими, как изумруды. Они приветствовали двух молодых людей лучезарной улыбкой.

— Надеемся, вы хорошо поспали, — начала Рута. — Похоже, вы умывались в дальнем горном источнике. Пожалуйста, обратите внимание, что вокруг долины рыщет множество диких животных. Они не трогают тех, кого знают, но вам, новичкам, нужно быть несколько поосторожнее. К тому же заметьте, что в нашем ашраме есть правило дисциплины, согласно которому всем его обитателям надлежит совершать омовение только в бассейне. Это для нашей же собственной пользы. Вы могли подумать, что вода в бассейне загрязнена, но это неверно. Она содержит благовония и цветочные эссенции, а также соки трав, помогающие нам сохранить молодость и здоровье. Вот почему вода выглядит окрашенной. Она чистая и подаётся прямо из горного источника, а дважды в день бассейн полностью опорожняется. После каждого купания в нём вы будете обнаруживать, какой здоровой и благоухающей стала ваша кожа.

Двоих Шарм были полуодеты и полуголы, поскольку возвращались после своего ортодоксального омовения, но всё же не испытали никакого смущения, когда к ним обратились девушки. Пока продолжался разговор, Хари Шарма разглядывал лица девушек. Юноши удалились в свои домики и вернулись на поляну хорошо одетыми,

тем временем Рута и Пратики уже ушли вперёд и медленно возвращались, неторопливо беседуя.

— Похоже, во всех учебных центрах Брахмаварти происходят беспорядки, — сказала Рута. — Студенты проникаются идеей личной независимости, собираются группами и решают неходить на занятия, и почти все школы и колледжи прекратили работу. Они требуют, чтобы учителя изменили методы преподавания согласно выставленным ими требованиям, ходят по улицам группами и целыми процессиями, провозглашая свои требования, вырезают постулаты Чарваки на деревянных дощечках и выставляют их на улицах. Офицеры службы безопасности предупредили, что будут арестовывать студентов за нарушения дисциплины. Юдхиштхира, император Бхараты, остановил эти действия полиции и начал действовать более мирным и разумным образом. Он стал созывать собрания всех студентов и их родителей в различных центрах и проводить общие дискуссии. Поначалу люди, похоже, не обращали на это внимания, однако постепенно студентов начала привлекать доброта императора. В конце конференции Юдхиштхира передал дисциплину в городе в руки молодёжи. Брахмаварта был поделён на зоны, а студенты стали в них временными исполнительными должностными лицами. Юдхиштхира сказал: «Граждане забывают о своём долге и игнорируют благосостояние молодёжи. Поэтому молодёжь должна сама взяться за дело и добиться лучших условий. Всем необходимо следовать закону и порядку под управлением молодых». И теперь студенты заняты благоустройством улиц и организацией центров для молодёжи и школ для детей. Они проектируют новые здания для школ и заменили прежних учителей молодыми образованными представителями. За это они получили официальное признание и огромное количество денег от правительства. Все старые пандиты, потерявшие места в системе образования, были приглашены в императорские центры — там

им предоставили все удобства и поручили копировать рукописи.

Тут на башне ашрама зазвонили колокола. Юноши и девушки автоматически потянулись к мраморному дворцу. Там находился класс изящных искусств. Рута и Пратичи тоже пришли туда.

— Ты спала прошлой ночью? Как ты? Твой ум теперь спокоен? — спросила Рута.

— Не могу представить, что со мной происходит, — ответила Пратичи. — Всё как будто принадлежит какому-то другому миру. Я стала другой; день за днём чувствую, что одновременно живу в двух разных мирах.

— Ты снова встречалась с Читрабхану вечером? Вы продолжаете уединяться вместе?

— Вовсе нет! Вот этого-то я как раз и не могу понять. Читрабхану не замечает ни моего присутствия, ни отсутствия, и это с того дня, как он потерял свою флейту. С тех пор я вижу его удручённым, а он предпочитает одиночество, держится особняком и всё время разговаривает сам с собой.

— Мне очень жаль. Но что же с ним случилось?

— Каждый вечер яхожу вверх и вниз по долине с какой-то пустотой в уме. Я пытаюсь медитировать на нашем гуру, но мой ум, похоже, насильно увлекается в какие-то неизведанные и неописуемые миры одиночества. Снова и снова та же сцена прокручивается в моём уме и проходит через моё сердце. Странно, что она всегда одна и та же.

— Что же это за сцена? — спросила Рута. — Ты можешь описать мне её?

— Вон идёт учитель. Пойдём в класс.

Они вошли и спокойно сели. Рута села возле Хемы, а Пратичи — возле Читрабхану. Читрабхану заметил это, встал и пересел к Гири Шарме. У Пратичи в глазах стояли слёзы. На лице у Гири Шармы была улыбка. Все встали — в класс спокойно вошёл профессор Ганадаса. Он

поднялся на возвышение и сделал движение рукой — все ученики сели. Ганадаса начал с приветственного обращения к новопринятым ученикам:

— Мы приветствуем новоприбывших. После занятий пусть наши новые друзья подойдут к нам, чтобы получить наставления. Сегодня мы будем говорить об изящных искусствах. Основными их разделами, которые вы будете изучать, являются музыка, поэзия, ваяние, живопись и танец. Они делают человеческую жизнь красочной, дают расширение человеческому сознанию и стимулируют спящие возможности ума, совершенствуя нашу способность жить хорошо и делать все вещи лучше. Притяжение между мужчиной и женщиной существует в силу магнетизма физических клеток. Мы называем его половым влечением. Эта способность дана нам природой. Иногда ум не готов принять от неё данную силу из-за некоторых врождённых слабостей, на изящные искусства их как раз устраниют. Эти умственные слабости и есть истинные внутренние враги человека. Может ли кто-нибудь сказать, сколько этих внутренних врагов, и перечислить их?

Хари Шарма порывался встать. Гири Шарма сжал его пальцы, попытавшись удержать от выступления, но либо не понял, либо не захотел взять предупреждению, тот встал и перечислил внутренних врагов человека, как они понимались традиционно:

— Внутренних врагов человека шесть. Это похоть, гнев, зависть, склонность к соблазнам, ревность и равнодушие.

Зал сотряс взрыв хохота, отразившийся эхом от потолка. Все смеялись над тем, каким дураком себя выставил Хари Шарма.

— Мне очень жаль, но придётся сказать, что это устаревшие представления о внутренних врагах человека, и лишь пожалеть твоё невежество. Откуда ты такой взялся, мой бедный невинный котёнок?

— Из Двараки, господин учитель.

— И что, жители Двараки всё ещё верят в эти замшелые и покрытые пылью теории? Ведь это те самые представления, что на протяжении веков держали ум человека в пленах невежества.

Гири Шарма внезапно встал и вежливым тоном вмешался в разговор:

— Вовсе нет, уважаемый профессор! Новейшие теории мудрости Чарваки уже достигли умов и сердец молодых людей Двараки. Многие из нас находятся под влиянием его школы мысли. Большинству из нас данные теории известны, и мы применяем их в нашей повседневной жизни.

— Я искренне рад с тобой познакомиться. Ты хорошо говоришь о своей Двараке. Знать хорошие вещи — всегда хорошо, но вот гордиться своей страной, городом или народом несколько примитивно. Мы не должны этого поощрять. Патриотизм — психологическое ограничение. Он свидетельствует о первобытных инстинктах человека. Разве стоит двум людям помнить, что они принадлежат к одной стране или одной семье? Вносит ли это какой-либо вклад в расширение сознания, в единство? Вовсе нет. Но есть более широкие и действенные ценности, о которых стоит помнить двум молодым людям: чем думать о том, что они происходят из одного места, им лучше помнить о том, что они принадлежат к одной идеологии. Ну ничего, пусть так. Так можешь ли ты перечислить внутренних врагов человека согласно философии Чарваки?

— Их шесть. Это сомнение, узколобость, страх, сожаление, приверженность традиции и родственные чувства. Вот что я узнал из чтения книг великих мыслителей новой эпохи, — ответил Гири Шарма.

— Когда ты прочитал эти книги и давно ли следуешь данным идеям? — спросил Ганадаса.

— В наше время почти вся молодёжь Двараки читает эти идеи и действует согласно взглядам на практике. Я собственноручно изготовил четыре копии рукописей и обеспечил их эффективное распространение. Внимательно и вдумчиво изучил знаменитые труды Локаяты, и особое впечатление на меня произвела его книга «Противоречие Я». Мне очень нравятся и известные труды другого почтенного автора — Ганадасы. С великим восхищением я изучил следующие его книги: «Шесть врагов прогресса», «Доктрина беззакония», а также великий труд «Теории, присыпанные солью и перцем». Последней из изученных мною его книг была «Никчёмные аргументы».

Ганадаса был весьма польщён. Он улыбнулся и спросил:

— А знаешь ли ты своего почтенного Ганадасу?

Читрабхану слева шепнул Гири Шарме:

— Он и есть тот самый Ганадаса, о котором ты говоришь.

Гири Шарма изобразил удивление и радостное потрясение. С улыбкой во всём лице он смиленно сел на место. Ганадаса продолжил:

— Таким образом, упомянутые пять изящных искусств являются лучшими средствами, сокрушающими внутренних врагов человека. Видя красоту противоположного пола, вы испытываете возбуждение, являющееся знаком могущества изящных искусств. Скульптура и живопись произошли от этого самого возбуждения, которое мы называем «притяжением полов». Человек должен быть избавлен от страхов, что достигается практикой этих пяти искусств. Кто-то обладает данными качествами от рождения. Люди не понимают причины этого. Некоторые изобрели «теорию перевоплощения», потому что не могли объяснить происхождение отдельных врождённых качеств, а чтобы сделать её правдоподобной, придумали ещё термин «душа». Но точно так

же, как два химических вещества при реакции могут дать третье, с совсем новым свойствами, так и природа и сознание сочетаются, образуя тело. Мысли и речь — продукты союза энергии и сознания. Учеников ортодоксальных школ обманывают, заставляя считать ум чем-то самостоятельным. Из страха и невежества те верят, что в них есть некое неизвестное нечто, которое они называют душой. Я хочу лишь, чтобы вы поняли, почему некоторые люди сильны умом от рождения. Представьте, что есть молодая пара, хорошо подготовленная в изящных искусствах. Эти молодые люди достигли достаточного бесстрашения, чтобы признать, что взаимодействие полов есть источник всякой деятельности, а при помощи изящных искусств данное взаимодействие можно усилить и сделать более совершенным. Они будут расти сильными и здоровыми и наслаждаться жизнью совершенно свободно. Дети, родившиеся у таких родителей, уже от рождения имеют силу и стойкость, располагают хорошим умом, пониманием и способностью быстро учиться новому. А пары, которые страдают от психологических страхов, подавленных желаний и запретов, производят умственно слабых детей. От рождения эти дети оказываются не готовы к обучению изящным искусствам, и нам приходится проводить особую подготовку, причём постепенно. Мы приучаем их к изящным искусствам и доводим до той готовности, когда они уже могут принять требуемое посвящение. Это требует следования научной процедуре. Объяснения, касающиеся используемых в связи с этим наук, я собираюсь рассказать на следующей лекции.

Молодые люди покидали класс парами. Гири Шарма стоял в углу, серьёзно размышляя о решении проблемы, предложенном Ганадасой: «Все основные аргументы, выдвигаемые этим Ганадасой, являются дешёвыми и неубедительными. Подобно черепам на месте погребения, данные аргументы полны дыр. Все они старые

и давно опровергнуты. Даже собака в доме моего учителя Мадхувраты обляяла бы недостатки этих аргументов. Лишь один момент является очень тонким и может обмануть. Для меня самого оказалось трудным выявить слабое место. Как два вещества при реакции дают третью, так и природа с сознанием производят всё мироздание. Эта философия, в которой не находится места для души, способна легко ввести в заблуждение. И вправду, как она опасна для обычного человека! Мозговые извилины данного Ганадасы действительно искусны. Чем больше я думаю об этом, тем больше склонен верить, что он прав. Вот воистину искусство обманывать себя и других! И в то же время очевидно, что он обманывает лишь других, а не себя».

Гири Шарма очнулся от своих мыслей, когда уже стоял на траве. Его ожидал Хари Шарма. Они шли, обсуждая аргументы Ганадасы. И вдруг изящный пушистый кролик молочно-белого цвета выпрыгнул перед Гири Шармой, посмотрел на него несколько секунд, повёл ушами и скрылся в кустах.

— Ах, какой красивый и замечательный! — воскликнул Гири Шарма.

— Ты о чём? — спросил Хари Шарма.

— Какой красивый кролик! Видел его? Он выскочил прямо перед нами и исчез в кустах.

— Как же я его не заметил? Как он укрылся от моих глаз?

ГЛАВА 12

Круглый чёрный куполообразный горный утёс высоко возносился, вонзаясь в небо. Он был примерно в пять раз выше пальмы. С утёса низвергалась вода, образуя облако брызг, и вливалась в мощный поток неизвестной глубины, бурлящий среди камней на дне долины. Вся до-

лина была наполнена её рёвом. Вода вытекала на тёмное каменистое плато, неровная поверхность которого принимала поток и разбивала его на множество ручьёв. Водопадная пыль образовывала множество радуг, которые, как нимфы, танцевали в солнечных лучах, постепенно менявших свой угол. Несколько ниже в долине лежала чёрная гладкая гранитная плита, на которой сидел Гири Шарма, погрузив ноги по щиколотки в текущую воду. По сторонам от него сидели Рута и Пратичи.

— Рута, — сказал Гири Шарма, — я долгое время придерживался таких же верований. Я тоже считал, что сексуальная сила — это и есть сила йоги. Было время, когда я верил, что секс и есть истинное блаженство, однако теперь я раз и навсегда освободился от этого заблуждения, и всё по милости моего учителя, Мадхувраты. Но вот я прибыл сюда, чтобы снова проникнуться верой в теорию Чарваки. Тем не менее здесь, в нашем ашраме нам не следует говорить о таких вещах. Нам запрещено проводить различие между сексуальным удовольствием и блаженством, поэтому я это и не обсуждаю. Я борюсь с собой и пытаюсь забыть свои прежние представления.

— Не беспокойся, — сказала Рута. — Стارаться понять различные теории и исследовать их — вовсе не грех. Пожалуйста, объясни, что тебе об этом известно. Ведь мы живём в ашраме, где люди собирались в поисках личной независимости.

— Конечно, в том, что мы обсуждаем вещи и находим им объяснения, нет ничего плохого. Открытый ум — окно истины. Но, похоже, люди здесь понимают это превратно.

— Да. Тебя поймут неправильно, если мы снова станем обсуждать данные вещи с другими, когда вернёмся в ашрам. Я обещаю больше нигде этого не обсуждать. Искренность — одна из основных черт тех, кто прошёл подготовку у профессоров Черваки.

— Я извиняюсь, но здесь с нами и Пратичи, и она слушает наш разговор.

— Она бедное невинное дитя. Я могу поручиться за неё, она ничего не расскажет. Мне вправду интересно слушать твои разговоры. От тебя всегда можно узнать много нового, ты говоришь ясными словами. Можешь говорить с нами безо всякой боязни и без утайки.

— Должны же мы начать кому-нибудь верить! Так что я верю тебе и теперь объясню разницу между блаженством и сексуальным притяжением. Половое влечение — это магнетизм, который проявляется через физические клетки живого тела. Он вызывает возбуждение чувств и ума. Йога же приводит чувства и ум в спокойствие. Возбуждение — не сила. Это, скорее, возмущение и незаконное расходование силы. Если ум можно сравнить с водой, то возбуждение — с грязной водой. Как бы ни были тонки частицы грязи, вода всё равно отлична от неё по самой своей природе. Водные облака, падающие дождём, показывают разницу. Тело устроено так, чтобы служить инструментом внутреннему человеку, который есть чистое сознание. Потому тело — не человек, живущий в нём.

— Тогда скажи мне, откуда же берётся тело? — спросила Пратичи.

— От того же внутреннего обитателя, чистого сознания. Тебе интересно, откуда оно приходит? Чтобы узнать это, можешь понаблюдать улитку. Это слизняк внутри раковины. Раковина — не слизняк, откуда же она берётся? Жидкость, которая сочится из улитки, затвердевает в форме оболочки для её защиты. Точно так же и физическое тело происходит из нас самих, образуя вокруг нас плотную материю. Можете ли вы представить, как на поверхности воды затвердевает слой льда? Точно так же и тело образуется из нас. Если тело служит нашей цели, мы живём в свободе. Если же желание привязывает нас к нему, тогда жизнь — наказание. Если из-за незнания за-

конов природы мы пользуемся телом неправильно, тогда оно становится ограничением. Действия, которые привязывают нас таким образом, называются кармой, поэтому рабство из-за желания называется «узами кармы». Ум также исходит из нас самих и выйдя, живёт независимо, отдельно от нас. Часто его интересы отличны от того, что нужно нам. Вот на воде появился слой льда. Это вода, но он плавает по поверхности и по сравнению с водой ведёт себя совершенно иначе из-за перемены состояния. Точно так же и наш ум плавает в первоначальном свете, который и есть внутренний обитатель. Разбейте кусок льда — получится много маленьких кусочков. У воды же нет качества разбиваемости. Таким же образом и ум часто впитывает качества, которых у нас нет. Это обусловленное поведение отличается от того, каковы мы на самом деле». И называется «майей», или «великой иллюзией». Сознание с майей именуется «я», а вне майи сознание чистое, первоначальное, однако называется «святым духом». «Я есмь» во всём.

— То есть только душа — то, что в действительности существует, — резюмировала Пратичи, — Теперь чувствуем присутствие так же истинно и естественно, как мы считали её иллюзией, когда слушали объяснения нашего профессора. Наши профессора пытаются доказать, что души нет, однако на самом деле мы чувствуем её присутствие как более естественное и истинное.

— Это не её присутствие, а наше присутствие. Ты не только естественно и истинно почувствуешь присутствие души, но и сама её узнаешь. Чувствовать присутствие души — недостаточно, чтобы её знать. Ты должна быть ею, и ты станешь ею со временем. Это потому, что ты и есть душа. Некоторые люди верят, что у них нет души. Они неправы, поскольку не могут объяснить, кто же в них тот, кто верит или не верит. Те, кто верят, что у них есть душа, тоже неправы. Отдельные люди знают, что они — это душа, и вот они-то правы. Ты — душа, и у те-

бя есть тело. Как только ты станешь ясно это представлять, то поймёшь относительную ценность всех частей данной удивительной машины, которую ты называешь своим строением. Порядок важности вещей изменится и перераспределится.

— Считаешь ли ты, что сексуальный опыт — грех? — спросила Рута.

— Вовсе нет, — ответил Гири Шарма. — У него есть своё должное место, и когда его знают, к нему относятся с почтением. Производить и сохранять виды и их формы — одно из священных дел природы. Она поручает нам, созданным существам, исполнять долг производства новых тел. Природа была достаточно умна позаботиться о том, чтобы мы исполняли его от всего сердца. Для этого она дала нам половое притяжение и создала разницу в строении мужского и женского тел. Так появились два полюса и притяжение между ними. Когда ум чувствует половое притяжение, из него исходит животный магнетизм. Отсюда происходит половое поведение живых существ, чтобы произвести тела и сохранить вид. Они не знают этого. Природа позволяет им верить, что они наслаждаются половой жизнью. Это удовольствие — её награда существам, работающим для неё. Если они не будут считать, что наслаждаются сексом, то не смогут сотрудничать с природой. Теперь вы понимаете, что половое влечение — приманка, заброшенная ею, чтобы мы верили, что занимаемся им в своё удовольствие. Это подобно подслащению лекарства. Как только вы узнаёте данную тайну, миссия секса становится священной. Достичь этого можно, только если элемент секса очищен от нечистот эмоций и возбуждения.

— Есть ли реальная разница между сексуальным удовлетворением и блаженством? — спросила Пратики.

— Они различаются по сути. Прежде всего, пожалуйста, поймите, что чистое сознание, которое и есть мы и которое мы именуем душой, не подвержено ограничениям.

нию. Ум, чувства и тело ограничены переменами состояния и поведения. Когда сознание тронуто умом и чувствами, оно высыпает слой себя для получения удовольствия. Этот слой становится отличен от чистого сознания. Он обусловлен наблюдателем, который смотрит через окно ума и окрашенные стёкла, называемые чувствами. Затем сознание обусловливается средой и вступает в вовлечённость, которая нам известна как желание. Когда оно переживает само себя, оно за пределами обусловленности и перемен состояния. Состояние вовлечённости вызывает рабство. Переживание вне этой вовлечённости — блаженство и освобождение, являющиеся истинным состоянием спокойствия. Живущий в таком состоянии наблюдает перемены как драму или поэму. Он позволяет уму и чувствам получать удовольствие посредством тела, но никогда не обусловливается этим удовольствием. Такой опыт может быть у всего сотворённого, и он называется блаженством. В таком состоянии сознание устойчиво и сладостно само по себе.

Сексуальное притяжение вызывает возбуждение, при котором ум волнуется, ищет блаженства через внешний контакт и получает разочарование. Поэтому он волнуется и возбуждается. В силу привычки данное возбуждение понимается и интерпретируется как счастье. В половом акте ум также получает мгновенное состояние освобождения. Происходит оно не из-за обусловленности чувств, а в силу изначального сияния внутреннего сознания. На ум и чувства это действует, подобно одурманиванию или сну, а литература школы Чарваки описывает его как блаженство. Даже во время переживания настоящего блаженства ум погружен, и это — состояние поглощения, однако сознание бодрствует и получает удовольствие. В состоянии одурманивания алкоголем или сексом внутренний человек отрезан от сознания, и потому мудрецы называют это «падением» сознания. Согласно эротической науке традиционных школ Брахмаварты, карма —

это благочестивое побуждение, используемое природой ради потомства. Сексуальный элемент называется в индийских писаниях «Богом-отцом», водителем существ. Правда об этом может быть познана и истинное удовольствие от секса получено только теми, кто приобрёл господство над чувствами и умом.

В теории Чарваки есть противоречие. Он учит, что надо получать удовольствие от половой жизни, и требует также контроля над деторождением. Каким же научным объяснением примирить эти два утверждения? Теперь исследуем теорию страны Брахмы. Когда рождение ребёнка произошло и больше детей не требуется, пару учат создать для ума более высокий центр притяжения, чем секс. При этом ум становится выше обусловленности сексом. Это пассивное отношение к сексу без необходимости с ним бороться. Такое состояние называется «брахмачарь». В это время мужчина и женщина свободно общаются безо всяких ограничений. И всё же они не чувствуют ни необходимости, ни инстинктивного желания иметь половой акт. Они не подчинены сексуальному желанию, хотя и находятся вместе. Все женщины Двараки переживали данный опыт со своими мужьями. Все, кто желает присутствия Кришны, живут таким же образом. Удивительно, но мужчины Двараки переживают то же высшее притяжение к нему, что и женщины, — это притяжение без привязанности. Оно происходит к сознанию, тогда как привязанность бывает к уму и материи.

— Живёт ли Кришна со своими жёнами половой жизнью? — спросила Рута.

— Когда его жена хочет ребёнка, Кришна спускает своё сознание на уровень секса. Однако даже во время полового акта такая пара не теряет касания высшего сознания. Они воспринимают секс точно так же, как и любое другое полезное занятие, встречающееся в жизни. В таких случаях не бывает особой привязанности ума к сексу, а потому нет и «разочарования в любви», как

называют это невежды. Половая жизнь ведётся соответственно надобности зачатия детей. Люди получают удовольствие, но не вовлекаются, оставаясь наблюдателями. Вы слышали о Ведавьясе, который всю жизнь соблюдал безбрачие? Ему было приказано стать отцом детей вдовствующих цариц, что он и сделал. Тем не менее он остаётся девственником на всю жизнь.

— А что насчёт аргумента Ганадасы против существования души? — спросила Рута.

— Ты о примере с реакцией химических веществ? Да, верно, что белый и жёлтый порошки, будучи смешаны с водой, могут дать красный цвет, но нужен человек, который их смешает. Из этого аргумента, наоборот, следует, что в природе есть кто-то, использующий её инструменты, чтобы смешать энергию и сознание. Этот «кто-то» называется душой. Пример и аргументы, приведённые нашим профессором, сами доказывают её существование, хотя ему кажется, что они это опровергают.

— Некоторые говорят, что брахмачарья должен полностью избегать общества женщин. А каково твоё мнение? — спросила Практичи.

— Это верно лишь для периода испытания. Не пройдя подготовку в течение некоторого времени, никто не сможет овладеть каким-либо предметом. Практика воздержания необходима, пока ум не очистится и не возвысится. Тот, кто не смог достичь этого, пока был молод, не должен и мечтать этого добиться, когда жизненные силы уже на исходе. Практика брахмачарии предписывается для испытательного периода, предшествующего браку.

— А я слышала от некоторых, что видеть лицо женщины и говорить с ней считается в вашей стране для брахмачарии грехом. Это правда? — спросила Рута.

— Есть люди, которые так считают. В Двараке их называют псевдодевственниками. Подавлять и душить сексуальное желание — вовсе не значит быть выше сек-

са. Ложные брахмачары — это те, пытается гордиться подавлением ума с помощью разрушения чувств. Однако в практике йоги, принятой в Двараке, никаких искусственных ограничений или попыток подавления не допускается. Женщины свободно общаются с мужчинами как близкие знакомые, носят украшения и вообще стараются, чтобы на них приятно было смотреть. Встретить поутру нарядную девушку считается благоприятным знаком, омовение в масле и нанесение надбровных знаков — ежедневным ритуалом, совершааемым женщинами над брахмачарьями, живущими у них в доме в качестве учеников их мужей. Что касается Двараки, то ни один здоровый человек не чувствует полового влечения, за исключением периодов, благоприятных для зачатия. Как только ума касается сознание души, он становится един с душой. И с тех пор ученик питает чувства опытом души. Это поддерживается присутствием гуру ашрама.

— Под присутствием ты имеешь в виду нахождение вблизи гуру? — спросила Пратичи.

— Нет, — ответил Гири Шарма. — Близость — явление физическое, тогда как присутствие духовно. Посмотри, как магнит на расстоянии действует на физические частицы. Подобно этому и гуру оказывает магнетическое влияние на учеников своего ашрама. Вот что называется «присутствием».

— Возможно ли, что Кришна оказывает подобное влияние, давая своё присутствие ученикам разных ашрамов? — спросила Пратичи.

— Они говорят — да.

— Присутствие! Это что-то, чего я не могу вообразить! — воскликнула Пратичи. — У меня какое-то странное чувство. Последние несколько дней в поисках умственного мира я прихожу в это место. Я посещаю его в одно и то же время и в этот час переживаю его уже в течение шести дней. Мои глаза закрываются, и мой

ум больше мне не подвластен. Он уходит куда-то далеко в неизведанные пространства, и я снова и снова наблюдаю одну и ту же сцену. Сквозь глубину небес вижу две горы невиданной высоты, между ними — долину, а над ней — небесный свод. Прямо из-за него слышу музыку флейты. Она становится всё более отчётливой, пока я не тону и не теряюсь в сознании этого звука. Я и сейчас чувствую, что меня куда-то уносит, и не могу больше говорить.

Глаза Пратики были закрыты. Рута и Гири Шарма тоже непроизвольно закрыли глаза. Никто не заметил, что произошло. Когда Пратики смогла открыть глаза, было уже совсем темно. Постепенно она начала слышать щебет лесных птиц, возвращающихся домой после заката. Рута всё ещё сидела с закрытыми глазами, а Гири Шармы не было — должно быть, он уже отправился в свой домик. Пратики потрясла Руту за плечо и разбудила её.

— Что с тобой произошло?

— Я видела ту же сцену, которую ты описывала, — ответила Рута.

— Ты слышала музыку флейты?

— Я не могу ничего вспомнить, но смутно чувствую, что слышала музыку.

— Ты закрыла глаза из любопытства?

— Любопытство не в моей природе. Мои глаза закрылись сами, и я не могла их открыть. Теперь я чувствую, что кое-что припоминаю. Я видела бесформенный образ, который был голубизной бесконечных небес. Меня наполнил непрерывный поток сознания, которое, как я поняла, являлось музыкой флейты. Он дал моему сознанию новое касание. Может быть, это и есть значение слова «счастье»? Тысячиексуальных влечений и чувственных удовольствий не стоят и крохи этого опыта. Как я могу это передать? Каков смысл этого? И каково назначение? Как возможно, что это сознание без приглашения посещает меня?

ГЛАВА 13

Обитель вырезанная в виде пещеры, называлась селением Калапа. Из пещерного зала дверь вела в комнату, где находился большой деревянный ящик, и на нём спал Джвала Кхула. Внезапно он проснулся и, посмотрев в окно, увидел созвездие Орла и Антарес, клонящийся к западному горизонту. Джвала Кхуда встал, открыл ящик, и, достав оттуда кольцо, надел его на средний пальец правой руки. В некотором отдалении от него находилась скамья. На скамье в позе лотоса сидел риши Мару. Он пребывал в медитации. Мару и Дэвапи работали вместе, внося свой совместный вклад в исполнение плана Господа. В это время они были заняты день и ночь: днём исполняли свои обязанности в Двараке, а ночью водили повозки под маской обычных извозчиков. Они заманивали в свои колесницы всех чужаков, рыщущих по ночам по улицам Двараки, а также тех местных жителей, которые состояли у них на службе. Наряду с местными дураками, бывшими на поводу у чужаков, Мару и Дэвапи захватили и многих этих коротышек, проникших из других стран. Все пойманные таким образом люди доставлялись ими в дом Судамы, который заведовал тюрьмами в Двараке. В своё время он вместе с Кришной изучал у Сандипани искусство криминалистики и уголовный кодекс. С тех пор Кришна изливал на Судаму свою милость. Он направил его к Сатагопе для дальнейшего обучения расследованию преступлений и обеспечения безопасности в городе. Сатагопа происходил из деревни Гхосан — из тех мест, где родился и сам Кришна. Он был зятем Нанды, приёмного отца Кришны, и принадлежал к торговому сообществу.

Прежде чем Кришна пришёл как Мировой Учитель, произошло нисхождение группы дэв и риши, подготовивших дорогу для Господа. Все они родились в окру-

жающих деревнях как обычные люди. Из этих риши Санатсуджата родился как Сатагопа, Мару — как Мадхуврата, а Дэвапи — как Сатаника.

В это время все они были заняты защитой Двараки. Под их командованием находились хорошо вооружённые кавалерия и пехота. Каждый из них контролировал округ, состоящий из трёх зон, и отвечал за защиту и безопасность целой провинции. Они должны были смотреть за тем, чтобы все схемы администрации Двараки работали гладко и без перебоев. В военное время контроль над провинцией брали на себя четверые действовавшие независимо от них генерала — Баларама, Сатьяки, Прадьюмна и Анирудха. В мирное время ею заведовали Сатаника, Парантапа, Мадхуврата и Сатагопа. Каждому из них помогали по три зональных офицера, наделённые всей властью. Ещё в своей прежней жизни эти три души прошли долгий период строгих аскез вместе с Судамой в Бадарика ашраме. Много лет они питались лишь водой и воздухом и подвергали свои тела суровым истязаниям. Когда Господь воплотился как Кришна, были привлечены к нему и стали его соратниками. Они родились в ортодоксальных брахманских семьях и провели вместе с Господом ученический период своей жизни. Под руководством своего гуру, Сандипани, изучали криминалистику и юриспруденцию, и это стало их специальностью. Из-за жестоких самоистязаний, которыми они занимались в прошлой жизни, им пришлось жить в крайней нищете — в ранний период этого воплощения у них почти не было даже пищи. Однако через некоторое время Кришна излил на них свою милость и пригласил к себе на службу в Двараку. Из всех четырех самым популярным был Судама — он пользовался славой философа и миротворца. Никто и догадываться не мог, что он может быть главой уголовного розыска и куратором тюрем. Потому Господь Кришна вверил ему руководство ими

и открыто назначил министром местного транспорта. Мадхуврата же был день и ночь занят из-за беспорядков, устраиваемых в Двараке чёрными коротышками, действовавшими против объединения усилий всей нации. Их привез Калаявана из страны Юнань при предательском посредничестве Ракта Шармы. Мадхуврата был известен под таким именем внешнему миру, однако его настоящее имя было Мару. Это духовное имя дал ему Господь, Мировой Учитель, и ему предстояло использовать данное имя на протяжении ещё многих жизней. В этом рождении родители назвали его Мадхувратой, и под таким именем он был официально известен всем. У учителей, посвящённых в план Господа, иметь два имени является обычным делом. Рассеянные по всему земному шару, они представляя собой в то же время единую команду работников. Друг друга они знают по этим кодовым именам, данным им Мировым Учителем, тогда как другим известны лишь по именам, которыми их нарекли родители.

Таким образом, Мадхуврата был Мару, а Сатаника — Дэвали³. Во время смуты, устроенной антинациональными героями, данные учителя были особенно заняты. И на эту ночь Мару планировал особую программу действий, исполнение которой уже давно ожидало своего срока. Была почти ночь, и он сидел с открытыми глазами, пребывая в самадхи.

— Намаскарамс! — произнёс Джвала Кхула.

— Преуспевай в присутствии нашего Господа, — отвечал Мару. — Твой гуру Дэвали и я были в Двараке ещё несколько минут назад. Мы объезжали улицы Двараки

³ В наше время Мару известен под именем Морья, а Дэвали — под именем Кут Хуми. Это два светоча, которые возглавили духовное движение современности. Е.П. Блаватская и Алиса А. Бэйли учились у Джуала Кхула, который является прямым учеником данных двух Учителей.

верхом на лошадях и с пиками в руках. А ты бывал когда-нибудь в Двараке?

— Нет, господин.

— Сегодня ты вместе со мной отправишься туда. Твой гуру всё ещё там. Господь Кришна задумал провести в ближайшее полнолунье великий жертвенный ритуал. На протяжении последних семи дней он очищал место и окружающее пространство, наполняя для этого пространство вибрациями музыки своей флейты во время восхода, заката, а также в полдень и в полночь. Сегодня ночью он босым пройдёт по улицам Двараки и будет ходить до восхода. Все улицы очищены и украшаются, и люди окропляют их водой с сандалом и благовониями. Они вырезали особые духовные украшения, по которым ступит Господь, когда пройдёт по улицам. Все улицы в иллюминации. Твой гуру очень рад за тебя и доволен твоей работой. Он оценил твой труд по точной доставке священных рукописей по центрам Аванти, Каши, Кашмира, Канчи и в ашрам Агасты и попросил меня взять тебя с собой в Двараку.

— То, что Господь сонмов пройдёт по улицам для народа, — великое благословение. В то же время и меня беспокоит одно: этой ночью на улицах будут все жители Двараки, и среди них — женщины, дети и старики, однако из-за политических беспорядков в Двараке нынче небезопасно. Стоит ли подвергать людей риску?

— Мы ценим твою доброту и в то же время знаем одно — мы должны подчиняться указам нашего Владыки.

— Прошлой ночью я был в Варанаси, — продолжил Джвала Кхула, — и один из учеников Вьясы рассказал мне странный случай. Трое знаменитых учёных из Непала прибыли на литературное собрание, проходившее в Варанаси вчера. Они очень сильно отстаивали ту точку зрения, что шудрам, женщинам, а равно и непосвящённым не дозволяется читать Веды и Упанишады.

Некоторые пандиты признали это, тогда как другие возражали. Теперь образовались две партии, что послужило началом больших брожений.

— Влияние Кали растекается, подобно ртути, — заметил Мару.

— Ученики из апрама Агастьи рассказали мне ещё одну историю. Некоторые пандиты с юга развернули кампанию против Бхагавад-гиты. Они заявляют, что в ней нет ничего нового и что это лишь попугайское повторение высказываний из Упанишад.

— Такие аргументы — следствие лености ума. Господь снова и снова приходит, чтобы провозгласить на Земле тот же Закон. И если кто-нибудь попытается принести новый закон, отличный от извечного Закона Природы, он будет неправ. Когда человек теряет присутствие ума, он падает духом и хочет лишь одного — вспомнить то, что знал. Не нового учения он желает, а лишь нового представления прежних фактов. Именно в таком состоянии был Арджуна, когда Кришна дал ему учение Бхагавад-гиты. Таким образом, это было лишь новым приложением истин, уже присутствовавших в Ведах и Упанишадах. Для дурака все книги мира содержат лишь повторение одной и той же азбуки. Он читает и видит лишь те же буквы, от а до я, поскольку не может понять слова, предложения и смысл. Как же такой пандит найдёт какой-нибудь смысл в Бхагавад-гите?

— Пураны, составленные Ведавьясой, содержат много историй различных юг и кальп. В данных историях встречаются имена тех же мудрецов. Как же все эти лица могли жить на протяжении целых юг и кальп? Это показывает, что Ведавьяса всё это сочинил, а выдаёт за реальную историю. Вот ещё один аргумент против Пуран, выдвигаемый данными пандитами.

— Те, чья учёность исчерпывается лишь простой грамотностью, умирают вместе со своими физическими телами. Они не понимают, что жизнь есть и после

смерти, Поэтому вместе с их смертью кончается и их логика. Всё это так в силу влияния материалистической философии Чарваки. Научному уму хорошо бы подождать, пока он не осознает, что люди не умирают со смертью тела. В высших областях духовной эволюции есть люди, которые помнят себя и свою работу на протяжении многих рождений и смертей — целые века. Эти адепты именуются «Бессмертными». Их память простирается через рождения и смерти на целые юги. Они всегда заняты непрерывной работой по совершенствованию человечества, а личного времени и личной жизни у них нет. В Ведах и Пуранах говорится о таких людях и подробно описывается их работа. Так под какими же именами их упоминать? У каждого, конечно, есть имя; данное ему родителями в той или иной жизни. Но за сотни жизней у них должны накопиться сотни таких имён. По какому же имени их узнавать? Удобно иметь опознавательное имя, которое бы сохранялось на протяжении всех этих жизней. Это просто вопрос удобства, находящийся в соответствии с традицией Писаний. Все имена риши, встречаемые нами в Ведах, Упанишадах и Пуранах, являются именно такими. Что же говорить о других? Возьмём наш собственный случай. Мы с Дэвапи являемся персонажами Пуран Ведавьясы, а также описаны в Вишну Пуране, составленной Парашарой, отцом Ведавьясы. Когда мы обучались у него, то жили не в тех телах, что сейчас, и всё же помним, что мы те же самые. Это дело опыта, и при помощи теорий и гипотез понять это нельзя. Вскоре ты сам всё узнаешь. Даже в данной жизни в разных местах нас знают под различными именами, в зависимости от выполняемых нами задач. Здесь я Мару, а в Двараке — Мадхуврата. Дэвапи известен в Двараке под именем Сатаника. Всегда есть люди, которые не верят в это и поступают низко. Они создают мысли, смущающие невинные умы, и своей логикой совершают чёрную ма-

гию. Для спасения душ от данной чёрной магии и для того, чтобы человечество могло достичь более высоких ступеней духовной эволюции, у Природы есть белая магия, дающая души, помнящие себя на протяжении веков и эпох. Музыка флейты Господа есть та божественная магия, что приводит все вещи в безупречный порядок.

— Этой ночью я собираюсь ощутить музыку Господа, и всё это благодаря вашей милости и милости моего поченного учителя Дэвали. Я чувствую благословение. Возможность слушать музыку Господа — результат благих деяний души на протяжении многих жизней. Так говорят в своих писаниях Ведавьяса. С тех пор, как я прошёл эти строки Ведавьясы, мой ум начал интересоваться данным опытом и стремиться к нему. Если говорить языком Ведавьясы, он стал подобен голи — пастушке, сходящей с ума по Господу. Но я опасаюсь, что в таком любопытстве ничего хорошего нет. Мой учитель как-то сказал, что любопытство является препятствием в йоге, потому я постарался нейтрализовать своё любопытство и ожидать без всякого предвкушения. Мне удалось преодолеть эту слабость — желание заглянуть в будущее, однако потом мой Учитель предписал мне спать днём, а это определённо против правил йоги. Поскольку мой гуру допустил, чтобы я преступил одно правило, я начал преступать и другое — начал развивать любопытство и стремление услышать музыку Господа. Изо дня в день оно росло столь сильно, что сегодня мне приснилось, будто я слушаю музыку флейты. Внезапно я проснулся.

— Кто знает истину, мой мальчик? Вполне возможно, что ты мог настроиться на музыку Господа путём телепатии. Он регулярно играет на своей флейте в Двараке, а расстояние — не препятствие для милости Господа, — ответил Мару. — Теперь Парашара поручил нам находиться в пещерных обителях Калапы и Шамбалы и постоянно проводить там ритуалы белой магии. И всё же мы ста-

раемся выкроить время, чтобы ускользнуть в Двараку во время полнолуний Вайшакха и Картика⁴ и пережить там музыку Господа. Мы всегда испрашиваем у него разрешения на данные дни. Конечно, это любопытство. Но что говорить о нас, когда и сам Майтрея, который стоит сразу за Господом, здесь вовсе не исключение. Как только выпадает случай, он всегда старается получить позволение ускользнуть в Двараку. Не знаю, не перейду ли я пределы дозволенного, сказав, что наш владыка Майтрея снова и снова старается найти какое-нибудь дело в Двараке, чтобы оказаться в присутствии Господа? Но нам уже пора отправляться. Ты уже подготовил кольцо?

— Да, я готов, — ответил Джвала Кхула.

— Не снимай его нигде. В Двараке нам придётся повсюду идти через толпы, и мы должны быть невидимыми, иначе не сможем получить удовольствие от близости Господа.

ГЛАВА 14

Будто пастушка Вриндавана, одетая во всё белое, обрызгала мелкими каплями молока всё синее пространство неба — таково было великолепие Двараки, залитой лунным светом. Всё население города купалось в лунном свете. Жители были подобны ангелам и феям, а их глаза полны ожидания. Снопы света от иллюминации рассеивали серебряно-золотистые лучики, слепящие глаза людей. Мощные звуки трубящих раковин разносились в пространстве, создавая пучки вибраций, которые ещё долго оставались там в виде таких же раковин. Тысячи лиц отражались на выпуклой поверхности каждого из куполов, и среди них был Кришна. Вся сцена воспринималась, как

⁴ Вайшакха — полнолуние в знаке Тельца или Близнецов, а Картика — полнолуние в знаке Скорпиона или Стрельца.

полное внутреннее отражение в глазах наблюдателей. Каждый купол отражал Господа, и множество Кришн сияло в глазах людей. Сам же Кришна шёл по улицам и ускользал от взгляда, так как, увидев его отражение, глаза уже не могли от него оторваться и видели его только там. Они видели Кришну между душами и души между Кришной и Кришной. Каждый для себя был душою, тогда как всё остальное для него являлось Кришной. С улыбками на устах, экстазом на лицах и вздохами восхищения мужчины встречали Господа точно так же, как и многие женщины своего любимого после долгой разлуки. Со своими шаловливыми и невинными взглядами, невольным и весёлым щебетанием они были похожи на многочисленные отражения царицы — Сатьи. Позади них из дверей молча смотрели замужние девушки, возбуждение которых выдавали лишь дрожащие ноздри. Они казались многими душами царицы Рукмини. Их свекрови легонько отталкивали невесток в сторону и смотрели немигающими, бесстрашными и опытными взглядами, подобно многим формам Радхи, ожидавшей Господа, когда он поднимался на холм Говардхана. Маленькие девочки обнаружили, что двери уже заняты и к ним не подступиться, поэтому они хватались за подоконники и выглядывали из окон. Их взгляды устремлялись к Кришне и крепко обнимали его, заставляя того вздрагивать. Их глаза, выглядывающие из окон, были подобны глазам телят, развившихся на улицах Двараки. Маленькие мальчики нашли невозможным выглядывать из окон, бросились к террасам, забрались на парапеты и с криками смотрели на Кришну, подобно армиям обезьян в Кишкундхе. В пространстве разносились такие разговоры:

— Погляди на босые ноги Господа! Они привыкли к деревянной обуви, однако на них нет никаких мозолей или шишечек. Смотри, какие они нежные!

— Его одежды из жёлтой ткани касаются земли, но на них не остаётся и следа пыли!

— Атласный узел одежды на поясе даёт такие складки кожи на животе Господа, что их фигура напоминает бутон лотоса.

— Разве это не удивительно — иметь талию льва и поступь слона?

— Посмотри на нежные пальцы Господа! Как ты думаешь, ему не жмут эти золотые кольца с драгоценными камнями?

— Посмотри на изящные линии запястий! Господь избежал моего взгляда, пока я смотрела на запястья, и мне не выпало милости лицезреть его лицо!

— Я смогла увидеть лишь его шейное ожерелье!

— А я — лишь драгоценный камень на его плече!

— А моим единственным впечатлением были изящные очертания горла!

— От его серёг в мои глаза блеснуло множество лучиков, а тем временем Господь скрылся от меня!

— Его губы целовали мои взгляды!

— Кончик его носа отбросил свою улыбку на моё лицо!

— Я стесняюсь говорить. Его брови подали мне знак любопытства.

— Надбровный знак Господа из мускуса и камфоры растворился от пота и медленно потёк красными потёками по носу. Тогда я почувствовала, что что-то течёт и у меня по носу, и, когда потрогала его рукой, обнаружила, что это красные капли пота!

— Пламенный блеск множества алмазов в его короне крутился в моих глазах!

— Мои глаза очаровал павлиний камень в его короне!

— Я попыталась взглянуть ему в глаза!.. Его глаза... Я не помню, что произошло тогда! Я и вижу, и не вижу!

Ноги Кришны медленно и нежно ступали по улицам Двараки. И всё, что видел каждый, отражалось в его глазах и откладывалось в уме. Люди же, глядя друг на друга, видели то же самое — лишь Кришну. Множество

павлиньих корон появилось в домах и множество жёлтых одеяний — в экипажах. На скамеечках для ног блестали лотосные стопы Кришны. Кришны ели в столовых, ухаживали за коровами в коровниках. Муж смотрел на жену и чувствовал вздох божественного экстаза. Мать глядела на дитя и чувствовала себя океаном молока. Сын смотрел на отца и таял, превратившись в океан преданности.

Кришна шёл по улицам Двараки и, проходя мимо Джвалы Кхулы, взглянул ему в глаза и улыбнулся. Глаза Джвалы Кхулы наполнились слезами радости и закрылись. Он снова открыл глаза и посмотрел на Кришну. Господь снова взглянул и улыбнулся. Мириады и мириады живых существ завращались в рядах космосов в глазах Джвалы Кхулы, и его глаза снова закрылись. Он опять открыл глаза. Господь смотрел и улыбался. В глазах Джвалы Кхулы возник его ослепительный образ величиной с палец, сиявший, как тысяча молний. Опять закрыв и открыв глаза, он снова увидел улыбающегося Кришну, продолжавшего свой путь. Джвала Кхала взглянул в глаза Мару. Тот смотрел куда-то вверх, в небо. Тогда Джвала Кхула и Дэвали тоже взглянули туда. Там возник улыбающийся риши, исполнявший музыку на струнах своей вины. С улыбкой он произнёс: «Васудэва! Нааяна! Шри Кришна!»⁵. Пропев эти слова, он поклонился в почтении и исчез.

ГЛАВА 15

С тех пор, как страна Яду была разделена на две части, она страдала от множества внутренних политических беспорядков. Отколовшаяся от нации группа называ-

⁵ Васудэва означает «Владыка сонмов», Нааяна — «Всевышний Господь Небес», а Шри Кришна — «Господь, сошедший в человека». Все трое они составляют Бога как духовную троицу.

ла свою часть страной Палицы, а приверженцы прежнего национального духа именовали свою часть Голубой страной. Сторонники Палицы замышляли множество тайнах планов против Голубой страны. Подстёгивали их к этому иностранные элементы из приграничных областей — они имели виды на золото Голубой страны и всё время хотели её ограбить. Даже некоторые члены семьи Кришны подверглись влиянию их лидеров и присоединились к сторонникам Палицы в борьбе против властей, защищавших Двараку. Среди них были Шамба и Гада. Шамба являлся сыном Кришны, а Гада — двоюродным братом. Они пригласили к себе на службу группу горных племён и подготовили из них боевиков, терроризировавших мирных жителей. Двенадцать из них были назначены министрами новой провинции, провозгласившей независимость. Гада стал её царём, а Шамба — министром просвещения. Некоторые боевики были смешанной крови — они родились у рабынь из Юнани от юношей Гандхары. В день возведения Юдхиштихи на престол Экалавья исчез и возглавил армию боевиков. Он нашёл хорошую возможность отомстить Кришне. Ракта Шарма ненавидел Юдхиштиху и хотел отомстить ему за смерть своего друга Шакуни, правителя Гандхары. Он пригласил армию Экалавы и обучил её военным искусствам. Армия стала регулярной и была готова к нападению на Двараку.

Начал он свою кампанию с того, что его боевики просачивались в Голубую страну группами по десять человек. Они проникали в Двараку как подённые рабочие, выполнявшие тяжёлые работы, и так им удалось закрепиться во многих областях. Боевики доказали горожанам свою полезность, а с некоторыми местными семьями установили постоянные связи. Затем они стали обучать студентов своей секретной литературе, а также приучать к алкоголю, что делалось при помощи развёрнутой ими системы клубов. Вторым этапом стало вне-

дрение красивых девушек, обученных танцам вольного свойства в ашраме Яваначары. Все они остры на язык, грациозны и искусны в музыках, танцах и поведении в обществе. В их сети и попались Гада и Шамба, и эти девушки вытянули из Двараки кучи золота. Данное золото пошло на организацию респектабельного общества, подрывающего государство. Была создана крепкая сеть из представителей разных слоёв общества. С их помощью Гада и Шамба уже смогли восстать против правительства и объявить независимость страны Палицы. Они были хорошо сведуши в чарвакской литературе и провели в системе образования множество реформ. Для разных классов Гада и Шамба подготовили учебники, целью которых стали сексуализация общества и насаждение неугомонного сумасбродства под именем культуры. Они основали школы, назначив туда подготовленных ими учителей. На учителей и учеников под видом помощи изобильно лились деньги, благодаря которым многие студенты примкнули к школе Чарваки. В качестве следующего шага были подготовлены и заброшены в Двараку и братский город Кусастхали дополнительные группы боевиков. Они распространяли своё влияние на некоторых глупцов из местной молодёжи, начинающих шумно требовать независимости для страны Палицы. Слово «независимость» использовалось для того, чтобы прикрывать насилие, которые они учиняли над бедными и беспомощными горожанами.

Затем они выбрали Экалавью военным министром. Однажды ночью он неожиданно вторгся в Двараку с армией, набранной из чужеземцев, командование которой состояло из военачальников смешанной крови. Баларама и Сатьяки собрали свои армии и, напав с разных направлений, дали отпор армии Экалавьи. Он потерпел поражение и был захвачен в плен вместе с некоторыми бунтовщиками, тогда как другие оказались потоплены в море, когда спасались на лодках. Экалавья с за-

взяанными глазами отправили в заключение в подвал маяка, стоявшего в море неподалёку от Двараки. Двоим пленным позволили убежать, чтобы вести о пленинении Экалавыи достигли лидеров бунтовщиков. Узнав данные новости, Гада и Шамба послали к Кришне группу парламентёров. Эти десять человек прибыли в Двараку как раз тогда, когда Кришна прошёл по улицам города, и не смогли в тот же день встретиться с ним. Они ходили по Двараке и всё осматривали, и у них была возможность увидеть великолепие Кришны, обходящего улицы города. Парламентёры увидели, что всё там хорошо и жизнь в Двараке свободная и счастливая, что общественно-духовный порядок Кришны включает в себя истинное правление. В людях они не замечали ничего, кроме удовлетворения, и были поражены оборотом золотых монет в городе, который происходил без всяких ограничений. Всё это время за ними следили сотрудники разведки, и потому их перевозили экипажи Сатаники и Мадхувраты. Их хорошо разместили, оказав им честь, как гостям, но ограничили в передвижениях. Перед закатом парламентёров доставили на маяк и провели в зал на втором этаже. Там им некоторое время пришлось ждать, кого они не знали. Вскоре перед ними предстал Сатаника и объявил: «Теперь ваша жизнь в наших руках. Нетрудно было бы убить вас, но наш Господь всегда на стороне жизни. Будь вы всецело врагами, вас бы к этому времени уже не было. Мы даём вам полчаса. Хорошенько всё обдумайте и изложите свои предложения письменно, скрепив их подписями вот на данном листе. Если они будут приемлемыми для нас, мы окажем вам честь и согласимся. Постарайтесь понять доброту нашего Господа, который всегда наделяет свободой тех, кто находится в рабстве и ограничениях».

Через полчаса они пришли к решению и письменно его изложили: «Мы желаем настоящей независимости, счастья и мира. Мы гарантируем, что не будем пытать-

ся добиться чего-либо сверх этого». Сатаника, получив от них подписанные листы, сказал: «Прибыв в Двараку в качестве переговорщиков, вы попытались скрыть свои личности и слиться с толпой. По уголовному кодексу Камандаки такие люди подлежат смерти через повешение. Но, как я думаю, вы помните, что в наших жилах течёт одна кровь, и это — присутствие Господа Сонмов. Наш Господь будет рад узнать о вашем законном решении. Мы представим вас ему должным образом, сообщив о вашем отношении, которое вас спасает. Мы берём ответственность за вашу безопасность, так что если вы хотите быть представленными перед Владыкой как желающие служить, дайте нам знать».

Они дали своё согласие, и в тот же день в одном из дворцов Кришны состоялось большое собрание. Все улицы Двараки сияли великолепием украшений предыдущей ночи и были полны народу, который стекался к главным воротам крепости. В дверях домов висели зелёные листья манго, а перед каждыми воротами были изображены священные узоры. Разноцветно одетые люди всех профессий шли процессиями с музыкой и танцами к этой крепости, где находилось великолепное семиэтажное здание, вмещавшее их всех. Оно называлось Вишвагарбха, то есть космический шар. На каждом из его этажей имелось по большому залу для собраний. Приятная музыка труб и барабанов, сопровождаемая нежным пением и звуками струнных инструментов, разносилась по всему зданию и растворялась в пространстве, чтобы рассеяться во всех направлениях. Всё великолепие крепости было посвящено присутствию Sarasвати, богини учения. В девяти вратах города стояли молодые люди, встречавшие всех входящих и желающих всем выходящим счастливого пути, принимая их с честью, как гостей. На всех семи этажах здания космического шара был одновременно подан обед.

Получив знак, Сатаника доставил десять парламентёров на лодках в Двараку. Их провели по улицам, усыпанным цветами, ко дворцу космического шара. Кришна со своими восемью царицами уже находился там на седьмом этаже. Сатаника провёл их прямо к нему и приказал поклониться в ноги Господу, затем представил их следующим образом: «О мой Владыка, не соблаговолите ли вы принять десять парламентёров от страны Палицы? Они представляют требования Гады и Шамбы освободить Экалавью. Ранее вы объявили Гаду и Шамбу врагами нации, а Экалавью — предателем. Эти переговорщики признали наши заявления. Мы нашли их поведение хорошим, и никакой вины за ними нет. Потому я представляю их на службу Владыке и свидетельствую об их характере. По моему мнению, они достойны вашей милости, и я выношу это на ваше усмотрение».

— Приветствую новых гостей, — ответил Кришна. — Сегодня вы мои гости. В силу вашей любви к своей стране я вверяю вам власть защищать закон против несправедливости. Сатьяки последует за вами с десятью армейскими подразделениями. И я приказываю вам с его помощью захватить в плен бунтовщиков и министров страны Палицы, а завтра до заката доставить их в Двараку. После этого будущее данной страны будет в ваших руках. Сатаника со своей командой телохранителей также последует за вами.

Послов охватила невыразимая радость. Они стояли, уставившись на Кришну, в состоянии, подобном трансу. Один из них почтительно сложил руки и сказал:

— О Господь, герой писаний! Ведавьяса прославил тебя как олицетворение Вед. Я знаком с его писаниями и узнал из них, что именно к тебе была обращена молитва Бхишмы в его смертный час. С тех пор, как я прочитал эту молитву, моим желанием было лицезреть тебя. Тем временем на нас нахлынула волна невежества, и случилось то, что случилось. Но то, что ты не обра-

щаешь внимания на наши недостатки и прощаешь нас, свидетельствует о твоей вечной природе, равно защищающей как добрых людей, так и слабых. Сокрушать злых и защищать беззащитных — вот две твои черты, которые служат тебе, подобно двум рукам. Мы очень хотим и впредь ощущать блаженство твоей защиты вместе с нашими братьями из Двараки под твоей десницей, которая — знамя бесстрашия. Сам я из Хастины, и, когда был ещё мальчиком, Видура, великий светоч преданного служения, посвятил меня в медитацию на твоём имени.

Кришна сел вместе с десятью гостями по одну сторону и со своими жёнами по другую и отдал распоряжения, чтобы подали обед.

ГЛАВА 16

Прошло четыре часа после восхода солнца. Башня ашрама Чарваки гудела от звука колоколов. Ганадаса в мраморном зале начал свою лекцию:

— Вчера я дал вам объяснения о некоторых науках, позволяющих добиться гармонии в изучении изящных искусств. Прежде всего мы должны выяснить, насколько подходит студент к тому или иному предмету. Для определения этого существуют специальные науки — астрология, френология и хиромантия. С их помощью мы можем узнать умственные черты и наклонности каждого человека, а также его способности чувствовать и переживать. Однако науки эти должны практиковаться лишь подготовленными умами. Если они станут известны широкой публике, то есть людям неготовым, это чревато многими опасностями. И если кто-либо, не разделяющий нашу идеологию, начнёт говорить о данных предметах, вы должны обескуражить его своим отрицанием этих наук как суеверий. Вы обязаны культивировать неверие в данные науки, насколько возможно. Моё

мнение таково: чем меньше людей станут верить в них, тем безопаснее. Здесь же мы следуем особому способу преподавания этих наук соответственно желанию их изучения тем или иным студентом.

Гири Шарма встал и сказал:

— Гурудэва! В Брахмаварте считают, что астрология — один из шести ключей к ведической мудрости. Однако, в современной литературе мы читаем, что она пришла из страны яван. Пожалуйста, объясните, какая из двух теорий верна и рассейте наше невежество.

— То, что астрология родилась в стране яван и была заимствована жителями Брахмаварты, является хорошо известным и точно установленным фактом. Они же сделали деление на двенадцать знаков зодиака и открыли девять планет.

— Я внимательно изучил и проследил ваши доводы по этому вопросу в вашей великой работе «Никчёмные аргументы». Деление на семь дней, должно быть, тоже происходит от яван, однако ни в вашей книге, ни где-либо в другом месте я не нашёл этому объяснения. Могу ли я узнать причину, господин? Я полагаю, в ближайшем будущем вы объясните это в отдельной книге.

— Я рад, что вы изучили данные книги столь основательно. Нас воодушевляет, когда ученики оказываются столь проницательными, чтобы распознать глубину и усердные усилия учителей. Теперь я сообщу тебе ключ к происхождению семидневной недели. В самом начале Природе понадобилось семь дней, чтобы развернуть мироздание из изначального Сознания. Семидневная неделя имеет свой образец в этой изначальной концепции, откуда и была заимствована.

— Гурудэва! — вновь спросил Гири Шарма, — Веды описывают семь планов существования, присутствующие в мироздании. Хотелось бы верить, что эта идея заимствована из того же источника.

— Конечно же, мой мальчик! В природе шесть подразделений — пять бхут (элементов) и ум, тогда как пуруша (сознание) — седьмое начало. Реакция пракрити (то есть природы) на пурушу и вызывает к существованию всё это мироздание. Так говорит великий Чарвака.

— Пять бхут составляют человеческое тело. Допускает ли теория Чарваки существование сознания, отличного от тела и ума?

— Именно так. Вы совершенно ясно поняли теорию.

— Тогда, я полагаю, что именно этот седьмой принцип сознания в Брахмаварте называют «душой».

— В теории Чарваки нет места для души. Нам следует называть седьмое начало лишь пурушей, или сознанием.

— Мне это представляется лишь разницей в терминах. По-моему, разные теории рождаются в силу того, что для обозначения одного и того же используются разные термины.

— Не только. Кое-что зависит и от ясности наблюдателя, — ответил Ганадаса.

— Гурудэва! Должны ли мы верить в то, что у разных наблюдателей истина разнится?

— Мой мальчик, даже столпы нашей теории расходятся в этом вопросе.

— Не будет ли неправильным сказать, что понимание каждого верно лишь для него самого?

— Это мы пока ещё не смогли установить. Я хотел бы, чтобы все студенты показались столь же искренни и так же стремились к истине, как и вы. Это прямой путь к личному опыту.

— Локаята говорит, что мы должны верить в принципы нашего ашrama целиком, следовать им неукоснительно и не обсуждать их. Вот почему мы молчали все эти дни, — сказала Пратичи.

— Это очень тонкий вопрос, — ответил Ганадаса. — Каждый должен стараться понять вещи самостоятельно

и применять своё распознавание, действуя согласно ситуации. Однако наша сегодняшняя тема касается лишь изящных искусств и их применимости. А начиная с завтрашнего дня, я буду преподавать вам афоризмы хиромантии, составленные Локаятой. Теперь вы можете идти.

ГЛАВА 17

Оставалось четыре часа до захода солнца. Гири Шарма сидел на каменной плите в долине. Как обычно, его ноги омывал небольшой горный поток. Он созерцал живую зелень природы. В его поисках сюда же пришли Рута и Пратичи. Они медленно подошли и сели по сторонам. Гири Шарма начал разговор:

— То, что последователи школы Чарваки верят в такие вещи, как астрология и хиромантия, оказалось для меня сюрпризом. Насколько хватает моего знания литературы Чарваки, там нельзя найти ничего, кроме критицизма и неверия по отношению к астрологии, хиромантии, гипнотизму, снотолкованию, предзнаменованиям, френологии и прочим подобным вещам. Там они описываются как занятия робкого и невежественного народа Брахмаварты.

— В нашем ашраме эти науки почитаются тайно, — объяснила Пратичи. — Так делается, потому что — членам не нравится, когда данные науки изучают другие и с мастерством ими пользуются. Поэтому их стараются разубедить в них, выдвигая самые разные доводы. Такие аргументы в нашей литературе находишь и ты.

— Это дешёвый способ играть на чужом невежестве, применяемый теми, кто хочет получить превосходство и власть над другими. Но придерживаться идей превос-

ходства и диктата — преступно. Иногда даже имя Бога используется в политических целях.

— Может ли мы предположить, что административной политике ядавов также присуща эта черта? — спросили Пратичи.

— Я не могу говорить обо всех ядавах в целом, — ответил Гири Шарма. — Однако, насколько мне известно, в период правления Кришны в таких средствах нет необходимости. Он и так обладает сильным влиянием на умы тех, кто следует за ним. Его влияние, скорее всего, похоже на сеть совершенства, улавливающую души, чем на диктат.

— Наш Локаята — тоже адепт контроля над умами, — заметила Рута. — Своим умом он контролирует всех живых существ в нашем ашраме и вокруг него, включая передвижения всех зверей в лесу — от львов и тигров вплоть до змей и скорпионов. Локаята также контролирует множество чертей, демонов и разволопленных душ. Они ходят у него по струнке. Он и наши умы держит под контролем. Если Локаята захочет, ему нетрудно быть в курсе всех наших разговоров. Владеет ли тем же Кришна? Может ли его сеть для ловли душ повелевать и змеями, и скорпионами?

— Силы бывают двух типов, — ответил Гири Шарма. — И если вы хотите счастья в жизни, очень важно учитывать разницу. Одна — это сила природы, проявляющаяся через наше тело и чувства. Другая же — сила колдовства. Первая проявляется согласно потребности. Это та сила, которая всегда ждёт возможности проявиться через Кришну. Её никогда не добьешь с помощью какого-либо колдовства или заклинаний. Те, кто практикуют тантру в попытках овладеть данной силой, никогда её не достигают. Силы Локаяты были приобретены при помощи колдовской науки, трудоёмкие методы которой он практиковал с великим напряжением. Те, кто переживал присутствие Кришны, хорошо знают эту разницу:

в Двараке ведь тоже есть несравненные adeptы тантрического мастерства. Испытывая присутствие Кришны, они сразу же распознают отличия между двумя типами сил. Ещё одна вещь, которую следует учесть, состоит в том, что эти приобретаемые силы бывают двух типов — раджасические и тамасические.

— Объясни эти термины, — попросила Рута.

— В природе есть три потенциальные силы, которые всё время проявляются. Одна требуется для того, чтобы приводить в движение тела, ум и многие машины, создаваемые людьми, называется «раджас». Вторая сила необходима, чтобы кристаллизировать энергию и мысли, сохраняя их в виде форм или семян энергии. Это инерция, которая заставляет вещи сохранять свои свойства. Она называется «тамас». Первая предназначена природой для творения, тогда как вторая — для сохранения. Когда наступает время разрушать, первая действует на вторую, когда же приходит время сдерживать энергию или поместить их в заключение, вторая действует на первую. Если же эти два типа сил успокаивают друг друга, появляется третье состояние — равновесия, называемое «саттва». Именно саттва привело в состояние бытия и ум, и физическую материю. Когда сознание более активно, чем форма, оно называется «раджасическим». У человека с такой волей появится желание преобладать, брать власть и править другими. Если же в сознании более активен тамас, то он ведёт к стремлению отгораживаться, делать запасы, к секретности и всяким сомнительным методам. Все силы, добываемые при помощи тантрического искусства, принадлежат либо к раджасической, либо к тамасической природе. Люди, завладевшие такими силами, стараются помыкать другими, контролировать их и физически, и умственно. Однако нужно помнить, что во всех живых существах божественной искрой пребывает одно и то же — Сознание. Потому для этих сил существует точка насыщения, за которой лежит критиче-

ская степень сознания, откуда оно начинает действовать против данных сил. Тогда колдун начинает искать средства собственной охраны от этой реакции. День и ночь он нуждается в защите, и из-за того, что ему постоянно приходится быть начеку, желанное счастье оказывается невозможным. Вот почему всех людей, которые служат и поклоняются лишь силе, в конце ждёт падение. Если это происходит из-за политических, психических или тантрических причин, в конечном счёте их ждёт неудача. И до самого падения их ум не может обрести мира. Многочисленные истории падения демонов и гигантов, имеющиеся в писаниях, указывают на этот факт.

— Чем же отличаются от них силы Кришны? — спросила Рута.

— Сознание, действующее в состоянии саттвы, работает в равновесии. Оно сохраняет чувство равновесия, автоматически поддерживает его с сознанием в других людях и наводит в них то же самое Сознание. Это, в свою почтения и любви к другим. Такое сознание никогда не желает контроля над окружающими, однако для него является естественным установить в их сердцах благоприятное отношение, и это называется «духом вселенской Любви». Магия Кришны — это чистая любовь, и ничто иное. Он смотрит вокруг — и всё окружающее наполняется магнетизмом любви. В особенности присутствие любви даёт другим существам музыка его флейты.

Тут в поисках этих молодых людей подошла Хема:

— Рута, почему каждый день в это время тебя не найти?

— Твоя теория присутствия любви, — продолжила разговор Рута, — столь сладостна, что преследовала меня всю вчерашнюю ночь. Ты сказал мне, что присутствие Кришны и есть то влияние, которое он оказывает.

Хема тихо села, поскольку на её приход другие не обратили особого внимания.

— Когда Кришна играет на своей флейте, — продолжил Гири Шарма, — это он сам распространяется по окрестностям в форме своей музыки. Что же говорить о человеческих существах, когда даже коровы, телята, птицы, змеи и скорпионы оказываются очарованы и движутся в экстатическом танце?! Но у этой силы нет склонности помыкать, она, скорее, пробуждает в других совершенство. Ты просто чувствуешь тёплое объятие Сознания. Мужчины, женщины, звери и птицы — все являются возлюбленными для этого состояния переживания.

— Моя голова начинает кружиться, — сказала Пратичи.

— Я чувствую то же самое с того момента, как пришла сюда и села, — ответила Хема. — Должно быть, где-то неподалёку ядовитые деревья.

— Нас посещает то же чувство, что мы испытывали и вчера, вот что я чувствую, — сказал Гири Шарма.

— Мои веки тяжелеют. Меня охватывает какое-то прикосновение, точно так же, как и вчера, — произнесла Рута.

— Как будто кто-то крепко держит меня в объятиях, — сказала Хема.

Все закрыли глаза. Никто не понял, что случилось. Когда они пришли в сознание, была уже почти ночь, и птицы с щебетом возвращались к своим жилищам. Рута, Хема и Пратичи очнулись в темноте. Гири Шармы не было видно.

— Где Гири Шарма? — спросила Пратичи. — Вчера он тоже устроил нам такое и исчез, когда мы пришли в сознание.

— Должно быть, он маг, — заметила Хема.

— Хема, ты закрыла глаза произвольно? — спросила Рута.

— Когда я в сознании, я всегда любопытна и хочу что-нибудь видеть. Не в моём характере сидеть с закры-

тыми глазами. Но тогда мои веки отяжелели, и я сама не знаю, как. Ум как бы погрузился в сон. И всё же помню, что всё это время была сознательна.

— А ты видела что-нибудь, когда находилась в этом состоянии?

— Теперь после твоего вопроса я начинаю медленно припоминать. Помню прекрасный вид. На большом удалении виднелись две горы, а между ними — долина. И я чувствовала, что из её глубины меня кто-то зовёт. Постепенно зов становился всё более отчётливым — похоже, он приближался ко мне. Странным было то, что нём не было слов, однако я чувствовала, что это зов. Ко мне приближался поток сознания, который звал меня. Он перерос в музыку, в музыкальную фразу, а затем — в отчётливый звук музыки. Он поцеловал моё сознание до самых глубин — так, как будто моё сознание крепко обнимали. И теперь у меня сохраняется впечатление, что я очень долгое время переживала какую-то музыку.

— Все пережили одно и то же, — заметила Пратичи. — Это не может быть случайностью или иллюзией.

— А данный Гири Шарма понимает что-нибудь в некромантии? — спросила Хема. — Если да, то вполне возможно, что он всех нас и загипнотизировал.

— Я переживаю это каждый день, причём началось всё ещё до того, как Гири Шарма прибыл в наш ашрам, — сказала Пратичи. — И мне совершенно ясно, что не он является причиной этого переживания. Я помню, что началось всё, когда Читрабхану впервые сыграл на флейте в нашем ашраме. Это был мой первый опыт, и с тех пор я переживаю его каждый день.

— Всё же не стоит верить людям, прибывшим из Двараки. Локаята с самого начала предупреждал нас об этом, — сказала Хема.

— Извини, я забыла принять в учёт, что ты близкая ученица Локаяты. Он всегда был к тебе неравнодушен.

Хема внезапно пришла в ярость. Её глаза сверкнули гневом, она была оскорблена и вскричала:

— Если Локаята прознает про твои опыты, уж он-то спустит с тебя шкуру!

— Ну, за этим дело не станет, раз ты здесь. Но в то же время ты должна помнить, что его проницательный ум дознается о том, что и ты пережила сегодня этот опыт. И тогда он непременно сделает два ботинка — один из моей кожи, а другой — из твоей.

— Пратичи! Не говори больше! Ты теряешь голову!

ГЛАВА 18

Недалеко от Шравасти находилась широкая зелёная долина. Джвала Кхула внезапно пробудился ото сна и сел. Он был удивлён тем, что увидел вокруг, и некоторое время не мог сообразить, где находится. Постепенно он смог собраться и понял, что это за место, однако всё ещё не мог понять, как он туда попал и как лёг там спать. Джвала Кхула поразмышлял над этим, но припомнить не смог. Тем не менее он быстро направился к пещерам, которые вели к селениям Калапы. Это было за два дня до полнолуния, и красивый кролик молочно-белого цвета выпрыгнул перед ним в лунном свете и скрылся в кусты. Джвала Кхула был поражён этим — он чувствовал, что видит это уже во второй раз, смутно припоминая, что видел точно ту же сцену немногим ранее, где-то в другом месте. Почему ум как-то раздвоился? Это было странно и таинственно. Джвала Кхула отправился прямо в свою комнату, где находился его деревянный ящик. Открыв его, достал оттуда кольцо и надел его на правую руку. На тигровой шкуре, постеленной на каменной плите, сидел Мару.

— Откуда ты пришёл? — спросил Мару.

— Я был под деревом в этой долине.

— Ты помнишь, как переживал присутствие Господа Кришны в Двараке прошлой ночью?

— Да, помню.

— Я думаю, это был первый раз, когда ты увидел Кришну.

— Да, но тогда я чувствовал, что всё не так.

— Ты можешь восстановить в уме своё переживание?

— Нет, невозможно. Мне даже не верится, был это опыт или нет. Это была сцена, которую я видел ясно своими глазами, и всё же не могу её припомнить. Она похожа на очень ясный сон.

— Помнишь ли ты, что близко видел лицо Кришны?

— Я очень близко видел его лицо три раза. Три раза мои глаза закрывались. Первый раз я видел, как он приближается, и мои глаза наполнились слезами счастья. Второй раз, когда я открыл их, что увидел живых существ, вспыхивающих в последовательности космического появления и исчезновения, и глаза снова закрылись. В третий раз — фигуру Кришны, сиявшую, как тысячи молний. Она была величиной с мой указательный палец. Когда я увидел Кришну снова, он опять шёл по улице.

— Таким образом, ты заметил тот факт, что есть три Кришны в одном. Описывая того Кришну, что идёт пешком, Нарада и Ведавьяса назвали его «Шанкаршана, Владыка сонмов». Видение появляющихся и исчезающих существ — его космическая форма, и они называют его «Васудэва, Господь Живущий». Образ, сияющий, как тысячи молний, называется Нааяна, или «Всевышний господь». Все три уровня Господнего бытия проявляются через всё, что он совершает в своей повседневной жизни. Некоторые разговоры ведутся им с одного уровня, тогда как другие — с иных. Слова, исходящие от Кришны, идущего по земле, шутливы, озорны и шаловливы. Разговор Васудэвы несёт в себе Закон и служит со-

крушению злых и защите добрых. Разговор же Нааяны даёт внешнее проявление опыта его духовного синтеза. Как, в какой ситуации и с какого плана он говорит, не может знать даже Наада. Вьяса лишь склоняется в удивлении. Так как же можем понять я и твой гуру? Лишь наш гуру, Господь Майтрея, может согласованно сообщаться с Господом на этих трёх уровнях.

— Как же это вышло, что Майтрея не присутствовал прошлой ночью? — спросил Джвала Кхула.

— Что может его остановить? Он уже был там, а ты не смог узнать его. Помнишь человека в белом тюрбане, который держал белый зонтик над Господом? Это и есть наш Господь Майтрея. Там же были и Наада, и Вьяса с четырьмя учениками. Лишь одной благородной души не оказалось там — Агастьи, который очень занят изготовлением копий шлок новых произведений Вьясы в пещерах Нильгири. Группа дравидских пандитов пыталась сжечь самый первый экземпляр нового сочинения Ведавьясы.

— Как же может быть удовлетворено любопытство Агастьи видеть Господа на нынешнем мероприятии?

— Мой мальчик, он выше любопытства. Он никогда не пересечёт горы Виндхья и не отправится на север, даже если рухнут небеса.

— Как называется писание, которое составляет сейчас Ведавьяса?

— Он сам ёщё не знает. Однажды после того, как он составил Махабхарату, Ведавьяса прилёг вздремнуть рано перед восходом. Во сне он получил шлоки, в которых было описано множество случаев из жизни Кришны, а придя в сознание, смог припомнить лишь часть шлок. Ведавьяса попытался вспомнить весь текст, но ему это не удалось, и он чувствовал себя подавленным. Тогда его удостоил своим присутствием Наада, дал ему вспомнить свои собственные поэмы и записать их.

— Какое нежное и изящное тело у Кришны! Какую пищу он принимает? Как я понимаю, членам его семьи разрешено употреблять мясо и вино.

— С духовной точки зрения вина не должен касаться никто. Это великий грех, несмотря даже на то, что вино пьёт Баларама. Мясо может быть пищей не только царей, но и брахманов, и в то же время из опыта видно, что ум отвергает раджасическую и тамасическую пищу, когда развивается в духовной культуре. Мясо — пища раджасическая. Даже если это не грех, оно внесёт в жизнь человека, стремящегося к духовному, некоторые затруднения. Пока пища не переварена и не усвоена, астральное влияние убитого животного преследует мясоеда. Кришна никогда не касался ни мяса, ни вина, но он большой про-казник и никогда об этом не упоминает. С самого детства клетки его тела питались молоком, творогом, маслом, гхи, фруктами, овощами и летучими веществами. А теперь приготовься со своим ящиком. Твой гуру доверил тебе великую задачу распространения рукописей. Когда тебе поручена какая-то работа и ты занят ей, о можешь слушать, когда мы говорим, но сам не должен развлекаться разговорами. Это один из ключевых моментов раджа-йоги. Данное правило должно стать твоей второй природой и выполняться легко, как детская игра.

— Намаскарамс, — сказал Джвала Кхула. — Сегодня мне велено отправиться в Праягу, чтобы встретиться с Суматой, учеником Ведавьясы на Чёрном Острове. Он определит мою дальнейшую программу.

— Это хорошо и замечательно. Когда я заметил, что тебе не следует развлекаться разговорами, на поверхности твоего ума возник один вопрос, а потом снова растворился в глубинах ума. Это о четырёх классах общества и учении о перевоплощении. Я объясню тебе это завтра.

Джвала Кхула сел на свой ящик и исчез вместе с ним.

ГЛАВА 19

Во тьме повсюду пылали огни. Это были широкие языки пламени, тянувшиеся от закреплённых на стенах сумрачного пещерного зала факелов с фитилями, смоченными касторовым маслом. Густая тьма пещерного храма была наполнена возбуждающим сиянием факелов. Сулабха и Сарала медленно приближались с ядовитыми улыбками на губах. Они принесли большое деревянное сиденье с вырезанным на нём шестнадцатилепестковым лотосом. Затем они зажгли ряды фитилей на алтаре, украшенном двойными треугольниками. Лицо Локаяты излучало мерцание, различимое в свете фитилей. Сулабха принесла сосуд, наполненный вином, и поместила его в центре алтаря. Локаята простёр свою правую руку в пространство и извлёк оттуда здоровенную двухметровую смертоносную кобру, держа её за хвост. Она бросала яростные взгляды, постоянно высывала свой язык, поднимая голову к хвосту. Локаята хлестнул её кнутом. Змея издала длительное шипение, которое стало видимо в воздухе, подобно прозрачному лучу. Локаята погрузил голову кобры в вино и, постепенно опуская кобру в сосуд, свернул её в спираль, а потом закрыл его крышкой со множеством дырочек. Взяв у Саралы другой сосуд, полил вино оттуда сверху, через дырочки. Затем он зажёг от факела вино, и от смешанных паров поднялось тонкое голубое пламя. Из этого пламени с шипящими звуками стали возникать многочисленные маленькие голубые языки, создавая иллюзию множества танцующих маленьких змеек. На стенах пещерного храма появилось большое количество танцующих теней. И вдруг оказалось, что множество разноцветных змеек, подобных частицам радуг, ползают и танцуют по полу и по стенам, одни группами, а другие — попарно. Локаята воздел руки и прочёл заклинания и вызывания, чтобы вызвать духов. Была ровно полночь.

Пратики находилась в своём домике и пребывала в глубоком сне. Внезапно она беспокойно села на кровати и почувствовала, что её ум опустошён, а в голове — лишь ощущение быстрого вихревого вращения. Казалось, что все стены дома тоже движутся и быстро врачаются. Пратики увидела больших разноцветных змей, которые крались и ползли к ней. Две змеи крепко обвили её тело. Она пришла в бешенство и стала крутиться. С диким взглядом она распахнула дверь и бросилась вон. Так, крутись, Пратики быстро понеслась, и сила, которая влекла её, привела на горный утёс, стоявший в густом лесу. На нём она кростилаась, пока не соскользнула в ревущие воды горного потока, в которых исчезла.

Всё это время Локаята смотрел в пространство пещерного храма. Внезапно он закрыл глаза и наклонил голову — умственным взором Локаята увидел заключительную сцену падения Пратики со скалы. Сулабху и Сарала с бешеным криком закрыли глаза, затем они молча взглянули на Локаяту. В их взгляде были гнев и отвращение. Они находились в бешенстве от того, что он сделал. Локаята убрал сосуд с вином с алтаря, очистил его и пригласил Саралу сесть и совершить ритуал поклонения. Она молча стояла, демонстрируя своё неповинование. Локаята рычащим голосом повторил своё требование три раза, но от Саралы не последовало никакого ответа — её лицо выражало безразличие к его гневу. Тогда Локаята отоспал Сулабху и Саралу. Они вновь заняли свои места в виде статуй.

Локаята стоял, задыхаясь и истекая большими каплями пота, бегущими по его лицу и телу. Собственное дыхание напомнило ему шипение змей. С жестоким взглядом он простёр свои руки в пространство, и крепко сжав его между руками, со всей силы потянул к себе. За рога ему удалось вытянуть целого бизона. Локаята снова простёр правую руку в пространство и достал оттуда тяжёлый меч. Им он отрубил голову бизону. Кровь брызнула

фонтаном, и из потока крови в пространстве возникло лицо красной крепкой женщины в украшениях. Оно улыбалось и было круглым и изящным, окаймлённое локонами волос. Локаята пригласил женщину на алтарь. Она приняла его приглашение и села в позу лотоса. Локаята сел на своё деревянное сиденье и достал из пространства флейту и маленькое изображение Кришны, которые были заблаговременно притянуты им из домика Читрабхану. Он положил их к ногам женщины и совершил ритуальное поклонение. Три раза отхлебнув воду, произнёс заклинания и сказал: «Подчини Кришну. Свяжи его и доставь ко мне». Локаята произвёл длительный ритуал приношения, в конце которого предложил женщине мясо бизона на одной тарелке и куски какой-то рыбы — на другой. Она отвергла приношение, и он отложил его в сторону. Вымыв руки, Локаята принёс сосуд с молоком и вручил его женщине. Когда он передал его, сосуд был полным, но когда она взяла его в руку, половина молока исчезла. Женщина посмотрела в сосуд и увидела там отражение улыбающегося лица, однако это было не её лицо. Она трепетала в экстазе и сделала глубокий вздох, когда смотрела на это улыбающееся лицо, отражённое в молоке. Её губы дрожали, а на лице от возбуждения выступили капли пота. С огромным удовольствием и удовлетворением женщина выпила оставшееся молоко и передала пустой сосуд Локаяте. Его голова начала кружиться, веки отяжелели и глаза закрылись, а ум отправился в неизведанные глубины пространства. Локаята чувствовал, будто летит через тёмную вечность. Вдалеке он увидел две горы и долину между ними. С той стороны долины послышались сладкие звуки флейты. Потом он не знал, что случилось. Когда к нему вернулись чувства, было уже утро. Локаята встал и огляделся, пытаясь вспомнить, что же произошло.

Всё казалось ему похожим на сон. На мгновение он смог вспомнить, что видел Кришну, играющего на флейте, а ощутил гордость, что смог захватить его ум.

Заветное желание Локаяты казалось исполненным: его искусство контроля над умом коснулось своей высшей точки, а разум плясал от радости и перестал ему повиноваться. Теперь он считал, что для него расчищен путь, чтобы подобраться к Чарваке и Ракта Шарме. Ведь год назад Локаята получил от Чарваки письмо, в котором говорилось, что он сможет видеть Чарваку тогда, только когда станет достаточно могуществен, чтобы завладеть умом Кришны.

Он вышел из пещерного храма, но, пройдя несколько шагов, внезапно забоялся покидать пещеру. Прошлой ночью Локаята был переполнен эмоциями и не помнил, что делал, в своём гневе сполна отомстив Пратичи. Теперь, после рассвета, он был свободен от чар своих эмоций, и наваждение спало с него. Локаята вспомнил, что Пратичи была внучкой Чарваки. Что его ждёт, если Чарвака прознает об этом? Они обязаны сами решить этот спор, и кому-то из них надо будет умереть. Отныне между ними не может быть компромисса. Пока Локаята находился в пещере, Чарвака не мог знать, что происходит в его уме, но как он только оттуда вышел, его ум уже оказался под контролем Чарваки. И теперь он подозревал, что Чарвака сразу же узнал обо всём, а значит, впереди предстояла открытая битва. Единственным фактором, который мог определить их будущее, была сила. Хотя, возможно, быть, Чарвака и простит его, восхищаясь его великим достижением — покорением Кришны. Этими мыслями на несколько секунд он успокоил свой ум, однако тот бросился в другую крайность. Чарвака был предателем. У него не было никаких человеческих ценностей, друзей или товарищей. Ведь он научился контролю над умом у самого Локаяты, а потом оказался изменником, начав контролировать его ум. Учитывая это, разве возможно, чтобы Чарвака его простил? Но настало время выйти из пещеры любой ценой. Если будет необходимо, он применит все свои тёмные силы, чтобы

уничтожить Чарваку, а затем ему придётся встретиться и с враждебностью Ракта Шармы. В случае необходимости придётся уничтожить и его.

Пока же силы Локаяты были ограничены и зависели от множества условий. Они не могли хорошо действовать, когда он был вне пещерного храма. Кроме того, с того времени, как Локаята начал практиковать демоническое искусство, его силы не действовали в дневное время. Он не понимал, что делать. Он являлся адептом и непревзойдённым мастером в знании практических ключей к Ведам, но всё это в прошлом. Позже Локаята стал поклоняться демонам, и из-за этого сила Гаятри покинула его. Он сознавал это. С уровня служения ангелам вдохновения Локаята упал на уровень духов эмоций и сам связал себя ограничениями. Нарушение принципов после достижения осознания непростительно, и теперь он оказался в положении уличного фокусника, который производит золотые монеты и берёт деньги с публики. Его ум испытал отрезвление от иллюзии. Локаята думал, что может завладеть умом Кришны, в то же время боясь ума Чарваки! Он смеялся над собой, плача над своими слабостями и недостатками.

Каждый поступок приносит свои плоды — таков закон действия и противодействия. Локаята давно знал теорию кармы. Теперь ему придётся пожинать посеянное. Чарвака тоже совершил много преступлений. Разве не придёт к нему возмездие? Разве не свяжет его карма? Или, может быть, карма преследует только тех, кто знает про неё и верит в эту теорию? Чарвака — патриот своей собственной теории. У него были цель и оправдание своих преступлений — они совершались бескорыстно — и полностью отсутствовали личные мотивы, поэтому всё, что он совершал, делалось с открытым умом. В данной деятельности не было и тени эгоизма. Всё совершалось ради дела, в которое Чарвака действительно верил, — в теорию благополучия яван, и ничего другого

на уме у него не было. Он никоим образом не отличался от воина на поле битвы, и врата небесного мира были для него открыты. Но что ждёт меня? — думал Локаята.

Теперь Локаята был умственно готов принять всё призывающееся за совершённое им в прошлом и, больше не волнуясь, вышел из пещеры. Прошло уже два часа после восхода. Когда он появился на тропинке, ведущей через поляну, солнечные лучи сильно ударили в его неумытое лицо. Локаята увидел направляющуюся к нему Хему. Умытая и украшенная, она сияла, как ангел. Больше в округе никого не было.

— Намаскарамс, мой господин, владыка моего сердца, — сказала Хема.

Локаята побледнел.

— Если ты обращаешься ко мне так, то я чувствую себя ещё хуже, чем чувствовал бы при попадании стрелы в сердце.

— Я обращаюсь так, потому что ты замучил меня своей чёрной магией. Но я снова повторяю, что проживаю эту жизнь, эту грязную жизнь, как твоя жена. И я обещаю, что буду обращаться к тебе так только когда мы одни.

— Даже тогда, зачем ты обращаешься ко мне так, зная, что это ранит моё сердце?

— Я признаю, что это ранит тебя, но нет худшей боли, чем при встрече с истиной, а я хочу, чтобы ты её увидел.

Её глаза сверкнули жестокой искрой целомудрия. Человек учёный и многоопытный, Локаята не мог смотреть ей в глаза.

— И что у тебя нового?

— Только одно. Я хочу сказать о прибежище моей жизни. Это ты.

— Ты хочешь убить меня сегодня своими словами?

— У тебя есть совесть? Есть ли вообще в тебе что-то человеческое?

Локаята опустил глаза и смотрел в ноги Хеме.

— Если есть, — продолжала Хема, — то ты веришь в принципы Чарваки и следуешь им. В таком случае ты обязан принять меня и в присутствии всех признать своей женой. Тебе не стоит стыдиться своего возраста и мнения благосклонного общества. Живи превыше страха и слабости и наслаждайся жизнью со мной. Если же ты не веришь в учение Чарваки просто потому, что являешься ортодоксальным брахманом, ты должен склонить свою голову и получить плоды содеянного, признать меня своей женой и совершить ортодоксальный ритуал бракосочетания.

Локаята порывался броситься вон и убежать, но Хема удержала его:

— Если у тебя не хватает смелости предстать перед людьми и без ропота и стыда принять смерть, мне всё равно. Даже после твоей смерти я объявлю себя твоей вдовой и проживу остаток жизни, как твоя жена. Ты трусливый повеса! Как ты можешь надеяться познать сердце настоящей женщины? Женщины Панчалы вообще-то не спускаются на такой грязный путь, и, если вообще и нашлась такая сука, как я, пусть со мной эта трагедия и окончится.

ГЛАВА 20

Утреннее солнце отражалось от красивого трёхэтажного молочно-белого здания с золотисто-жёлтой башней. Южные окна были открыты, и из них открывался прекрасный вид на зеленоватую рябь огромного водного пространства — Аравийское море. Здание находилось в красивом местечке в сердце Двараки, в центре ухоженного сада, который был весь в цветах и плодах. Нежные побеги жасмина образовывали большое

количество решётчатых арок, под которыми проходила чисто подметённая дорожка. Множество маленьких цветочков, опавших с лиан, пестрели на земле, подобно звёздочкам. По дорожкам гуляли служанки и оживлённо болтали, их беседы то и дело прерывались взрывами смеха. Они напоминали множество стрел бога любви, устремлённых туда и сюда. Место перед зданием было очищено сандаловой водой и покрыто слоем цветов дерева парижата. Нежные пальцы молодой девушки, с ногтями, покрытыми красной краской курантака, осторожно срывали блестящие красные стебли цветов парижата. Она собирала их в вазу, которую держала в левой руке. Другая девушка сидела на каменной платформе в тени дерева. Она подняла свои браслеты вверх по рукам, чтобы они не съезжали, и перетирала смесь благовоний каменным жёрновом, готовя порошок для купания. Ещё одна девушка собирала получившуюся пасту, смешивала её с тонкой пудрой из туласи и листьев манго, а затем готовила пасту с лотосовой водой. Пожилая женщина с цветами в волосах и бровями, украшенными кум-кумом, сняла с пальцев кольца с брильянтами и аккуратно прикрепила их к углу своей одежды. Взяв благовонное масло для волос, она стала медленно подниматься по ступеням лестницы, напевая песенку: «Где наш ребёночек? Где он скрылся, где он лежит, мистический ребёночек, такой ребяческий во всём, что он делает? Знающий всё и не знающий ничего. Его улыбки — лучи, его взгляды — огонь, его лепет — истина, и его дыхание — музыка».

Женщина поднялась наверх. Там находился врачающийся фонтанчик, тонкой струйкой разбрызгивающий лотосовую воду. Встав на открытой веранде перед ванной комнатой, она заглянула внутрь с детской улыбкой и сказала:

— О, Сатья, дорогая царица любящего мужа! Для Господа наступило время принять ванну! Пожалуйста,

принеси кресло для купания и поставь его здесь. Без этого твой супруг не соизволит встать с кровати и принять ванну!

Сатья принесла сиденье для купания и поставила на веранду. Затем она направилась в комнату, где Кришна лежал на ровной постели, сделанной из нежных лебединых перьев.

— Вставай, мой господин, — сказала она. — Как же это ты опять спишь? Всю ночь бодрствовал, ходил кругами, а утром ты всё ещё дрыхнешь? Да и как можно разбудить тех, чьи глаза закрыты в притворном сне?

Кришна медленно поднялся и пригладил свои гладкие волнистые волосы.

— Сатья, я встал этим утром, только чтобы увидеть твоё лицо. Но я голоден. Ночью во сне мне встретился старик. Он дал мне немного молока, что было явно недостаточно. Более того, оно пахло, как мясо бизона. Я испугался его и выпил молоко, не сказав ни единого слова. Затем он потребовал моей музыки, и я играл на флейте всю ночь, несмотря на небольшое количество и плохое качество того молока, что он мне дал.

Кришна встал и отправился принимать ванну. Пожилая женщина обильно сдабрила благовонным маслом его волосы.

— У меня был и другой сон перед тем, что я описал, — продолжал Кришна. — Юная и невинная гопи прыгнула с очень высокой скалы прямо в моё сердце.

— Даже в этом возрасте мой владыка не теряет своего очарования и власти над пастушками! — заметила Сатья. Сказав это, она хлопнула Кришну по щеке своей нежной рукой, которая была украшена рисунками из красной пасты курантака.

— Твой отец пытался владеть драгоценностью, которую он получил от Бога Солнца. Вы, богатые городские женщины, пытаетесь владеть мной. А деревенские пастушки не склонны к тому, чтобы хотеть мною владеть.

Они просто предлагают себя мне, тогда как ты, моя богатая жёнушка, пытаешься владеть мной, не подпуская ко мне других, — сказал Кришна. Сатья ответила:

— Желание обладать — черта тех, кто знает цену вещи.

Тут пришли все девушки и, нежно массируя, натёрли плечи Кришны маслом. Сатья натёрла его волосы ароматной чистящей пастой. После ванны девушки вытерли его волосы нежными полотенцами, а Сатья умастила их благовониями. Старуха украсила веки Кришны анджаном. Сатья приготовила мазь из камфоры и мускуса в левой руке, взяла её серебряным жезлом и нанесла на лицо Господа надбровный знак. Потом она принесла зеркало и стала держать его перед лицом Кришны.

— Нет нужды в зеркале, — сказал Кришна, — я уже посмотрел в образ твоего лица и взглядов.

— И ты думаешь, что мне льстят эти слова?

Одна из девушек принесла золотой стакан с молоком, немного приправленным перцем, шафраном и камфарой. Другие девушки стали украшать Господа. Кришна сел на свою кушетку и сказал:

— Кто-то ожидает меня. Пригласите его.

Через несколько мгновений вошёл Майтрея и низко поклонился ему. Кришна улыбкой ответил на его приветствие и сказал:

— Майтрея, дорогой! Видеть тебя здесь снова — приятный сюрприз!

— Нет ничего, что могло бы быть сюрпризом и что уже не познано.

— Да, оно познаётся, только чтобы повторяться опять.

— Какую роль ты играешь сегодня? Бога или человека? Сегодня ты владыка стад или Всевышний?

— Для меня столько ролей, сколько пар глаз окружают и видят меня.

— Ладно, перейдём лучше к делу. Последнее время я слышу, что Господь повсюду усиливает своё присутствие, и делает это вне всяких правил и ритма.

— Усиливать присутствие всегда было моим удовольствием. А раз это удовольствие и милость, то здесь нет места правилам и периодичности. Благодать — единственная независимость, которая у меня есть. Эти мудрецы навязывают правила даже Богу. И мы обнаруживаем лишь одно место, где нам не навязываются эти правила, — ашрам Чарваки. Там всё делается свободно, и свобода там — главный настрой. Если вы, мудрецы, говорите об условиях и правилах, отказывая мне в независимости моих удовольствий, становится слишком трудно. Тогда нам придётся поискать место в ашраме Чарваки, чтобы испытать счастье.

— Это всё хорошо, — сказал Майтрея, — но о твоих удовольствиях мы слышим странные новости. Последние дни в ашраме Чарваки люди ежедневно испытывают головокружение. Должно быть, оно от твоего присутствия. Если головокружение предлагается, когда его желают, это хорошо. Но сейчас оно предлагается без спросу, и тогда головы у них начинают кружиться. Таково переживание от твоей музыки у некоторых людей.

— Майтрея! Последнее время люди сетуют, что у меня в фаворе девушки-пастушки и неграмотные пастухи, однако эти заявления мудрецов голословны! Вот главная причина того, почему мы ищем свободы и личной независимости! Для этого мы начали находить себе местечко в ашраме Чарваки.

— Для тебя это всё детская игра. Ты — ребёнок, играющий с душами. О, Владыка сонмов, разве не пришло ещё время завершить уничтожение врагов? Локаята перешёл все пределы и предпринимает шаги, направленные к оскорблению Господа. Он уже замышляет расстроить работу Господа. И мы должны верить, что это тоже часть твоей детской игры?

— Ты говоришь о врагах и об истреблении злодеев. Но сначала, прежде чем заняться истреблением злых, мы должны иметь зло в себе, чтобы заметить их присутствие. Всё зло начинается с точки распознания его присутствия. Когда же оно повержено, то получается, что повержено всё. Всякий истинен, как и любой другой, ибо все истинны, как я сам.

— Сыны Господа действуют против него. Разве они не злы? — спросил Майтрея.

— Ничто не бывает слишком трудным, если мы его таким не сочтём. И никто не является пропащим — мы предлагаем милость нашего присутствия даже им. Ты сам заметил, что для излияния моей милости нет ни правил, ни расписания. Только вчера десять из них получили новое рождение, став детьми моего присутствия, и теперь им дана власть над страной Палиц. А завтра и Гада с Шамбой будут снова приняты, как дети милости и благодати.

— Можно ли считать, что Кали с этим будет повержен?

— Нет, сейчас лишь заря эпохи Кали. Как и все живущие, он тоже имеет право на жизнь. Его нельзя уничтожить, убивая отдельных личностей. Потому я и не предлагаю никого лишать жизни.

— Тогда как же привести людей на твой путь?

— Единственный способ — предлагать моё присутствие каждому, одному за другим.

— Йогу могут практиковать все, разве не так? И она практикуется как раз восемью этапами, чтобы получить твоё присутствие, — вот что нам об этом известно.

— Это только для вас, йогов, и ваших учеников. Для тех же, кого вы называете злыми, в эпоху кали-юги йогу практиковать нет необходимости.

— Какой же тогда им нужен путь? Возможно, путь благоговения или преданного служения?

— Преданность — головная боль Нарады и тех, кто обучается им играть на данных струнах и воспевать моё имя. Недавно он промыл мозги и Ведавьясе, и тот тоже устремился на путь преданного служения. С четырьмя своими учениками Вьяса обходит храмы, распевая моё имя. Он скоро заполучит оркестр Уддхавы и его последователей.

— Так что ты предлагаешь какой-то новый путь. Может быть, это чтение мантры Вишну?

— Парашара, отец Ведавьсы, с удовольствием повторял звук Вишну в качестве манты, однако его последователи и ученики не смогли унаследовать её. Унаследовали они только выжженный отпечаток раковины и колеса на своих плечах. Есть ещё один путь божьих людей, анатомирующих Бога, разрабатывая на этот счёт множество теорий. Это пандиты и учёные-богословы, постоянно воюющие за вечно меняющиеся определения Бога, бедного Бога, которого они и выкорамили.

— Ты отматаешь все альтернативы. Что же остаётся? Каков истинный путь, который ты хочешь показать нам теперь?

— Такой умный человек, как ты, мог бы попробовать предугадать мой новый путь. Фактически этот путь не нов, а вот каждое поколение всегда оказывается новым для него.

— Лишь после того, как ты отпустишь этот путь в мир искрой своего повеления, мы сможем понять его и принять. Однако до внешнего проявления нам нечего и вообразить.

— Истинный путь, позволяющий быть выше духа кали-юги, только что предложен мной, но ещё не проявился внешне. Я предлагаю милость своего присутствия силой Музыки Души. Вот мой путь для данной эпохи. Я касаюсь струн внесознательного потока в каждом, чтобы все могли учиться постепенно пробуждаться к моему присутствию и настраиваться на меня. Я буду слышим

в виде музыки, которую каждый узнает и распознает как своё собственное присутствие. Я стану пробуждать людей, как семена Бога, и проникну этим присутствием всю Брахмаварту. Кали — жонглёр душами, фокусник, в сравнении с которым я — музыкант душ. Чтобы освободить души, бесполезно убивать физические тела. Ведь между прежним и будущим телами остаётся ум, от рождения к рождению несущий с собой впечатления. Когда бы ни было тело убито на войне, ум фиксирует это в форме склонности к воинственности. Так всё идёт от плохого к худшему, и потому я не предлагаю никого убивать.

— В таком случае что заставило Господа призвать к великому истреблению, именуемому войной Махабхарата? — спросил Майтрея.

— Я никогда не призывал к уничтожению, но и не препятствовал ему. Я был лишь свидетелем. Если люди получают удовольствие, убивая друг друга, я не возражаю. В человеческом сознании человек предполагает, а Бог в образе времени располагает. Когда же человек поднимается в моё Сознание, тогда я и предлагаю, и располагаю. И когда я предлагаю, то никогда не предлагаю убийства. В то же время человек столь же свободен, как и я, избрать тюрьму своего психологического шаблона, и также в том, чтобы готовить оружие разрушения своего собственного физического существования. Я не подбодряю его и не удерживаю в этих предложениях. В переживании моего присутствия в нём я жду, пока он не начнёт искать. Все тысячи групп умов тех людей, что убили себя на войне Махабхараты, несут паутину шаблонов войны к своим следующим рождению. В будущие века они являются снова в виде воинственных «ястребов» или анархистов, и Кали возрадуется в них. И я по-прежнему буду даровать своё присутствие и пробуждать множества этих людей в индивидуальном масштабе. Тем временем они продолжат создавать конфликты и много

раз разрушат свои тела. И всё же в целом никакой потери не будет. Я начал свою музыку душ, играя из сердец тех душ, что живут в ашраме Чарваки. Музыка моей благодати продолжается во имя Божье. Для этого мне вовсе не обязательно снова и снова приходить в физическом облике. В качестве проводника мне достаточно души достигшего человека, и через неё я стану проникать в других существ, делая это до конца кали-юги. В качестве чистого проводника своей нынешней жертвы я выбрал твоё сознание. Мару и Дэвали продолжат подготавливать путь для меня, привлекая души к божественной жизни и давая им выравнивание, требуемое для того, чтобы настроиться на моё присутствие. Время от времени появится необходимость а оживить методы подготовки, изменяя психологические установки и делая весь план моей работы доступным и понятным людям, говорящим на разных языках, которые будут жить в будущие века. За эту часть работы возьмётся Джвала Кхула под руководством Мару и Дэвали. Через несколько лет случится так, что город Дварака погрузится в Западное море. Но я построю музыкальный образец девятиратного града душ. Я строю его вибрациями ритма на тонких музыкальных планах, и, как подробный чертёж, он будет жить в акаше. Соответственно необходимости, он сможет перемещаться из страны в страну и будет передаваться от одного народа другому под руководством планетарных правителей, исполняющих мой план. Я стану продолжать вести тебя, чтобы ты путешествовал вместе с ним и моими людьми от нации к нации, от расы к расе через столетия. И теперь твой долг — доставить достигшие души вместе с собой на другой берег Западного моря. Остальные люди Двараки, которым удастся избежать смерти, продолжат медленно путешествовать по спирали перевоплощений. После того, как город погрузится, ты возьмёшь достигшие души с собой. Я буду вести тебя в этом путешествии в виде твоей собственной

звезды и звезды твоего народа. Твой свет принесёт моё присутствие, и ты будешь вести достигших. Вслушайся! Я говорю с тобой знаками и символами. Руководствуясь моим знаком! Дух Кали прорастает повсюду, где поклоняются деньгам, власти и страсти. Моё присутствие будет там, где в чести коровы и сельское хозяйство. Наши племена, пересекающие океан, не должны оставлять скот и ритуал сельского хозяйства. Толстые меховые нацидки, которые понесут пастухи на своих плечах, станут для племён знаком освобождения, и это будет означать, что они следуют за тобой. Пусть их узнают по этому знаку. Иногда я стану приходить на землю в физическом теле, а иногда — нет. Однако музыка моей души всегда будет залогом моей любви, освобождающей людей от рабства их ограничений. А теперь вставай и направь свои шаги по моему пути.

Майтрея встал; он был полон Бога. Слёзы экстаза лились из его глаз и катились по щекам, а его волосы встали дыбом. Он упал и простёрся у стоп Господа.

ГЛАВА 21

За несколько минут до восхода Гири Шарме снился сон. Сон был о девушке, которую он не мог узнать. Она прыгнула с высокой горной скалы в бушующий под ней горный поток. Кто-то знакомый сидел в долине и пел какие-то мантры. Над погребальным костром вздымалось пламя. Гири Шарма взял тело девушки из костра, полетел на крыльях, как птица, над рощами деревьев и спустился возле пещеры. Среди облаков он также увидел луну, в которой улыбалось лицо Пратики и говорило с ним. Гири Шарма проснулся, обеспокоенный сном. Сев на кровати, протёр глаза. Он выбежал из своего домика и увидел утреннюю луну, которая уже садилась на за-

падном горизонте. Голос Пратичи из сна всё ещё звенел в его ушах, хотя и почти неразличимо. Поскольку этот голос пытался прорваться из сна в его сознание, Гири Шарма постарался вспомнить, что же она говорила во сне. Половина этого растворилась в забвении, но другая половина всё ещё теплилась в глубинных потоках затухавшего сознания сновидения. С огромной трудностью он вспомнил вопрос Пратичи: «Останусь ли я после разрушения моего тела?». Этот вопрос тщательно собрался в его уме и обрёл осязаемую форму. Оставалось два дня до полнолуния, и лунный свет затухал на заре дня. Лучики лунного света проглядывали из пространства, как многочисленные цветы парижского парка. Гири Шарма стоял, поглощённый вопросом, порождённым сном, пока совсем не рассвело. Он прошёл несколько шагов вперёд и попытался куда-то направиться, затем снова прошёл и попытался на несколько шагов, и ему захотелось пойти в другом направлении. Гири Шарма опять остановился и задумался. На востоке поднималось солнце, а на западе садилась луна. Он увидел, что по тропинке, ведущей через поляну, разговаривая, приближаются две девушки. Они подошли к Хари Шарме.

— Ты прямо из своего домика? — спросила Рута.

— Да.

— Ты знаешь что-нибудь о Пратичи?

— Нет, а почему ты спрашиваешь?

— Этой ночью я была у неё в домике и спала рядом с ней, в её кровати. Проснувшись, я её не обнаружила.

— Странно, — сказал Хари Шарма.

Тогда они подошли к Гири Шарме.

— Не встречал ли ты Пратичи? — спросила Рута.

— Нет, — ответил Гири Шарма.

— Её нет у себя.

Все четверо направились к другим домикам и, заходя в каждый, расспрашивали о Пратичи. Постепенно вместе собирались все студенты из этих домиков и стали разыски-

вать её по всем зданиям, в том числе и в мраморном зале. Они расспрашивали и поваров, и дежуривших сторожей, и слуг. Люди небольшими группами собирались на поляне и обсуждали исчезновение Пратичи. В конце концов они пришли к решению незамедлительно проинформировать обо всём Локаяту. Тут к ним подошла Хема. Все собрались вокруг неё и сообщили, что не могут найти Пратичи. Её лицо вспыхнуло гневом. Глаза Руты выражали сомнение. Читрабхану сказал:

— Мы должны выяснить, что случилось с Пратичи. Давайте сию же секунду отправимся к Локаяте и всё ему сообщим.

— Я не думаю, что мы сможем сейчас с ним встретиться. Он отправился в путешествие в пещеры гор Хемагири. Думаю, что решил увидеться с Чарвакой по случаю завтрашнего полнолуния. Со вчерашнего дня Локаята настаивал, что должен встретиться с Чарвакой, поскольку не смог увидеться с ним в прошлогоднее полнолуние месяца маргасирша⁶.

— А не может ли быть так, что Локаята взял с собой к Чарваке и Пратичи? — спросил Читрабхану.

— Нет, он не брал её. Я видела, как он отправился один, — ответила Хема.

— Она спала в своём домике, а я была с ней, — сказала Рута. — Я спала вместе с ней в её кровати, а когда встала утром, её уже не было.

— Локаята знает всё, — сказал Хари Шарма. — К этому времени он, возможно, уже что-то узнал о ней.

— Возможно, и да, а возможно, и нет, — сказал Читрабхану. — Мы должны предпринять то, что в наших силах. Давайте отправимся к Ганадасе и известим его. Проинформируем также Вришанандини и будем продолжать повсюду поиски Пратичи.

⁶Это полнолуние того солнечного месяца, когда Солнце в Стрельце. Оно может происходить между 21 ноября и 21 декабря.

Все вместе отправились к резиденции Ганадасы. Он спустился по лестнице и сразу понял ситуацию. Незамедлительно созвал общее собрание в мраморном зале. Ганадаса с Вришанандини сели на возвышении. Ганадаса встал и сказал:

— До сих пор в нашем ашраме не было случая, чтобы кто-либо совершил проступок. Не было и возможности опасности для кого-либо в пределах территории нашего ашрама. Также невозможно и то, чтобы кто-то пересёк границы ашрама и ушёл. Шестнадцать элементалов охраняют их день и ночь. Локаята каждый день пересчитывает количество присутствующих в ашраме — он может пересчитать даже змей и скорпионов. При таких обстоятельствах отсутствие кого-либо очень серьёзно. И ещё серьёзнее то, что это Пратичи, внучка Чарваки.

Все переглянулись. Ганадаса сел. Вришанандини встала обратилась к собравшимся:

— Пратичи — девушка очень утончённого ума, и я особенно к ней привязана. Мы не знаем, какое возмущение в её уме, произошедшее от неизвестной нам причины, привело к этому случаю. Если кто-то что-нибудь знает, встаньте и сообщите.

— Её ум был обеспокоен уже в течение десяти дней. Почему — я не знаю, — сказал Читрабхану.

— До этого Пратичи и Читрабхану обычно встречались по вечерам и гуляли по долине. Внезапно Читрабхану перестал с ней разговаривать. Вот в чём была причина её беспокойства, — сказал Санкхачуда.

— А до этого на протяжении нескольких дней Читрабхану играл на флейте и развлекал её вечерами, — сказал Тамралипти.

— На флейте? — удивился Ганадаса. — Это в нашем ашраме запрещено. Читрабхану! Где ты достал флейту?

— Я регулярно занимался игрой на флейте, когда жил в Двараке. Убежав из дома, я прихватил её с собой.

Тут все присутствующие в зале почувствовали нечто вроде головокружения. Их веки отяжелели, а глаза закрылись. Никто не знал, что произошло. После долгой паузы порядка сорока пяти минут — все пришли в чувство. Каждый пытался вспомнить, зачем он или она в этом зале, и они припомнили, что собрались обсудить происшествие с Пратичи. Вришанандини поднялась и попыталась что-то сказать. Её губы дрожали, а на носу появились капельки пота. Ганадаса усадил её, прошептал ей что-то на ухо и встал, чтобы сказать несколько слов. Он пошатывался, и ему стоило труда устоять на ногах. Все будто выходили из очень сильного опьянения. Ганадаса принял устойчивое положение и снова попытался говорить. Его губы дрожали. Он невольно улыбнулся. Это было похоже на то, как улыбается девушка своему первому возлюбленному. Ему пришлось сесть. Рута и Хема сидели рядом. Они переглянулись. Хема подняла указательный палец к затылку, вспоминая что-то, и попыталась что-то объяснить. Её губы дрожали. На них мелькнула улыбка — та же улыбка девушки, голову которой её возлюбленный впервые обхватил руками, посмотрев ей в глаза. Она не могла говорить. Это было смущение, причины которого она не знала. Санкхчуда и Тамралинти сидели рядом. Санкхчуда поднял вверх указательный палец, посмотрел в сторону и сказал: «Флейта! Флейта!». Затем его губы задрожали, и он тоже не смог говорить. Тамралинти хотел что-то вспомнить, взгляд его выражал удивление. Он поднял палец и произнёс: «Да, я помню. Флейта, та самая флейта!». Его голос задрожал, дрожали и губы. Щёки покрылись испариной, он весь трясясь и не мог говорить. Ганадаса попытался проявить стойкость, медленно встал и спросил присутствующих:

— Ощущали ли вы что-нибудь? Видели ли вы какую-нибудь сцену? Слышали ли вы что-нибудь?

Тогда Хари Шарма встал и сказал:

— В глазах у меня всё завертелось, будто кружится радуга. Моё тело лишилось чувств, а нервы словно выполняли роль струн в каком-то музыкальном инструменте, на котором кто-то играл. Я чувствовал боль чрезмерного счастья. Я был счастлив. Я видел две горы вдалеке и долину между ними, из глубины которой я услышал музыку флейты...

Тут его голос задрожал, а из глаз покатились слёзы. Он стоял, уставившись в пространство. Каждый из учеников поднялся и подтвердил, что видел ту же сцену и слышал такую же музыку. У всех дрожал голос, а глаза были полны слёз. Вришанандини встала и сказала:

— Я тоже видела эту сцену и тоже слышала ту же музыку. Я чувствую, что даже теперь слышу её.

Произнеся это, она хлопнулась на своё сиденье. Ганадаса поднялся и сказал:

— Здесь что-то таинственное — это магические чары какого-то неизвестного элемента, который контролирует наше подсознание. Я бы такому не поверил, но в данных обстоятельствах я не верю даже себе.

Сказав это, он сел.

ГЛАВА 22

Локаята держал путь в обширные леса царства Чарваки. Он прошёл пограничные горы Паријтра и вошёл в широкую долину. Осмотревшись, убедился, что там никого не было. Закрыв глаза, ментально удостоверился, что он там совершенно один. Тогда Локаята достал из своего мешка пару башмаков, сделанных из человеческой кожи. Надев их, Локаята закрыл глаза в медитации и сказал: «О, моя мистическая птица, царица магических заклинаний, ангел золотых башмаков, помоги мне!». Он поднялся в воздух и полетел над горами и лесами.

Перелетев три долины, спустился на скалу в четвёртой долине, называемую «Золотым утёсом». Сняв башмаки, он убрал их обратно в мешок, а мешок спрятал в дупло большого дерева, затем приблизился к входу в пещеру. Ворота охраняла огромная голова бизона с четырьмя бивнями. Локаята поклонился ей, закрыл в глаза и погрузился в медитацию. Голова лишь зевнула, не подав никакого голоса. Это было отвратительно. Она высунула свой язык, на котором могли сидя уместиться четыре человека. Локаята сел на язык, бизон втянул его, и ворота опять закрылись. Внутри была тёмная пещера. Локаята взял в руку большой, как слоновый бивень, факел с камфарой, зажёг его и в его свете увидел человеческий череп, которому поклонился. Перед нем открылись вторые ворота. За ними находилось древнее озеро стоячей воды и неизведанной глубины. Локаята пропел несколько мантр, и на берег вышел крокодил. На своей спине он доставил Локаяту на другой берег. Третью ворота оказались открыты. Пробираясь в темноте, он нашупал мощный канат, свисавший вглубь горы с самой её вершины. Шахта была высечена по образцу позвоночного столба, а канат висел посреди неё, подобно сущумне. Крепко обхватив канат, Локаята стал съезжать по нему вниз. Он скользил и скользил очень долго, пока среди немыслимой адской тьмы его ноги наконец не коснулись земли. Локаята шёл и шёл, ощущая пространство вытянутыми вперёд руками. В конце концов, он вступил в анфиладу подземных залов, населённых иерархией существ, известных лишь себе самим, а затем — в главный зал, где его встретили лучи света, сияющие от множества драгоценных камней, заряженных так магическим сознанием, управлявшим ими. В этом свете Локаята вошёл в кабинет адской канцелярии. Здесь была столица множества сил, управлявших нижними мирами самого существа Земли. Там находилась большая круглая платформа, вся покрытая коврами кроваво-красного цвета и украшенная огром-

ными драгоценными камнями, именуемыми «кошачий глаз». Они заискрились при виде Локаяты. На платформе находился большой трон из чистого золота, отделанный рубинами и изумрудами. По сторонам от него стояли по три золотых сиденья меньших размером. Все семь мест были пусты, и никого рядом не оказалось.

Локаята был ошеломлён и испуган. Он пропел некоторые заклинания, но всё сохраняло безмолвие. Внутри он весь заледенел и стал холоден, как смерть. Локаята слышал лишь собственный голос, отражавшийся десять раз с десяти направлений. Тогда он подошёл к двери, на которой был выгравирован тысячелепестковый лотос. В центре его находилось отверстие, через которое передавались сообщения. Локаята крикнул в дыру: «Моё почтение и восхищение Чарваке, царю материальных миров!». И своим собственным голосом получил он ответ: «Чарваки больше нет. Он мёртв». Локаята почувствовал себя не лучше, чем труп. Тут внутри него вспыхнули эмоции, и он загорелся возбуждением. Он дышал всё чаще и стал истекать потом, пока эти эмоции не вырвались наружу смешанными всхлипываниями плача и смеха. В голове собралось и закрутилось колесо сумасшедших идей. Оно набирало скорость, и его собственные мысли кричали ему: «Чарвака умер! Чарваки нет! Увы, увы! Избавились от Чарваки! Это замечательно! Теперь я в безопасности! Но кто теперь здесь сможет спасти меня? Как такое возможно, что Чарвака умер? Я сомневаюсь и боюсь, но очень хочу, чтобы это было возможно, и я лижую! Я оправдываю своё сумасшедшее счастье! А вдруг Чарвака здесь и хочет испытать меня? Нет, так не может быть. Хотелось бы мне, чтобы это было не так. Кто знает? Всё возможно. Всё мироздание — само сознание сотворённого существа, преследуемое возможностями чего угодно. Мириады и мириады самоумножающихся альтернатив возникают в виде мыслей, чтобы преследовать и настигать само наше существование. Ждёт ли меня

полное уничтожение? Или предельное бесстрашие? Оба они, кажется, слились воедино». Скорость колеса мыслей начала снижаться — и вот оно исчезло. Тут водоворотом возникло вокруг него другое колесо мыслей и стало разгоняться опять: «Чарвака мёртв, и теперь один Ракта Шарма — моё единственное прибежище. Он — моё будущее и будущее моего ашрама. Отныне ашрам Чарваки — мой ашрам. Но я боюсь, что Ракта Шарме известны все планы Чарваки и что Чарвака продолжает жить в духе Ракта Шармы. Согласно Ракта Шарме, план ещё не исполнен. Завершение будет достигнуто лишь с поражением и смертью Юдхиштхирь».

Локаята снова подошёл к тысячалепестковому лотосу и, крикни, в отверстие: «Я желаю видеть Брихаспати, Ракта Шарму, распорядителя Царства Анархии», — получил ответ: «Три месяца назад Брихаспати оставил свою физическую оболочку». Он снова крикнул в дыру: «А сколько прошло времени со смерти Чарваки?», — и ответ был таков: «В завтрашнее полнолуние будет ровно девять лунных месяцев».

Опять целый спектр мыслей пронёсся, вертаясь вокруг головы Локаяты. Голоса набрали скорость и кричали ему в уши: «Какое прискорбное чудо, что эти два демона, Чарвака и Ракта Шарма, даже после своей смерти держали нас под колпаком! Какое я падшее создание! Я знаю все Веды и священные писания; я испытал блаженство космического бытия. И как оказалось возможным такое падение, заставившее меня целые годы совершать греховные труды, а последние девять месяцев делать это, лишь чтобы добиться благоволения тех, кто уже умер?! За эти девять месяцев, прошедшие со смерти данных злых духов, зародыш моего греха успел хорошо развиться. И сейчас мне пришло время родить дитя своих злых дел. Я отравил источник мудрости и впустил неистовых демонов во многие юные умы. Множество молодых людей были пожертвованы мною на алтарь секса и антиобщественных

действий. Надеюсь, теперь это влияние на них прекратится. Если вообще есть в природе мироздания элемент, который движет к прогрессу, пусть он спасёт их, а моя злая карма пусть уничтожит меня до самого основания! Я призываю свой конец и лишь с ним буду чувствовать, что моя миссия исполнена. Ничего лучшего я и не могу пожелать своему неисправимому «я»! О, владыки мантр и слогов Вед! Я усвоил вас, и вы скрыто лежите во мне. Почему вы столь долго прощали меня и попускали тот ущерб, который я наносил делу человечества? О, Гаятри, матерь Вед! Разве твоя сила во мне слабее моей? Если ты вообще безразлична и не хочешь наказать такую падшую душу, как я, то какое благо ты приносишь человечеству? Или так предназначено, что вал горького океана моих грехов превзойдёт пределы закона и отравит сладость человеческой жизни?..»

Тут он услышал из отверстия в тысячелепестковом лотосе: «Идёт Брихаспати, Ракта Шарма!».

Локаята оглянулся глупым, отсутствующим и испуганным взглядом. Он побледнел, и во рту у него пересохло. Локаята невольно воскликнул: «Приветствуя тебя, о Ракта Шарма! Заря будущего ашрама Чарваки алеет вновь! Сердце моё приветствует моего гурудэва, благословенного Ракта Шарму!»

Локаята вновь осмотрелся. И вот на золотом троне с рубинами, стоящем на алтаре, украшенном алмазами, восседал Ракта Шарма. Его глаза сверкали местью, подобно углям. Немногочисленные волоски торчали на его голове, подобно остаткам травы на выжженной скале. Его золотистая кожа вся была покрыта морщинами, щёки свисали, как тряпки, а брови нависали над носом. Уши его висели, подобно двум летучим мышам на ветвях высохшего дерева. Лицо Локаяты оживилось внезапной надеждой и озарилось вымученной почтительной улыбкой. Он поклонился перед Ракта Шармой до самого пола и припал к его ногам. Однако он стукнулся

головой об пол, только чтобы убедиться, что никаких ног у Ракта Шармы не было. Локаята сразу же вскочил и обнаружил, что Ракта Шарма поднялся с трона и без всяких ног парил в пространстве. Это был его демонический дух. Локаята сначала лишился чувств, а потом чувства к нему вернулись лишь в силу острого страха. Тем временем демон приближался, и Локаята начал отступать. Он услышал призрачный голос Ракта Шармы: «Ты приспособленец и простофиля! Моё оправдание и мой закон — в моей жестокости, а у тебя этого нет. Твой обман — самообман, потому что тебе нет оправдания. Моё чувство мести ещё не удовлетворено. В своей кровожадной миссии я чувствую себя молодым. И теперь я высосу из тебя кровь. Держись!».

Локаята в панике бросился бежать, но демон подстриг его и крепко схватил за горло. Локаята издал жалобный крик, подобный тому, что издаёт петух, когда ему перерезают горло уразумел, что теряет сознание, и его голова поникла. Ему показалось, что он уже убит. Внезапно Локаята понял, что жив, потому что сознавал себя и помнил, что его только что убивали. Присутствие собственного ума коснулось само себя, и он понял, что ещё жив. Его веки отяжелели, глаза закрылись, и он почувствовал странное головокружение. Локаята не понял, что случилось, и не знал, сколько времени прошло, пока к нему вернулось сознание. Очнувшись, он обнаружил, что лежит на животе, касаясь ковра высунутым языком. Локаята огляделся, посмотрел вверх и вниз, но демона нигде не было. Кто же мог знать, что случилось за это время, если он сам не знал? Он постарался припомнить те тысячи мгновений, что пролетели за время его полусознательной дрёмы, сначала медленно, почти неощутимо. У него было переживание, напоминавшее сон. Его тело вспотело, губы дрожали. Локаята обнаружил, что глаза его полны слёз. Он понял, что во сне видел некую сцену. Это был вид двух гор вдалеке, а между ними виднелась долина. Из её глу-

бины слышалась музыка флейты, приближавшаяся к нему. Локаята смог разглядеть ту флейту, которую он стянул из домика Читрабхану. Видение было отчётливым. Это оказалась та же флейта, и он увидел то же изображение Кришны, которое извлёк из того же домика. Он разглядел улыбающиеся глаза Кришны, которые косящим взглядом заглядывали в его глаза, его руки, держащие флейту, и его нежные ноги — он стоял так, что одна нога перекрецивалась с другой. Из его прекрасных глаз струился свет, который был его взглядом. Позади Господа находилась корова, молочно-белая, будто большой кусок масла. Вся эта сцена стояла в глазах Локаяты. Его ум склонился в застенчивом стыде и приветствовал Господа как военного героя, желая увенчать его гирляндами. Локаяте очень захотелось провести ритуал поклонения Господу Кришне. Он простёр руку в пространство и притянул флейту и изображение Кришны. Поместив образ на золотой трон Чарваки, призвал Сулабху и Саралу. С очаровательными улыбками они явились в изящных одеяниях и принесли цветы, плоды, молоко, благовония и ветви туласи для ритуала пуджи. Взяв камандалу с водой, Локаята трижды отхлебнул её из правой руки и начал пуджу, моля о благополучии трёх планов мироздания. В издревле принятой форме он совершил шестнадцать шагов поклонения Господу. В заключение пуджи Локаята сделал приношение молока в стакане. Господь с изображения не принял ничего из предложенного молока. Локаята закончил пуджу и простёрся перед Господом со сложенными руками, сказав:

«Ты — изречение, что вне всякой азбуки этого мироздания. Ты — цель познания превыше всех объектов познания. В покое, в равновесии ты — чертёж всех сил. Ты неисчерпаем и вечен. Ты — единственное прибежище и защита своего закона, действующего через нас. Ты — вечный образец человека и личности».

Взяв предложенное молоко трижды в правую руку, он трижды отхлебнул. Оставшееся молоко и всё прочее, что

осталось от поклонения, Локаята взял в руки и направил-
ся домой. Когда он проходил через зал, то слышал свои
собственные мысли, которые доносились до его ума, как
голоса:

«Как мы можем постичь эту Любовь, о которой не
просили? Кто сможет проследить границы этой Любви
беспределной? Есть ли правило и мера для излияния
данной милости?»

ГЛАВА 23

Локаята вернулся в ашрам за два часа до захода солн-
ца. Все ученики сидели на поляне вместе с Ганадасой,
Бришанандини и другими. С отсутствующими взглядами
и растерянными лицами они разговаривали о Пратичи.
Во всём ашраме никто не коснулся ни кусочка еды, ни
даже воды. Увидев приближающегося Локаяту, все раз-
разились рыданиями и дикими печальными криками.
Вскочив, они бросились к нему и, окружив, дрожащи-
ми голосами начали сбивчиво рассказывать печальную
новость об исчезновении Пратичи. Локаята склонил го-
лову, пряча лицо. После некоторого молчания он знаком
указал всем садиться, сел сам и стал говорить:

— Вашего вчерашнего Локаяты больше нет. Он умер.
Я родился вновь и стою перед вами совсем другим чело-
веком. Я не буду скрывать правду. Пожалуйста, терпеливо
выслушайте всё, что я скажу, до конца. Потом вы можете
вырвать мне язык, а моё тело порезать на кусочки и бросить
коршунам. Прошлой ночью я силой своего колдовства вы-
звал красного демона смерти — демона-змея, наслал его
на Пратичи и убил её. Её больше нет. Решения людей за-
висят об обусловленности ума, которая определяется про-
шлыми делами человека, и я здесь не исключение. Чтобы
очиститься и искупиться, надо отведать плодов своих про-

шлых дел. Это самый подлый и жестокий грех из всех, что мною совершён. А теперь я предаю свою тело вам, и вы можете разрезать его на куски.

Хема внезапно вскочила. Испугавшись, что люди растерзают Локаяту, она разразилась неконтролируемыми паническими криками. Хема бросилась к нему, пошатываясь, как банановое дерево на штормовом ветру, и сказала:

— Границы кармы преступить нельзя. Я стала женой Локаяты, потому что мой ум принял его в качестве мужа. Я прошу всех вас пожалеть меня и не убивать надежду моей жизни. Убейте меня, но пощадите его, или, если вы захотите убить его, вам придётся сначала убить меня.

Все стояли, ошеломлённые.

— Какая жалость, — произнёс Гири Шарма. — Время смерти для одного оказывается временем свадьбы для другого. Пратики будто ещё у меня перед глазами, и для нас немыслимо признать, что она умерла.

Рута встала. По её нежным щекам текли слёзы. Она долго всхлипывала и задыхалась в плаче, прежде чем смогла говорить:

— Никто не знает, где родилась Пратики. Никто не знает, как она воспитывалась. Мы лишь знаем, каков был её конец. Очень может быть, что родители этого невинного ребёнка испытывают невыразимую боль, пронзающую их насквозь. Возможно, она чувствует их слёзы.

— Должно быть, не меньше страданий уже испытали все наши родители, когда мы убежали в этот ашрам, — сказала Хема. — Все мы ушли, ничего не сказав, и стали мёртвыми для наших родителей. Та боль, которую мы испытываем сейчас, — просто сочувствие, но боль наших родителей, наверно, была в тысячу раз сильнее.

Локаята сказал:

— Я знаю, кто такая Пратики, как она родилась и воспитывалась. События, которые привели к рождению этой бедной, невинной души, оказались более

странными и невероятными, чем вымысел. Я расскажу вам о её рождении. У Чарваки был сын, служивший в пехоте у Чёрного Яваны. Он стал продвигаться по службе и следовал за Чёрным Яваной вместе с Чарвакой.

Однажды его послали в разведку, и под видом нищего он ходил по улицам Хастины. Тайная полиция Хастины распознала его по странному акценту и бросилась в погоню. Ему удалось улизнуть переулками и выбраться из города, однако полиция всё ещё гналась за ним. Добежав до посёлка рыбаков, он спрятался там, и его не нашли. Потом пробирался в темноте и наткнулся на маленькую хижину, в которой была рыбацкая девушка. Она пожалела его и позволила ему там спрятаться. Пути кармы таинственны. Их взгляды встретились, и они захотели стать мужем и женой. Так та девушка и родила это бедное дитя Пратичи. Мать умерла, когда ей было всего три года. Тогда отец взял её с собой, и Пратичи воспитывалась среди мужчин в армии, располагавшейся в северо-восточных Гхатах. Когда она достигла определённого возраста, Чарвака разрешил ей остаться в нашем ашраме. Мы знаем её с восемнадцати лет. Мать Пратичи была внучкой брата Сатьявати, а Сатьявати — дочерью царя рыбаков. Мы знаем её, как мать Ведавьясы.

А теперь я расскажу вам о характере и поведении Пратичи. По моим сведениям, она была невинна и безупречна. В силу среды, где она воспитывалась, Пратичи не знала разницы между мужчиной и женщиной. А благодаря духовной подготовке, которую она прошла в прошлых жизнях, у неё не было и тени полового влечения. Она знала лишь, как привлечь людей жестами, разговорами и улыбкой. Так получилось из-за среды, в которую она попала, а не в силу какого-то дефекта в характере. То, что она вела себя, как приличествует молодой девушке, было лишь игрой напоказ. Я могу уверить вас, что она умерла девственницей. Пусть память о ней всегда служит нам поводом для восхищения. Её отца убил

Арджуна перед тем, как Юдхиштхира совершил жертвоприношение коня. Чарвака был очень привязан к своей внучке. По определениям нашего ашрама, любовь и привязанность считаются серьёзными недостатками и слабостями человеческой природы, но эти принципы были установлены Чарвакой лишь для народа Брахмаварты. Сам он не верил в свои теории, хотя для достижения своих целей и навязывал их юным душам Брахмаварты. У него было сильное чувство, что его внучка должна сохранять чистоту. Ещё одна новость, которая может потрясти вас, — известие о смерти Чарваки. Это случилось девять месяцев назад. Ракта Шарма, известный в нашей литературе как Брихаспати, умер три месяца назад, и его дух всё ещё витает в заброшенных пещерах Золотой Долины. Сегодня он застиг меня в пещере и схватил, однако я тут же был спасён при весьма странных обстоятельствах. Это стало для меня совсем новым переживанием. Когда дух Ракты Шармы схватил меня, я начал терять сознание. Перед моим бессознательным умом внезапно блеснула одна сцена, которую очень ясно помню. Я увидел две горы вдалеке и долину между ними. Из глубины долины услышал музыку флейты, которая приближалась ко мне и усмиряла мою грубую животную природу. Я увидел Кришну, играющего на флейте, а также флейту и изображение Кришны, которые я похитил из домика Читрабхану при помощи своего колдовства. Демон исчез, и я был спасён. Я водрузил образ Кришны и флейту на трон Чарваки в пещерном храме и в древней и принятой форме совершил ритуал Пуджи у лотосных стоп Господа. Потом предложил ему молоко, и теперь принёс предложенное молоко вам. Прошу вас принять его и отмыться от моих грехов.

После этого Локаята распределил между всеми молоко из бокала. Все сели в круг вокруг Локаяты. Локаята встал, подозвал Читрабхану и вернул ему флейту и изображение Кришны.

Санкхачуда поднялся, почтительно сложил руки и сказал:

— Гурудэва, вы помните, что мы с Тамралипти прошли вас учредить новый ашрам, чтобы искупить испорченные души? Мы давно обещали поддержать вас и принять в качестве нашего гуру. Теперь, когда Чарвака мёртв, а Ракта Шармы больше нет, мы наследуем этот ашрам с вами во главе. И всё это по вашей милости и по нашему везению. Разрешите нам изменить название ашрама в соответствии с переменой его духа. Давайте с сегодняшнего дня называть его Сиддхашрам. Мы признаём вас нашим учителем, а Хему — вашей женой и нашей почтенной матерью. Мы с Тамралипти верны своему обещанию поддерживать вас по всех обстоятельствах.

Локаята был очень рад принять это предложение. Хема встала и попыталась что-то сказать. Она не могла сдержать своей печали и долго ничего не говорила. Наконец собралась и отрывочными фразами произнесла:

— Бедная Пратичи, ей никто не мог помочь. Она любила музыку флейты больше всего на свете. Флейта Читрабхану была украдена и потому ум Пратичи... он умер. Нас в этом ашраме учили не верить в душу... в существование после физической смерти. Звучит странно, хотя это у нас в крови. И я всё же чувствую, что Пратичи среди нас, она невидимо ходит среди нас. Моё сердце чувствует её. Если правда, что душа продолжает жить после смерти, я прошу вас позволить Читрабхану сыграть на флейте, чтобы душа Пратичи могла покойиться с миром.

Локаята нашёл это предложение вполне разумным и гуманным и охотно попросил Читрабхану сыграть на флейте в память Пратичи. Читрабхану начал играть, и через несколько мгновений все уже умственно отсутствовали. Никто не знал, что случилось, а когда очнулись, была уже поздняя ночь. Когда к Читрабхану вернулись чувства, он обнаружил, что флейта лежит у него

на коленях. Все медленно просыпались и поднимались, и каждый направился в свой домик, опьянённый музыкой. Всем бросилось в глаза отсутствие Гири Шармы, но эта идея ни у кого в уме долго не задержалась. Никто не помнил и другого — что весь день никто ничего не ел и не пил. Хотя сила голода и овладела их телами, музыка Читрабхану овладела их умами ещё сильнее, напитав их души.

ГЛАВА 24

Джвала Кхула очнулся ото сна в пещерах Калапы на большом деревянном ящике. Он ожидал увидеть Мару, сидящего на тигровой шкуре, которая была расстелена на каменной плите. Когда он протёр свои глаза и посмотрел туда, то не увидел Мару — на тигровой шкуре спала какая-то девушка. Джвала Кхула подошёл и уставился на неё. Она была ему незнакома, но он чувствовал, что где-то её видел. Девушка медленно пошевелилась и села, протирая глаза. Она была очень удивлена, увидев Джвала Кхулу, похоже, это стало для неё сюрпризом.

— Гири Шарма, где мы? Как и где ты нашёл меня?

— Прежде чем я смогу ответить, — ответил Джвала Кхула, — скажите мне, кто вы и как сюда попали?

— Как тебе удалось принести меня сюда, когда я спала? — продолжала девушка. — У меня был дурной сон — я видела, как вокруг меня извиваются множество змей. А потом мне приснилось, что через горный поток я провалилась в долину безмерной глубины.

— Боже мой! Я сомневаюсь, всё ли с ней в порядке? Но как она сюда попала?

— Я опять спрашиваю, как мы сюда попали? Гири Шарма, почему ты не отвечаешь?

— Я не понимаю, кто Гири Шарма, а кто Хари Шарма. Я спал на этом деревянном ящике. Когда я проснулся, то увидел вас. Сначала скажите, как вас зовут и кто вы такая.

— Ты с ума сошёл?! Скажи мне хотя бы, где Рута.

— Что за чертовщина! Даже приложив все свои умственные способности, я не могу понять ничего. Самый трудный из афоризмов Агни-Йоги, который учит Мару, — и то представляется мне легче, чем эта загадка. Во-первых, как такое возможно, что здесь нет никого, кто бы знал эту девушку? Почтенный учитель Мару сказал мне, что в эту ночь мне не придётся никуда отправляться, и, поскольку всё успокоилось, он будет диктовать свои комментарии к афоризмам о космическом огне. О почтенная царица утопии! Скажи мне, где начинается твоя история?

Тут с улыбкой вошёл Мару. Он спросил:

— Похоже, мой дорогой ученик попал в затруднительное положение. Могу ли я поверить, что количество моих учеников день за днём увеличивается благодаря твоему присутствию, мой мальчик?

— Учитель, вы единственный, кто сможет выпутать меня из этой ситуации. Видели ли вы когда-нибудь, чтобы я хоть раз не мог ничего понять? Теперь это так. Кто тот котёночек, сидящий на тигровой шкуре?

— Я сам ждал случая спросить тебя об этом. Этоты принёс её сюда, тебе объяснять. Я не стал сам спрашивать, потому что вопрос деликатный и сюда её доставил мой хороший ученик.

— Вы хотите сказать, что я принёс её? Учитель, мы слишком малы по сравнению с вами, чтобы шутить над нами шутки.

— Да, но она говорит, что твоё имя — Гири Шарма. Также она говорит, что ты её товарищ по ашраму Чарваки.

Джвала Кхула почувствовал головокружение, сел и закрыл глаза. Издалека послышалась музыка флейты.

Сначала он увидел две горы и долину, потом — себя, сидящим на каменной плите возле горного потока, а по сторонам от себя — двух девушек. Он смог вспомнить, что одну из них звали Рута, а другую — Пратичи. Ещё ему вспомнилось, что там должна была быть ещё одна — Хема. Он открыл глаза, постоял некоторое время в задумчивости, а затем спросил:

— Гурудэва, вы знаете моё имя?

— Ты Гири Шарма, а я — Мару Шарма. Первое сообщила мне она, а второе мне и так известно.

— Всё так обманчиво! Моё имя — Гири Шарма?

И я не Джвала Кхула?

— Тебе решать.

— Я чувствую, что и то, и то верно.

— Именно так! — подтвердил Мару. — Днём ты Гири Шарма, а ночью — Джвала Кхула. Сейчас ночь и ты — Джвала Кхула. Прошлой ночью ты пролетал со своим ящиком через долину и увидел, как эта девушка падает в горный поток. Благодаря своему кольцу тебе удалось подхватить её и на своём ящике доставить в пещеру. Когда наступил рассвет, ты проснулся в ашраме Чарваки как Гири Шарма, а она пришла в сознание только этим вечером.

— А что насчёт меня? Теперь я припоминаю, что я Гири Шарма, сын дочери Судамы из Двараки. Я помню, что лишился матери, когда мне исполнилось три года. Также я помню, что меня зовут Джвала Кхула.

— Господь Майтрея решил, что сегодня ты будешь посвящён в новое пробуждение. Двенадцать жизней назад Дэвапи взял тебя в ученики, а три жизни назад он впервые явился тебе и принял непосредственно к себе на службу. До сих пор каждая смерть смывала все твои воспоминания вместе с клетками мозга. Лишь духовное ученичество переносило из жизни в жизнь семена склонностей, что было единственной непрерывной частью твоего сознания. Это духовное сознание проходит

подобно нити, на которой нанизано множество цветов, образующих гирлянду. В каждом из рождений родители давали тебе какое-то своё имя, но кроме этого, в момент принятия мы даём ученикам особое обозначение. Оно остаётся с учеником на протяжении всей серии перевоплощений, и его узнают как раз по этому имени. Твоё ученическое имя — Джвала Кхула. Духовная практика принадлежит душе, и она продолжает её на протяжении всех этих воплощений. На ментальном плане для каждой жизни у тебя была отдельная программа. Однако после смерти физических тел каждый раз она стиралась из твоего сознания. За программу души ответственны мы, а за программу ума ты отвечаешь сам. Согласно программе нашего Великого Учителя, в этой жизни два слоя твоего сознания должны были объединиться. Программа души ученика называется духовным планом, а ментальная программа на каждую жизнь — человеческим путём. Сегодня два этих пути в тебе соединились. Теперь ты прошёл врата третьего посвящения.

— Благодаря свету вашей милости теперь я это знаю, — сказал Джвала Кхула. — Но у меня остались ещё кое-какие сомнения. Что это за обучение давалось мне, при котором я должен был спать днём и бодрствовать ночью?

— Ты спал здесь днём, потому что в это время был активен в ашраме Чарваки. Это тоже являлось частью обучения, которое ты должен был получить. Там ты известен как Гири Шарма.

— Жил ли я там в физическом теле?

— Все эти дни твоё физическое тело находилось лишь в ашраме Чарваки. В нём ты был и ранее, когда жил со своими родственниками в Двараке. Все они знают тебя под именем Гири Шарма, потому что таково имя твоей физической личности. А для работы, которую ты выполняешь как Джвала Кхула, не требуется физического тела. И это твоё тело способно путём осаждения

в любом месте материализовывать физическую оболочку согласно потребностям ситуации. Это происходит автоматически и незаметно для тебя. То же самое происходит и со всеми учениками Ведавьясы на мистическом острове Кришнадвипа.

— Прошлой ночью перед восходом я спас Пратичи, когда она была в физическом теле. Но я не смог припомнить данный случай, пока вы не указали на него, — сказал Джвала Кхула.

— Твой ум был в постоянной связи с нами. Это и есть истинный смысл слова «аскетизм». Память и воспоминание — лишь виды вибрационной деятельности ума, и если этой вибрации не позволяют иметь место, то не будет воспоминаний даже о ближайшем прошлом. Ты знаешь, что люди иногда теряют память внезапно, от потрясения. Между одним случаем и другим возникает мысленепроницаемая стена. Лишь вибрация ментальной материи может проникнуть через неё. Ты можешь существовать между двумя мыслями, но когда существует мысль, тебя как такового нет, но ты преобразуешься в мысль. Мысль — вибрация Природы, тогда как ты сам выше её. То, что мы называем смертью, — мысленепроницаемая стена. Сон — тоже период смерти. Для учеников, посвящённых в Братство Иерархии, из таких мысленепроницаемых стен создаётся обитель сознания, образующая индивидуальное пространство, где при помощи йоги практикуют совершенствование души. Есть и ещё несколько фактов, которые тебе теперь позволено знать. Ты сказал, что потерял мать, когда тебе было три года. Теперь она перевоплотилась как Пратичи. В этой жизни ей предстоит получить через тебя наставления на ментальном плане, необходимые для её подготовки к первому посвящению. Твой долг — очищать и переустраивать её ментальную материю, давая верные представления о сексе, блаженстве, перевоплощении и душе. Отныне между вами устанавливается неразрывная связь,

и она будет продолжаться на протяжении нескольких будущих жизней. Отношения начинаются с мирских дел, а кульминируют в пробуждении Брахмавидьи.

— Я думал, что список моих мирских связей на эту жизнь уже завершён.

— Хорошо так считать, но в будущем придётся прибавить ещё многое. Разве ты не помнишь, что должен жениться?

— Я хочу попросить у своего гуру разрешения оставаться неженатым и вести жизнь брахмачары.

— Ты хочешь практиковать брахмачарью или быть холостяком? У тебя не должно быть путаницы между данными понятиями, поскольку это вещи весьма различные. Нынче начинается эпоха кали-юги, и похоже, ученики уже начинают считать выполнение своих желаний разумеющимся даром от своих гуру. Не знаю, что ещё ожидает нас в эпоху Кали.

— Я приношу извинения, и пусть меня поправят. Мы, младшие ученики, продолжаем совершать ошибки, даже когда уже кое-что знаем.

— Я хочу объяснить тебе ещё одну вещь, — продолжил Мару. — Недавно ты объяснял Руте и Пратичи о ментальных задатках четырёх классов общества. Ты сказал, что фактором, определяющим место индивидуальности в одном из классов общества, является природа души, а не наследственное право. Сказанное тобой верно относительно деления общества на четыре класса. Но есть ещё кое-что, что тебе следует знать. Господь Кришна объяснил, что это деление происходит не только по качествам души, но и согласно её карме. Качество души можно выразить в преобладании одного из качеств — подвижности, инерции и равновесия, а карму объясняют как результат наших прошлых деяний. Отчасти данное объяснение верно, но с этим связан и ещё один, более тонкий момент. Ведь понимание кармы как результата прошлых деяний подразумевает и действия, совершенные в про-

шлых жизнях. Надеюсь, ты признаёшь тот факт, что, когда ум с самого детства готовят к той или иной работе, он приобретает в ней особые умение и эффективность. И это умение становится ещё более заметным, когда потомственная профессия и нужные черты наследуются с помощью птиц — тех разумов, которые передают родовые склонности через кровь. Знаешь ли ты, что птицы вьют свои гнёзда по определённому образцу, и даже если птенца держать отдельно от родителей, то когда он вырастет и совьёт гнездо, то сделает его точно таким же, как у родителей? Птенцы полярного гуся могут вернуться к местам обитания своих отцов и дедов, хотя родились вдали от этих мест. В человеческом мыслительном механизме можно заметить два фактора. Один из них — разум, тренировке которого могут способствовать родители. Второй — память природы, переходящая через наследственность. Когда оба этих фактора в какой-либо работе настраиваются вместе тем же типом тренировки, эффективность её будет значительно больше. Данную эффективность можно приложить к своей профессии, трудясь на благо общества. Заключение, которое из всего этого следует, состоит в том, что четыре класса общества образуются также и наследственно. Можно допускать потомственное формирование классов, но при этом нужно быть готовым ослабить роль наследственных прав и обязанностей, чтобы был возможен переход человека из одного класса в другой, когда налицо его разительное отличие в качествах и темпераменте. Если говорить в общем, души притягиваются к тем родителям, которые могут развить в ребёнке природу, имеющую дополняющий характер по отношению к его прежним склонностям. В случае проклятий, а также в результате серьёзных преступлений или обид душа может притянуться к родителям столь же преступным или совсем несходной природы. Результатом являются несовместимость, конфликты и страдания, которые вызывают долгое очищение обеих

сторон от криминальных наклонностей. События жизни дают им требуемое обучение через столкновения и мучения. С этим исключением мы можем признать влияние наследственности на четыре класса. В то же время нам не следует проявлять узость и определять класс человека строго по его родству. Ману прекрасно сформулировал это правило и всегда старается распределить человеческое общество по различным группам согласно принципам как наследственности, так и индивидуальности.

— Как же тогда получилось, что книга Законов Ману содержит высказывания, навязывающие принцип наследственности как единственный критерий классового деления? — спросил Джвала Кхула.

— Мой мальчик, учения Ману отличаются от книги, сочинённой пандитами якобы от его имени. Прямые же его учения передавались духовными учителями своим ученикам во все времена, их также их можно найти в Пуранах и Итихасах, составленных Ведавьясой. Учёные же передают их из уст в уста, добавляя что-то по своему усмотрению и согласно своему удобству. Это тоже происходит в силу влияния Кали.

— Как же тогда мы можем знать, чему действитель но учил Ману в дни отдалённого прошлого?

— Кто сказал тебе, что Ману жил лишь в далёком прошлом? Он и сейчас среди нас, перевоплощаясь вместе с Господом и готовя ему путь, когда бы тот ни собрался сойти на землю. Даже сегодня Вайвасвата Ману живёт в физическом теле вместе с группой своих учеников. Придёт день, когда и ты его увидишь. Наш Владыка Сонмов — отправная точка Вечного Закона. От него исходят два духовных ордена, действующие параллельно. Один называется Духовной Иерархией, а другой — это Шамбала. Духовный глава первого — наш Майтрея, а предводитель второго — Вайвасвата Ману. Сам я являю живой пример того, как индивидуальность может покинуть один класс и перейти в другой, когда этого потребу-

ет высший закон. По рождению я кшатрий, сын Шигра Вармы, который был сыном Агни Вармы, принадлежавшего к солнечной династии царей. Мне было позволено оставить класс правителей и присоединиться к классу брахманов, потому что при посвящении в йогу я был найден полностью пригодным. Но мне снова придётся стать правителем, когда кали-юга закончится. Твой гуру Дэвапи принадлежит к лунной династии. Он — сын Пратипы и брат Сантану. Был допущен к брахманству, поскольку достиг совершенства в раджа-йоге. Оба мы предложили свои жизни, чтобы готовить путь пришествию Господа в виде Кришны. Так твой гуру стал брахманом и начал посвящать в Веды людей всех классов. Ему начали противодействовать со стороны группы учёных-брахманов, решившие испортить его работу, навязав ему правление. Они были под влиянием Кали, что выразилось во взяточничестве и обеспечении себе высоких должностей. Тогда Дэвапи стал проповедовать анархию и атеизм, и те же брахманы решили, что он не должен быть царём. Вот как Дэвапи удалось спастись от заговора пандитов и остаться истинным брахманом. И теперь мы вместе трудимся для Господа.

— В своё время никто из старших не позаботился объяснить нам эти вещи, — сказала Пратичи. — Из-за молодости и горячности нам пришлось прибегнуть к грубо материалистическому образу жизни, который постоянно был на слуху. Данные учёные и преподаватели лишь зря тратили свои жизни, занятые в основном интеллектуальной гордостью и ссорами в борьбе за власть, культивировали духовный аристократизм и ревность друг к другу. Эти пандиты Брахмаварты куплены за деньги, а теперь их нравственный хребет сломан. Их вовсе не заботит благодеяние и цельность нации своей собственной страны. Тысячи молодых людей, подобно мне, оказались уведены с верного пути.

— При выполнении работы нашего Господа у нас не находится времени на критику бесполезных людей, — заметил Мару. — Мы озабочены лишь тем, чтобы помочь ему путь, помогая людям достичь готовности для работы. Где бы ни велась настоящая работа, там находятся продолжатели и есть достижения. Оценкам же нет места в истинной работе — фактически они идут от природы тех, кто находится под влиянием Кали. Поэтому вам следует держаться подальше от баталий из-за оценок, опустошающих общество, и самой освободиться от груза собственных оценок. Если кто-то критикует ваши путь или методы, нужно не обращать на это внимания и думать лишь о своём деле, которое день за день будет вырисовываться перед вами всё яснее и яснее. Вот единственный метод, способный нейтрализовать влияние Кали. Мой мальчик, Джвала Кхула, слушай меня внимательно. Теперь я изложу план для тебя. Наша теперешняя миссия состоит в том, чтобы подготовить души к восприятию Музыки Души, которую играет наш Господь для будущих поколений. Это подход, необходимый нынешней волне человечества, чтобы оно могло практиковать йогу. Однако нельзя соблазняться на споры или провозглашать его новым путём йоги. Путь этот нов для нового поколения, но не нов сам по себе. Йога — вековечная мудрость человечества, однако нам она в новинку. Кто бы ни испытал первое касание Музыки Души, он обнаружит, что связи его прежней кармы быстро нейтрализуются. Склонности их кармы, спящие в них, подобно льдинам, скованным мертвенным холодом, расстают, будто под лучами восходящего солнца. Благодаря присутствию вас обоих ашрам Чарваки преобразуется в Сиддхашрам.

— Правда ли, что Чарвака и Ракта Шарма умерли? — спросил Джвала Кхула.

— Да, правда. Оба они претерпели полное уничтожение своей личности до самого основания, что было до-

стигнуто в результате ритуальной работы, проведённой учителями Белого Острова.

— Разве было невозможно, чтобы Музыка Души повлияла и на Чарваку с Ракта Шармой? — спросила Пратичи.

— Господь предложил метод передачи своей музыки через музыку души только восемь дней назад, а Чарвака и Ракта Шарма умерли ещё до того, как он предложил его. Кто знает, почему Господь не сделал это раньше. Впрочем, такова судьба проклятых душ на протяжении всех веков — они всегда упускают шанс получить что-то хорошее.

— Гурудэва, почему же Ракта Шарма вынашивал столь непреодолимо тонкую месть и враждебность к пути мудрости? — спросил Джвала Кхула.

— Это действительно странно, да и сам по себе он представляет собой странный феномен. На протяжении нескольких жизней Ракта Шарма руководствовался методом сокрушения своей чувственной природы под лозунгом подчинения чувств. Он следовал практике самоистязания и верил, что это путь йоги. Ошибка, совершённая в одной жизни, принесла свои плоды, которые, подобно гончей собаке, преследовали его на протяжении перевоплощений. В результате Ракта Шарма получил физическое тело, негодное ни для Пути, ни для удовольствий данной жизни. Ум его был неудовлетворён, а чувства — терзаемы жаждой в силу врождённой недееспособности физического тела. И вместо того, чтобы следовать Пути, Ракта Шарма измыслил свою собственную философию, всецело принадлежащую физиологическому и психическому планам. Его теория создала психологическую клетку, в которую и попалось его сознание. Жизнь стала для него постоянным напряжением, а общество — полем мести. В его учении есть два основных постулата. Первый состоит в том, что вся жизнь человека образует узел накопленных неисполненных желаний, который

и есть ядро и центр всей его деятельности. Второй же гласит, что всё поведение человеческого существа и все теории, созданные человеческим сознанием и чтимые им, являются результатом одной деятельности, а именно — полового влечения и желания. Из этих двух принципов первый отчасти верен, а второй — совершенно ошибочен. А поскольку его физическое тело не годилось для того, чтобы получать от секса удовольствие, он стал жертвой своей собственной теории. Вследствие этого вся его философия была сфабрикована вокруг полового влечения. Джвала Кхула, мой мальчик, ты уже узнал, что надлежало узнать сегодня. Теперь твой долг — в целости и сохранности вернуть Пратичи в Сиддхашрам.

— Я могу отправиться туда лишь в дневное время, когда здесь сплю.

— Отныне этот вопрос сна в дневное или ночное время снимается — твой дневной сон окончен. Обрати внимание, как твоё мышление обусловлено силой привычки. На каждом шагу мы должны нейтрализовывать нашу ментальную обусловленность постоянным осознанием нашей жизни.

— Гири Шарма, возможно ли, чтобы милость Господа Сонмов излилась на всех наших товарищ по ашраму? — спросила Пратичи.

— Она уже изливается. Теперь через флейту Читрабхану по всему ашраму разносится музыка флейты Господа. Все полностью опьянены ею, и, похоже, никто не находится в телесном сознании, — ответил Джвала Кхула.

— В заключение я укажу на некоторые тенденции будущего, — сказал Мару. — Учителя Белого Острова станут приходить в Сиддхашрам, и в результате этого Западное полушарие постепенно попадёт под воздействие Музыки Души. Через три тысячи лет Господь спустится на Землю в тело другого, достигшего Света. Тогда Пратичи родится его матерью. Есть в вашем аш-

раме и другая благословенная душа, и это Рута. Она рождается на Западе более чем через пять тысяч лет и объяснит доктрину Господа, выведя её на свет дня. Рута сделает так, чтобы людям было легко понять способы и методы творения, происходящие в виде игры Господа. Записи перевоплощений всех душ вашей группы, намеченные на будущие века, в виде пророчеств запишут на пальмовых листьях, которые станут храниться в ашраме Агасти. Они будут открыты по мере потребности и желательности этого. Ну, теперь тебе известно достаточно! Вставай и доставь её обратно в Сиддхашрам! Завтра — полнолуние месяца Маргасирша. Наш Владыка Сонмов проведёт величайшую из жертв, проникнув во всех в виде музыки флейты. Эта жертва называется вишваджит, что значит «жертва преодоления мира».

— Так что нам выдастся случай снова посетить Двараку и видеть Господа, — заметил Джвала Кхула.

— Вовсе не нужно отправляться в Двараку — каждому предстоит получить присутствие Господа там, где он находится. Берегись, чтобы тебе не повредило любопытство! В дни прошлого наш Господь впервые явился Нараде как Всеышний. Но Нарада не смог постоянно сохранять это Присутствие, потому что его ум в образе любопытства помешал ему. Тогда Нарада не сумел вынести разлуки с Господом. Он пробежал через многие леса, холмы и долины, но в этой жизни ему уже не удалось обрести присутствие Господа. Это случилось, когда Нарада родился сыном одной служанки. Он хотел, чтобы Вьяса в начале своей последней работы рассказал данный случай и предупредил читателей об опасностях любопытства, которое должно совершенно исчезнуть, а его место заполнить практика. Теперь можешь отправляться.

ГЛАВА 25

Горы, окружившие Сиддхашрам, купались в полночном лунном свете. Это была ночь перед полнолунием, и всё казалось выкупанным в молоке. В это кольцо гор с сочащихся водой небес спускались промокшие насквозь из-за тумана Гири Шарма и Пратичи. Наконец сквозь переливающуюся завесу тумана им стал виден весь Сиддхашрам. Капли тумана сверкали на мягких волосах Пратичи, подобно множеству крошечных жемчужин. Когда их ноги коснулись земли, они пошли по тропинке, которая вела через поляну. Они шли, весело болтая и улыбаясь при виде каждого домика. Подойдя к ним, стали будить своих товарищей, одного за другим. Один, заметив Пратичи, пришёл в полное замешательство, другой стоял, глубоко задумавшись. Одна девушка захотела что-то сказать, увидев Пратичи, но разразилась плачем, а другая, задыхаясь и дрожа, спросила, Пратичи это или её привидение. Рута, издалека завидев Пратичи, закричала изо всех сил и почти прыгнула на неё, обнимая. Гири Шарма также будил и собирал всех поочерёдно, подобно тому, как нанизывают цветы на гирлянду. Затем все отправились к резиденциям Локаяты, Ганадасы и Вришанандини и своим радостным шумом разбудили их. Собравшись на поляне вокруг Пратичи сумел повторять тот же вопрос, но никто, похоже, в своей неудержимой радости не заботился услышать ответ. Так в гомоне продолжались вопросы и ответы, и лишь более чем через час все смогли уяснить, что же произошло. Локаята сказал:

— В ранние годы моего духовного пути я слышал о святых, живущих в пещерных храмах Шравасти. Это были дни, когда я упорно стремился приобрести духовные силы. Я сделал много вылазок в долины Гималаев, однако не смог найти никого из тех, кого люди назы-

вали духовными Учителями. Слышал имена Майтреи, Мару и Дэвапи, но, разочаровавшись в их поисках, был склонен заключить, что это вымышленные персонажи. Однако когда Гири Шарма рассказывал о своём опыте встреч с Учителями, вообще всё показалось мне сладким и счастливым сном.

— Верите ли вы, что Пратики жива и здорова, присутствует здесь в физическом теле и это не сон? — спросил Гири Шарма.

— Вчера все мы слышали музыку флейты и видели долину между двух гор, — заметил Ганадаса. — Все мы пережили экстаз Музыки Души, когда она нас коснулась.

— Иногда я не верю и в своё собственное существование, — ответил Локаята. — Мне приходят на ум странные теории. Бывает, я чувствую, что вся жизнь, прожитая мною до сих пор, — лишь большой сон, и что однажды я проснусь к реальности бытия. Таких мечтателей вроде меня в Брахмаварте много. Среди пандитов есть философы-самоучки, не только верящие, но и со всей серьёзностью проповедующие, что весь человеческий путь — не что иное, как сон. Однако, поскольку я знаю, что моя теория — лишь воображение, здесь нет такой опасности. Но у людей, называющих это философией, всё это становится опасным. Многих из молодых, стремящихся к духовности, сбила с пути данная спекулятивная философия, у которой нет никакого земного приложения и с которой нельзя принести пользы ни себе, ни другим.

— Однако я считаю, что сны тоже истинны — также, как является настоящим и физическое существование, насколько это касается опыта. Ненастоящее не может оказывать влияние на ум и чувства, — заметил Ганадаса. — Когда мы отслеживаем и отфильтровываем искажения, вносимые чувствами, и нейтрализуем преломление со стороны ума, всё существующее вокруг нас оказывается единым, и это реальность.

— Странная сцена наслаждения реальностью, — сказала Рута. — Все вы играете роль в большом сне, и в нём есть роль для каждого. Боюсь, что это и называется наукой психологии. Она — одна из ведущих наук в ашраме Чарваки. Студенты занимаются ею, прилагая весь свой ум, пока не перестают понимать разницу между своим опытом и сном. Согласно принципам Чарваки, каждое физическое существо обладает истинным существованием. Пратики теперь перед нами в физическом теле, и потому она настоящая.

— Для нас припасён ещё один реальный и более счастливый сон, который мы завтра не должны упустить, — сказал Гири Шарма. — Это редкая возможность, и мы должны в духовном смысле воспользоваться её преимуществами. Завтра — полнолуние месяца Маргасирша, и Шри Кришна через музыку флейты предложит своё Присутствие, наполнив им слои нашего сознания. В дни своего детства Кришна часто играл на своей флейте, и все коровы, телята и пастухи приходили в восторг. Даже птицы, змеи и деревья от этой музыки наполнялись его присутствием. Все живые существа собирались вокруг него, зачарованные его музыкой. Но Господь рекомендовал новый путь, чтобы предложить своё присутствие. Теперь нет необходимости отправляться к нему в физическом теле. Достаточно, чтобы каждый жил в осознанности его Сознания. Господь сам путешествует в пространстве в форме музыки флейты и даёт касание своего присутствия.

— Я понимаю это, потому что мне знаком данный опыт, — сказал Читрабхану. — Сначала Кришна дал это переживание мне и Пратики. Когда Пратики сидела у меня в домике и я играл для неё на флейте, мы забывали себя. Некоторое время я знал, что играл, но стал понимать, что это не моя музыка. В какой-то отрезок времени меня не существовало, была лишь музыка. Затем, придя в сознание, я лишь мог понять, что находился под влиянием

какой-то не моей музыки. Это было начало, и постепенно звуковые художественные образы смогли воздействовать уже на всех в нашем ашраме.

— У меня же всё было по-другому, — сказал Локаята. — Это переживание изматывало меня, очищая до самой глубины моего существа. В такие моменты я покидал физическое тело, а мой ум слышал музыку флейты. Затем вернулся к чувствам, и по милости данной музыки оказался спасён. Это стало настоящим духовным посвящением, проникшим в меня до самого центра. В молодые годы я изучал множество тантрических книг, составленных в Тибете, и там было описано много типов посвящений. Согласно этим учёным книгам, некоторые получали посвящение рождением, некоторые — посвящение смертью, некоторые — во время тяжёлой болезни или сильного горя, а некоторые — в те моменты, когда под угрозой была их жизнь.

— Посвящение Кришны столь же тонко, сколь и приятно, — сказал Гири Шарма. — От начала до кульминации это лишь переживание. Данный процесс весьма искусный и безболезненный. Никто не испытывает при нём никакого дискомфорта, за исключением тех, кто намеренно идёт против собственной совести. А теперь давайте поторопимся, чтобы совершить омовение по случаю завтрашнего великого музыкального жертвоприношения Кришны.

ГЛАВА 26

Все вместе стали очищать место на поляне и окроплять его благовонной водой. Вода была принесена из бассейна в больших сосудах. Локаята пропел мантры и путём осаждения материализовал огромные количества благовоний, драгоценных камней, ветвей туласи,

охапки священных трав и цветов жасмина в корзинах. Цветы парижата и чампака он расположил на широких блюдах. Ученики приготовили порошок из благовоний и размешали в воде, которая была в сосудах, окропили площадку и выровняли её. Девушки сложили красивые узоры из всех цветов радуги по всем сторонам, а в центре установили курильницы для благовоний. Для пуджи приготовили и разложили группами листья бетеля и орехи, а также камфара и мускус. Кроме того, был воздвигнут просторный пандаль⁷, снизу украшенный тканями. Вдоль колонн поставили банановые деревья с плодами. Приближался уже рассвет, когда все совершили священное омовение в бассейне. Хари Шарма сказал:

— Нам нужно убрать из бассейна эти голые статуи, а то они могут оказаться помехой для завтрашнего присутствия Господа.

— Кришна как раз тот, кто лучше всех разбирается в таких вещах и кого ими меньше всего испугаешь, — сказал Гири Шарма. — Для нас же достаточно, чтобы мы жили выше секса. Дело совсем не в этих фигурах, но если ты всё ещё считаешь, что они мешают нам, то можно разбить их и выбросить, однако не сейчас. Если мы хотим изменений в обстановке — значит, мы желаем изменить свой взгляд.

Вришанандини улыбнулась и сказала:

— Господу Кришне всегда нравилось играть с девушками. Рассказывают, что он утащил одежду у совершающих омовение гопи и залез на дерево. Когда они стали умолять его вернуть одежду, он потребовал, чтобы они открыто вышли и приветствовали его поднятыми руками. Так что в этом для него не будет ничего нового. Музыка Господа Кришны может заставить трепетать даже данные статуи, и у них тоже появится шанс услышать музыку флейты вместе с нами.

⁷ Пандаль — временный зал со стенами и крышей из пальмовых листьев. — Прим. пер.

— В этом нет ничего невозможного, — сказал Локаята. — Я сам, с помощью своих скромных магических способностей, могу устроить, чтобы они её испытали.

— Способен ли ты объяснить, что такое силы магии, и как они действуют? Что происходит, когда появляются феномены? — спросила Хема.

— В этих силах нет ничего таинственного. Они столь же естественны или даже менее естественны, чем те силы природы, которые творят всех живых существ в мироздании. Всё, что надо сделать, — предложить жизнь данным статуям и поверить, что каждый атом действительно полон жизни.

— Что же мы должны сделать, чтобы вложить в них жизнь? Нужно поверить, что они живые? — спросила Рута.

— Простой веры недостаточно. Она относится к уму, а потому его возмущения могут легко её поколебать. Предложить им жизнь — нечто отличное от веры в то, что в них есть жизнь. Это значит в верном смысле понять, что в данных статуях есть жизнь.

— Нужно медитировать на том, что в них жизнь? — спросила Пратичи.

— И этого недостаточно. Существует настрой сознания, который является опорой вашего тела, жизненной силы и ума в единстве. Он поддерживает вас в виде человеческого существа. Это самое единство вы и можете предложить для настроя жизни атомов какого-нибудь предмета таким образом, чтобы она произвела деятельность, свойственную живым организмам.

— Я не могу это понять, — сказал Хари Шарма.

— Возьмём для примера данные статуи. Они сделаны из камня. В камне есть минералы, а в минералах — атомы. Есть в них частицы и ещё более мелкие, чем атомы, состоящие из вибраций пространства. Они — не что иное, как элементарные кирпичики сознания.

Сознание — это то Я в вас, которое позволяет вам ощущать — я есмь. С этой осознанностью вам нужно начать жить вместе со статуями. И пока вы можете сохранять её, то способны навести в них жизнь.

— Как же достичь таких сил? — спросила Рута.

— Для этого есть особый процесс. Он бывает двух разных видов. Один состоит в собирании требуемого материала и научном его расположении, в результате чего синтезируются вибрации звука, осязания, формы, вкуса и запаха. Знающие этот процесс называются тантриками. Мне известно о тантрической науке всё и во всех подробностях лучше, чем кому-либо из живущих в наши дни. Например, внезапно убив живое существо и слив его кровь, можно использовать жизненную силу, исходящую из неё, чтобы привлечь силы пяти чувств и заставить их проявиться в какой-нибудь странный феномен. Этот способ называется колдовством. Если жизненную силу, уходящую из крови, направить в некоторую форму жизни, которая при правильном ею управлении станет служить вам так, как вам нужно, то вы также сумеете заставить данный образ явиться перед вашими глазами, осязать его и наслаждаться присутствием. Созданные подобным образом существа называются якшами. Всё это принадлежит к одной части магии — к малой магии. Каждый раз, когда бывает нужно проявить эти силы, приходится убивать живое существо. Убивать, чтобы съесть, допустимо, но лишать жизни ради любопытства или извлечения подобных сил — один из величайших грехов, и потому влечёт неизбежные последствия. Убитое существо на время овладевает умом колдуна, который со временем откатывается назад в своей ментальной эволюции. Он впитывает животные черты, деградирует в умственном развитии и становится добычей одного из своих чувств. Поклоняющиеся демонам впитывают демоническую природу, а те, кто чтит божественные разумы, — природу данных разумов. Те же, кто

поклоняются единому Я во всём, войдут в самую суть божественной природы. Так говорит Кришна в своей Бхагавад-гите. Как бы ни был научен тантрический метод, он является рискованным и противоестественным. Однако есть и другой способ — универсальной Любви. Когда практикуешь его и прилагаешь к окружающим существам, силы начинают проявляться сами, совершенно естественно. И прогресс такого практикующего не ограничивается развитием этих сил. Он продолжается во многих измерениях, пока не приводит к освобождению от всех видов рабства самообусловленности. Его предельным результатом является великое освобождение собственного сознания, когда оно входит в сознание Единого, присутствие которого повсеместно.

— Ваши близкие ученики с восхищением рассказывают, что вы можете управлять зверями земли, ядовитыми лесными тварями и даже неодушевлёнными предметами. Мы хотели бы, чтобы вы сейчас же продемонстрировали свои силы, — сказал Хари Шарма.

— Любопытство — очень нежелательная черта, — ответил Локаята. — Я теперь изменился, и моя совесть не позволяет мне управлять кем-либо вокруг. Однако поскольку вы очень хотите это увидеть, то сегодня по такому великому случаю жертвоприношения Господа я продемонстрирую вам свои силы в последний раз. После этого я совершу отречение, предложив себя вместе со всеми моими силами Космическому Сознанию Вездесущего.

ГЛАВА 27

Был день полнолуния, и до восхода оставалось двадцать минут. Западный океан, окружавший Двараку, катил свои волны более оживлённо, чем обычно. Он ласкал своё дорогое дитя, Двараку, тысячами мягких

молочных пальцев — своих волн. Дева восхода распустила свои волосы, и звёзды стали исчезать одна за другой, подобно цветам, соскальзывающим с её волос. Первые полоски солнца заблестели на верхушках вздывающихся волн океана. В Двараку были приглашены жители пастушеской деревни Бриндаван, при этом всех женщин данной деревни созвали на женской половине дворца Кришны. Заглядывая через двери и окна, они посыпали ему искрящиеся лучи своей материнской любви. Деваки, мать Кришны, трижды настёрла его ароматным маслом, а Яшода, приёмная мать, умастила его нежное тело маслом и искупала в ароматной ванне. Сатья, любимая жена Кришны, нанесла ему надбровный знак, а Рукмини, старшая жена, подвела его глаза полосками анджана. Другие его жены, Джамбавати и Митравинда, пристегнули ему на плечи драгоценности, Лакшана и Бхадра украсили его уши кольцами, а Калинди и Наджняджити — гирляндами. Отец Кришны, Васудэва, увенчал его голову великолепной короной с двенадцатью драгоценными камнями, а Нанда, приёмный отец, привёл Господу молочно-белую корову.

Тысячами брахманов была исполнена Пурушасукта — песнь о Космическом Человеке. Тысячи мелодичных женских голосов пропели гимн Святой Матери в стиле Самаведы. Юноши из солнечной и лунной царских династий обмахивали Господа молочно-белыми кисточками из хвостов чемари, а Сандипани разбрасывал священный рис с куркумой и пел свои благословения. Всё пространство было наполнено волнами ведических песнопений. Мастера ритуала стояли на назначенных местах, чтобы составить красивую форму Космического Человека. На свободном пространстве перед дворцом Космического Шара был воздвигнут большой алтарь.

Алтарь покрывал ровный слой коровьего навоза и украшали меловые и разноцветные узоры. Разные

травы, вымоченные в гхи, были сожжены на алтаре, что придало всей округе высокий заряд сознания. Священное пламя, вознёсшееся в воздух, вызвало к действию космические разумы, которые распространялись над городом, дав своё благословение. На флаге, поднятом возле башни Космического Шара, трепетала эмблема крылатого шара. Господь грациозно сел на свой великолепный золотой трон, отделанный алмазами, дав своими руками знаки предложения и защиты. Восемь цариц заняли девять сидений, окружавших трон.

Встав, Кришна поклонился к ногам Деваки и Васудэвы, а затем — к ногам Нанды и Яшоды. После этого почтительного поклона он снова занял своё место. К нему стали подходить почётные гости, и каждому из них Господом были пожалованы драгоценности, оружие, одежды и короны. Удостоившись этой чести, они по порядку возвращались на свои места. Святые брахманы, которые поддерживали Вечный Закон Господа, также были удостоены наград и вернулись с листьями бетеля, золотыми монетами, кольцами с алмазами, одеждами и рукописями Писаний на пальмовых листьях. Отходя, они мягко и мелодично пели ведические гимны. Принцам были пожалованы мечи и короны, и с ними они возвращались из крепких объятий Господа. Риши, великие учителя Белого Острова, один за другим, подходя, целовали Господа в лоб. Майтрея был удостоен особой чести — Господь прикоснулся к его сердцу, — и в ответ он с любовью обнял Кришну. Затем, чтобы выразить своё почтение, стали подходить разные ученики Кришне из отшельнических обителей, одетые в тигровые шкуры. Пришёл и поклонился Судама, за что был удостоен улыбки Господа. Многие девушки небесной красоты приближались к Кришне с танцами и музыкой, и выразив почтение, припадали к его рукам, получая благословение. Затем к Господу подошли девушки-пастушки. Он встал и поклонился им в ноги. Они благо-

словили его и вернулись, полные любви и восхищения. Десять военачальников, недавно назначенных Господом руководить провинцией Палиц, удостоились царских знаков раковины и колеса. Старейшины четырёх кланов Яду поклонились и выразили почтение. Юдхиштхира и четверо его братьев получили от Господа короны и наплечные щитки. Они пришли поклониться в сияющих доспехах. Восемнадцать сыновей Господа стояли по сторонам от него, держа в руках белый зонт и опахало. Гада и Шамба в экстазе сели на скамеечку для ног, касаясь стоп Господа. Субхадру и Драупади приветствовали Рукмини и Сатья. Они пришли как богини изобилия и великолепия. Сатьяки и Баларама также удостоились чести и сели по сторонам от Господа.

Затем почтить Кришну приблизились вожди четырнадцати деревень, недавно выстроенных вокруг Двараки. Они были удостоены званий ману с соответствующими царскими знаками отличия и вернулись на свои места. Один из них получил звание Вайвасвата Ману. Он встал на возвышение и обратился к собра-нию: «Мы построили четырнадцать деревень, которые назвали кругом Санкаршана. В каждой живёт по триста шестьдесят семейств, каждой из них предоставлен хороший дом. Тридцать таких домов образуют квартал, каждые два квартала — подразделение, именуемое сезоном. Всего в каждой деревне шесть таких сезонов. Весенний сезон населён святыми брахманами, которые преподают Веды и иные писания, летний сезон семьями кшатриев. Они обучают молодёжь деревни различным воинским искусствам и физическим упражнениям. Сезон дождей населён купцами и торговцами, предводителем которых является Нанда. Они присматривают за сельским хозяйством и продуктовыми запасами, а также находятся в постоянных разъездах, осуществляя обмен товарами между деревнями. В базарные дни купцы и торговцы пользуются золотыми монетами, а в остальное время ведут без-

денежный обмен. Щарат (лунный сезон) включает в себя тех, кто трудится на полях, ухаживает за скотом, а также мастеров, которые строят дома, храмы и планируют города. На них также снабжение водой, фуражом, топливом и зерном. Зимний сезон населяют те, кто присматривает за храмом, службами и ритуалами. При каждом храме имеется кухня и столовая для всей деревни. В каждой деревне храм обращён к улице, ведущей к озеру для купания и бассейну для питьевой воды. Шишира (сезон листопада) включает в себя дома ремесленников — плотников, чертёжников, ювелиров, кузнецов, строителей и прочих. Они также являются наставниками в изящных искусствах, играх и развлечениях.

Все, кто таким образом удостоились чести, расселись ровными рядами в семи залах на семи этажах высокого здания Космического Шара. В центре каждого зала была платформа, на которой играл оркестр и разыгрывалась драма на священные темы. Еда подносилась, перемена за переменой, весь день. Постоянный поток людей втекал в одни ворота и вытекал из других. Весь день медленно двигался в великолепии, восхищении и озарении.

Шар Луны только появлялся над восточным горизонтом. Волны не могли удержать радости моря и начали танцевать, высоко вздымаясь. Огромные объёмы воды взлетали очень высоко в небо и медленно спадали, не пениясь и не разбиваясь. Волны подымались и опускались в изящном ритме и в конце концов погружались в недра молочного океана. С каждой минутой после восхода луны появлялись всё более мощные и крупные волны, которые становились всё больше и больше, пока не начали возноситься высоко в небо острыми формами, напоминающими башни и храмы.

Каждая из них в течение краткого срока своего существования была украшена отражением луны, и когда Кришна начал играть на флейте в момент её восхода, открылось зрелище рождения многих сотен лун. Люди

из всех мест области Яду собирались там, и по всему городу Двараке и окрестностям простиралась непрерывная масса людей. Она достигала самых берегов океана. Казалось, что большие здания, башни, двери, окна и городские стены составлены из огромного числа человеческих существ, плотно прижатых друг к другу. На побережье Двараки людей было, как песчинок на берегу. Сколько мог видеть человеческий глаз, океан казался морем лодок с цветными лампами. Первый звук музыки флейты нашёл свой путь, как луч сознания к каждому. Он медленно распространялся и занимал многомерное пространство. Звук музыки путешествовал в пространстве, подобно множеству ползучих растений, касаясь сознания каждого из сердец и соединяя его с сердцами других.

Музыка текла через группы людей, подобно протокам реки, обтекающей множество песчаных холмов, чтобы вновь соединить поток через них и над ними. Одно сознание вибрировало через всех живых существ. Оно отправилось из флейты Кришны и достигло океана через море сознания человечества. Господь музыкой начал выходить из своего тела в форме собственного дыхания. Он стал распространяться, проникая во всё своим присутствием. Через несколько минутказалось, что музыка сама течёт через флейту, выходя из семи отверстий, и касается сердца человечества, напитывая его блаженством. Всё представлялось одной волной сознания души. Никого не было, кроме единой души во всём. Умы всего растворились, и остался лишь океан бытия. Люди не могли понять, что их умы растворились. Никто не мог сопротивляться происходившей перемене. Умы не понимали, куда они переносятся, могли лишь понять, что они исчезают, пока совсем уже не помнили, что умов нет. И никого не было, поскольку не было ума, только Кришна, повсюду играющий на своей флейте. Через некоторое время и Господь ускользнул от их восприятия.

Осталась лишь музыка, а Кришны не было. И музыка тоже ускользала от их сознания. Один Кришна помнил себя и свою музыку в каждом. Тысячи молний танцевали вокруг него; это были души. Они входили в него, а выходили в виде звуков флейты. Целое сознание растворялось в музыке, пока не стало вращающимся шаром бытия. Океан молний принял форму шара, и пространство наполнилось шаром бытия души. Время исчезло. Вся Дварака стала одной вибрацией душ, плывущей по поверхности волн. Возникла большая волна, в мерцающем свете отражающая Белый Остров, образ которого состоял из множества лунных лучей. Мудрецы Белого Острова сразу же восприняли эту вибрацию и объединились с общим сознанием души. Возникла другая волна, и на ней, составленное из лунных лучей, появилось отражение цепи заснеженных гор. Мудрецы Гималаев приняли вибрацию и тоже стали существовать в сознании души. Третья волна отразила свет Майтреи, принявшего эту вибрацию вместе с Мару и Дэвали в пещерных храмах.

Возникла четвёртая волна, и на ней была тень. Святые Чёрного Острова получили вибрацию, и со своим гуру, Ведавьясой, все как один возрадовались ей. Следующая волна имела голубой оттенок. Вибрацию приняли обитатели Голубых Гор и единым сознанием возрадовались вместе с Агастью. Затем поднялась волна, вершина которой вздымалась в виде храмовой башни, и ту же вибрацию во всех храмах пережили Уддхава и его ученики. И вот поднялась волна, отражающая долину. И тогда вибрацию получил Локаята и все присутствовавшие там души. Читрабхану играл на флейте, когда он получил эту вибрацию. Музыка вошла в его флейту и проникла весь ашрам, флейта выскользнула из рук и упала на колени. Тем не менее музыка была слышна. Она слышалась издалека, с другой стороны долины. Локаята, получив вибрацию, своей магией пробудил к жизни обнажённые

статуи, стоявшие в бассейне. Они вдруг осознали, что они голые, и, смутившись, скромно склонились, а затем, оглянувшись, инстинктивно прикрылись руками. На дереве неподалёку статуи обнаружили свои одежды, и там на ветке сидел Кришна, играющий на флейте.

Затем возникла волна, на которой мелькнуло лицо Саты. Она затрепетала, улыбнулась в экстазе и положила голову Господа себе на сердце. Наконец появилась волна, на которой мелькнуло лицо Рукмини. Она затрепетала, сложила руки и поклонилась Кришне, коснувшись головой его головы. Её взгляд встретился со взглядом Господа, и это был уже только один взгляд.

СЛОВАРЬ

Агама. Наука изречения, позволяющая творить разными способами на разных планах.

Аграхара. Плодородный участок земли, выделяемый царём брахманам, которые живут в его стране и совершают аскезы и жертвы ради благосостояния человечества.

Анджан. Чёрное косметическое средство, приготовляемое из чистой камфоры для подведения глаз и ресниц.

Бадаришрама. Святое место в Гималаях, где обильно растёт плод бадарика. Одно из святых мест на берегах Ганга, известное своей необычайной духовной силой. Этот плод также называется «джуджубе» (зизифус, ююба, китайский финик).

Барбара. Народность, населявшая холмистые местности на северо-западе Индии.

Брахмаварта. Другое название древней Индии, означающее «место, озарённое светом Брахмы».

Бхараты. Так по имени царя Бхараты называлась древняя Индия.

Бхупала. Разновидность раги (один из музыкальных ритмов или жанров), исполнявшаяся только на заре.

Вайсампаяна. Ученик Ведавьясы.

Гандхара. Северо-западная область древней Индии.

Гаятри. Ведический размер, в котором три строки под восемь слогов. Всего там 24 слога, символизирующих 24 лунных фазы лунного года. Этим термином также обозначается великая универсальная мантра, применяемая для пробуждения в каждом осознания высшего бытия.

Говардхана. Холм, который Кришна поднял одним мизинцем, чтобы спасти ядов от гнева Индры.

Голубые горы, или Нильгири. Горная цепь в южной Индии, где живёт мудрец Агастья.

Гхи. Особым образом очищенное топлёное масло. — *Прим. пер.*

Дамарука. Небольшой ударный инструмент в руке Господа Шивы.

Дамаянти. Супруга царя Налы. Она — одна из пяти женщин, прославившихся своей преданностью мужьям; согласно Пуранам идеал женщины.

Драупади. Дочь царя Друпады, жена пятерых Пандавов, сестра Кришны. Её также называли Панчали. Родилась из священного огня, разведённого её отцом.

Дхармакшетра. Страна Дхармы (божественного Закона).

Индрапрастха. Столица Пандавов.

Кали. Персонификация эпохи Кали, кали-юги (о кали-юге см. «Трактат о космическом огне» Алисы Бэйли, с. 39).

Камандала. Небольшой сосуд для воды; одно из толкований — хранилище нектара мудрости. — *Прим. пер.*

Каши, или Варанаси (Бенарес). Самое священное место паломничества на берегах р. Ганг. Ему покровительствует своей милостью Господь Шива. Ортодоксальные индузы считают это место наиболее предпочтительным для оставления тела.

Кишкинда. Царство существ с лицами обезьян, которые в трета-югу помогли Раме в борьбе против Раваны.

Колесо и раковина. Господь Вишну держит в четырёх руках колесо, раковину, палицу и цветок. Колесо

символизирует вечность времени и пространства, а раковина — изречение слова Ом.

Кумкум. Порошок, используемый для нанесения надбровного знака (см.)

Кундалини. Свёрнутая в спираль духовная искра, у человеческих существ спящая в центре у основания позвоночника. Практикой йоги она пробуждается и поднимается на уровень головного центра.

Курантака. Паста, изготавляемая из листьев и применяемая для крашения ногтей.

Куса. Священная трава, используемая при ритуалах.

Майтрея. Мировой учитель.

Матхура. Столица ядовит до того, как была построена Дварака.

Маусала парва. Часть Махабхараты. Она рассказывает о рождении маусалы (палицы) и последовавшей смерти всех ядовит.

Надбровный знак. Знак, наносящийся между бровями для медитации и стимулирования межбровного центра — аджня чакры.

Нара и Нааяна. Нара — душа, или принцип ума, Нааяна — дух; они воплотились, соответственно, в Арджуне и Кришне.

Нарада. Разумом рожденный сын Брахмы, великий посвятитель космического плана, называемый посланцем богов.

Падмасана. Сидячая поза для медитации, которая похожа на лотос.

Пандит. Ученый, хорошо знающий санскрит и ведическую литературу. — *Прим. пер.*

Панчала. Район неподалеку от Пенджаба (в северной Индии), где протекают пять рек.

Праяга. Место, где сливаются три реки — Ганга, Ямуна и Сарасвати.

Рама. Мировой учитель до Кришны. Он спускался в качестве аватары Вишну в эпоху трета-юга.

Савитри. Мир нисходит в четыре стадии. Они олицетворяются богинями (дэвами) Сарасвати, Савитри, Гаятри и Парашакти. Создание в уме Бога до нисхождения на физический план — это Савитри.

Сама Веда. Одна из четырёх Вед, песнь дыхания.

Самадхи. Восьмая ступень йоги, предельное состояние блаженства.

Сита. Супруга Рамы.

Сугандхи (*Sarasaparilla*). Применяемая при ритуалах трава, вибрации которой помогают подняться на более высокие планы.

Туласи (*Oscitum sanctum*). Священное растение. Когда его держат во дворе дома, оно распространяет здоровые вибрации.

Хастина. Древнее название Дели.

Чампака. Золотисто-жёлтый ароматный цветок.

Чёрный Явана, или Кала Явана. Могущественный асура (демон), персонификация Кали, который хотел установить в Бхарате беззаконие.

Шри Хари. Проявленное сознание основы.

Шудры. Рабочий класс в древнеиндийском обществе.

Яваны. Чужаки, проникшие в древнюю Индию через северо-западный регион.

Яду, или ядавы. Класс, к которому принадлежит Господь Кришна. Потомки царя Яду.

Оглавление

Предисловие	3
ГЛАВА 1.....	6
ГЛАВА 2.....	12
ГЛАВА 3.....	17
ГЛАВА 4.....	26
ГЛАВА 5.....	36
ГЛАВА 6.....	47
ГЛАВА 7.....	56
ГЛАВА 8.....	61
ГЛАВА 9.....	68
ГЛАВА 10.....	73
ГЛАВА 11.....	79
ГЛАВА 12.....	88
ГЛАВА 13.....	98
ГЛАВА 14.....	105
ГЛАВА 15.....	108
ГЛАВА 16.....	114
ГЛАВА 17.....	117
ГЛАВА 18.....	123
ГЛАВА 19.....	127
ГЛАВА 20.....	133
ГЛАВА 21.....	142
ГЛАВА 22.....	147
ГЛАВА 23.....	154
ГЛАВА 24.....	159
ГЛАВА 25.....	172
ГЛАВА 26.....	175
ГЛАВА 27.....	179
СЛОВАРЬ.....	187

Духовно-просветительное издание

Кришнамачарья Кулапати Эккирала

Эль Мория. Джувал Кхул. Майтрея
ДВЕ ЖИЗНИ. НАЧАЛО

Подписано в печать 16.03.09.

Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 10.

Тираж 2000 экз. Заказ № 755

Издательский дом «Амрита-Русь»

107061, Москва, ул. Б. Черкизовская, д. 1, стр. 1

Тел./факс: (499) 264-0589; Тел.: 264-0581

E-mail: info@amrita-rus.ru; www.amrita-rus.ru

Книга почтой: 107140, Москва, а/я 38

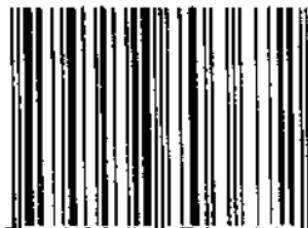
Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52

www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

ISBN 978-5-9787-0367-2

9 785978 703672

